

УДК 133.4
ББК 86.41
А94

Афанасьев, А. Н.
А94 Славянские колдуны и их свита / А.Н. Афанасьев. — М.: РИПОЛ классик, 2009. — 480 с — (Сокровенные знания славян).

ISBN 978-5-386-01590-9

Изучая и собирая достоверные этнографические источники, известный исследователь славянского фольклора А. Н. Афанасьев знакомит нас с колдовскими поверьями славян, сверхъестественными способностями колдунов и ведьм, которые пользовались в древности заслуженной славой и авторитетом, как среди простых крестьян, так и правителей. Вы узнаете о таинственных и загадочных существах природы, с которыми общались волхвы и ворожеи для помощи в сохранении урожая, при губительных эпидемиях, а также для помощи в бытовых нуждах простым людям

УДК 133.4
ББК 86.41

ISBN 978-5-386-01590-9

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2009

Введение

Издревле в народной мифологии славянских и арийских племен нашли отражение как явления могущественных и загадочных сил природы, так и их представителей на земле — колдунов, жрецов, волшебников всех мастей и видов. Несмотря на насаждаемую христианскую мифологию, в народных массах и аристократии долгое время были популярны обряды, поверья и обычаи седой языческой старины.

Собранные выдающимся фольклористом Александром Николаевичем Афанасьевым (1826 — 1871) документальные свидетельства и изустные предания о мистических поверьях тех далеких лет проясняют многое о загадочных и таинственных колдунах и волхвах прошедших времен.

В данной книге приводятся описания тех божеств и мифических героев, которым народное предание назначило представлять грозные и смертные силы. Древние языческие верования и представления славян о темных силах природы значительно отличаются от традиционной классической демонологии, возникшей в Средние века на основе каббалистической философии. Загадочные и страшные существа народных мифов и легенд нашли свое место в повсед-

Д. Н. Афанасьев

000000>00<><><><>00<>00<>00^^

невной жизни наших далеких арийских предков — месяцы года, явления природы, темные силы зимы и болезней.

Пытаясь договориться, а то и управлять могущественными и грозными силами природы, наши славянские и арийские предки разрабатывали и передавали из поколения в поколение различные колдовские обряды и методы. Чудесные и другие паранормальные способности в древности проявлялись различными способами: оборотничество, заклинание стихий природы и обряды на плодородие, установление равновесия с вредоносными силами природы, искусство плетения науз, различные предсказательные техники и пророчества

Также в книге указаны факты, иллюстрирующие отношение общества тех далеких времен к людям, владеющим и использующим свои паранормальные и колдовские способности, — от почитания и уважения до преследования и безотчетного страха. По дошедшим до нас историческим сведениям, становится ясной важная и ключевая роль волхвов, вещих людей и колдунов всех мастей в различных общественных и политических событиях тех лет. Иногда во время эпидемий и политических интриг обладатели волшебных и необычных способностей и знаний подвергались необоснованным репрессиям, которые в католическом мире носили характер массового геноцида, проводимого инквизицией.

Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков

Древнейшие представления о боге-громовнике носят двойственный характер: являясь, с одной стороны, божеством светлым, разителем демонов, творцом мира и подателем плодородия и всяких благ, он, с другой стороны, есть бог лукавый, злобный, приемлющий на себя демонический тип. Эта двойственность в воззрениях первобытных племен возникла под влиянием тех естественных свойств, с которыми выступает гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачные облака и вредные испарения, то посылающая град и бурные вихри, опустошающая поля, леса и нивы и карающая смертными молниями. Шествуя в тучах, громовник усваивает себе и их великанские признаки и, согласно с представлением туч темными подземельями, становится богом подземного (адского) царства. Чтобы обозначить эти различные, одна другой противоположные стороны в характере громовника, народ давал ему и соответственные им прозвания, которые впоследствии перешли в имена собственные, обособились и разъединили единое божество на две враждебные личности: рядом с небесным Зевсом является другой, властвующий не на небе, а под землею — *Zevq* $\chi\sigma\tau\tau\epsilon\chi\chi\nu\upsilon\epsilon\omicron\sigma$, „Jupiter niger“, то есть Плутон, царь того света и усопших¹; возле благого, плодородящего Тора — лукавый Локи.

¹ Точно так же Персефона есть подземная Гера — Juno inferna — Griech. Myth. Преллера; D. Myth., 945.

Этот последний вполне соответствует Гефесту (Вулкану), богу подземного огня, искусному ковачу молниеносных стрел, о котором греческий миф рассказывает, что раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю и что вследствие этого падения Гефест повредил ногу и навсегда остался хромым Локи, хотя и числится в обществе асов и признается их товарищем, тем не менее есть существо коварное, обманчивое, состоящее в самом близком родстве с демоническими силами; низвергнутый с неба и окованный цепями, он потрясает землю; подобно Гефесту, он хром и также клеймит богов злыми насмешками. Хромоту соединяет древнее сказание и с славным кузнецом Volundr'оМ¹. Быстрота молний заставила сблизать их не только с летучими, окрыленными стрелами, но и с ногами, как необходимыми орудиями движения, резвого бега.

Отсюда объясняется, почему русский сказочный эпос изображает героев — представителей весенних

¹ Я. Гримм допускает тождественность между богом Loki и великаном Logi (naturkraft des feuers, от liuhan — lucere), сыном Формиотра (forn-iotr, der alte iotr, iotunn).

² D. Myth., 220—1 («Zumal vorstehend ist die analogie, dass Hefast durch Zeus vom Olymp herabgesturzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die holle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als kunstlichen schmied und meister der zwerge darstellt») 351; Симрок, 113—5.

гроз с ногами по колено в золоте, почему греки давали своим богиням эпитеты сребро- и златоногих, почему, наконец, подвижная избушка ведьмы (ходячее облако) стоит и повертывается на курьих ножках, т. е. на ногах петуха (кура), имя которого доныне употребляется в значении огня. Богатырские кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачным скалам, высекали из них молниеносные искры и открывали путь дождевым источникам. Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией, то полет ее фантазия стала сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромого человека или животного; а громовому удару стала приписывать отшибание пят или повреждение ноги у героя громовника, когда он является в облачные подземелья добывать оттуда золото солнечных лучей и живую воду дождя.

Такой удар наносят ему тяжелые двери демонских кладовых или железные врата адовы; под дверью здесь разумеется то отверстие, какое прорубает в темных тучах Перунова палица. Когда заблестит молния, чехи говорят, что это Бог отворяет в небесном чертоге дверь или окно и что в ту минуту поют там хоры ангелов, т. е. слышится грозовая песня². Зевсу в битве его с Тифоном были подрезаны на но-

¹ Римляне чтили Марса под образом кривого меча — hasta curva

² Пов. и пред., 153—5; Громанн, 36—37.

гах жилы; по свидетельству индийского мифа, Кришна, славный победитель дракона, был ранен в подошву, откуда объясняется и греческое предание об ахиллесовой пяте; наши сказочные герои иначе не могут освободиться из подземного мира, как отрезав свои икры и скормив их дракону или вихрю-птице, на крыльях которых вылетают они на белый свет. То же увечье испытывают и мифические животные, в которых издревле олицетворялись грозные тучи. Так, козел Тора охромел, потому что у него была разбита кость задней ноги; а конь Бальдура вывихнул ногу в то самое время, как этот бог сопровождал Одину в его бурном поезде. По указанию русской сказки, когда царевич доставал живую воду, толкучие горы (тучи) отшибли его богатырскому коню задние ноги. Падение молнии на метафорическом языке обозначалось утратой того члена, какому уподоблялась она в данном случае: бог-громовержец или демон-туча терял свой золотой волос, зуб, палец, фаллос, перо из своих крыльев или ногу. Звери, в образе которых народные предания живописуют грозные явления (собака, заяц и др.), весьма часто представляются треногими; немецкие саги заставляют дикого охотника, ездить на треногом коне¹ и бросать с высоты воздушных пространств заднюю ногу оленя или коня, которая потом превращается в золото.

¹ Der Ursprung der Myth., 140—1, 224—8; Beitrage zur D.Myth.

Взирая на извив молнии как на тот не прямой путь, которым шествует бог-громовник, древний человек, под непосредственным воздействием языка, связал с этим представлением понятия коварства и злобной хитрости. В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды, той кривой дороги, какою идет человек недобрый, увертливый, не соблюдающий справедливости; до сих пор обойти кого-нибудь употребляется в смысле: обмануть, обольстить. Лукавый — хитрый, злобный, буквально означает: согнутый, искривленный, от слова лук — согнутая дуга, с которой и смертные и сам Перун бросают свои стрелы; лукать — бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгиб морского берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всех кельтских наречиях кам — кривой, в кимр. — худой, злой, а в ирланд. — сильный, могучий, кимр. каму, армор. камма — натягивать лук¹. Напротив, с понятием правды соединяется представление о прямоте душевной; прямить — говорить правду (напрямки, впрямь), прямой человек — честный, неподкупный, идущий прямым путем

Лукавство и хитрость считались у грубых первобытных племен существенными признаками ума,

¹ Галлы, соч. Георгиевского, 126.

мудростью; другие выражения сближают ум с быстротою — понятием, неразлучным со всеми представлениями стихийных духов: владим. — дострёмиться (стремный, стреадый — скорый, проворный) — догадаться, достремливый — то же, что дошлый: смышленный, догадливый, буквально: добегающий, достающий до цели; перм угонка — сметливость, догадка; с тем же значением употребляется и слово дамёт («не в дамёт» = невдомек, от до метнуть). Серб, хитар, тождественное с нашим хитрый, значит быстрый, хорут. hiteti — спешить, старослав. хы(и)тити — схватить, поймать; сравни чеш. chwataiti, новгор. и твер. хвататься — торопиться, серб, дофатити (дохитити) — достигнуть и рус. хват — молодец; хапать. — схватывать и олон. хапис-тый — молодцеватый. Следовательно, хитрый первоначально могло означать то же, что и прилагательное ловкий, т. е. тот, который удачно, скоро ловит, а затем уже — умный. Приведенный ряд слов переносит нас в те отдаленные времена охотничьего быта, когда меткость стрелы, быстрота в преследовании дичи были главными достоинствами мужчины, ручательством за его ум¹. Наряду с словом «лукавый», которое сделалось нарицательным именем черта (у немцев: der bose, feindliche, unholde, у Отцов Церкви: antiquus hostis²), хитник также служит для

¹ Потебня, 62—66.

² D. Myth, 940—2

обозначения нечистого духа как коварного обольстителя и в то же время похитителя небесного света и дождей, а впоследствии — похитителя душ христианских; сравни: вор и проворный.

Под влиянием указанных воззрений и языка бог разящих молний переходит в хромонового демона, и доныне у разных народов продолжают давать этот эпитет дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux¹, хромой бес, хромой черт²; в Воронежской и других губерниях нечистого называют «Антип беспятая»³; чехи поминают kulhaveho, certa и kulhave hromy⁴. В народных сказках черт нередко является искусным кузнецом, с чем как нельзя более гармонируют и его черный вид, и его пребывание в покрытых сажею и горящих адским пламенем пещерах; в самый короткий срок он может перековать в гвозди огромное количество железа; в Германии думают, что, ударяя кузнечным молотом в полночь, можно вызвать нечистого духа⁵. Падающие с облачного неба, молниеносные духи (чеш. Svetlonosi, то есть эльфы⁶) в эпоху христиан-

¹ D. Myth, 352, 945.

² Архив ист.-юр. свел., II, полов. 2, 152 — народная поговорка: «Черт хром, да с рожками»; Н. Р. Лег, 20.

³ Ворон Г. В. 1850, 29.

⁴ Гануш о Деде-Всеведе, 28, 37.

⁵ Beitrage zur D. Myth., 11, 313.

⁶ Громанн, 2ft svetlonosi собираются на лугах и полях, танцуют, сбивают путников с дороги и бросаются им на спину; можно накликал их свистом.

ства смешались с теми некогда светлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоумие были низринуты, по библейскому сказанию, во мрак преисподней. Я. Гримм относит название Loki к корню lukan (claudere — запирать, claudus — хромой); сканд. lok-finis, consummatio, loka — запор, засов у дверей: свидетельство языка — в высшей степени любопытное и знаменательное, так как молния истари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему их на все время холодной зимы; «замкнутое небо», то есть небо, не посылающее дождей. В качестве демона Локи замыкает облака, налагает на них крепкие запоры, задерживает небесные воды и производит неурожай.

В противоположность Тору, покровителю земледелия и произрастителю хлебных злаков, он засеивает поля сорными травами; в Норд-Ютланде вредная для скота трава называется Lokkens havre — подобно тому, как на Руси осот считается чертовым зельем «nu saaer Lokken sin havre» (теперь Локи сеет свою траву). В Средние века черта представляли под символом молота, засова и запора. В шведской песне о Тогкаг'е черт, похитивший молот, назван troll-tram, от сканд. trami, tremill, др.-нем dremil — засов у дверей. Седьмой день, посвященный италийцами

¹ Люцифер, владыка ада, по самому значению его имени был первоначально светлым духом — D. Myth, 937.

² Ibid, 222-3, 951-2.

Сатурну (dies Saturni), у германских племен называется: Soeteresdag, Soeternesdag, Saturday, Saterdei, Satersdag; англосакс soetere — insidiator, скрывающийся в засаде враг, подстерегающий злоумышленник (др.-нем sazari, ср.-нем saze — insidiae=laga, lage). Такое название субботнего дня приводит на мысль сканд. laugardagr, швед, logerdag, дат. loverdag, что в более раннюю эпоху могло быть равносильно выражениям: Lokadagr, Logadagr — день, посвященный Локи.

Итак, Локи соответствует Сатурну, жестокому богу преисподней; с именем этого последнего и с именем созвучного ему Сатаны народ и связал свои воспоминания о древнем национальном божестве демонического характера. В Священном Писании Сатана есть отец лжи; сканд. Locki — verffihrer, vertocker, nachsteller, дат. Loke lojemand (lovmand) намекает на lyve — лгать, обманывать (prat, loi); Гримм подозревает сродство между словами liige — ложь, обман и logi — огонь, вихрь. У немцев, русских и чехов существует примета: если огонь горит с треском и прыгают из печи искры, то в семье произойдут ссора и брань. Слово wind употребляется в значении клеветы, ложного доноса, windbeutel — лжец; точно так же в русском языке «слова, сказанные на ветер» означают: пустые речи, враки, ветреный человек — беспутный; у датчан есть пословица: logn er et skadeligt uveir («Ложь — опасная буря»). Der

liigner — не только лжец, но и насмешник, шутник, каким и представляется Локи в сказаниях Эдды; наши поселяне дают черту, домовому и лешему название шута, шутика¹.

Старинные хроники свидетельствуют, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Так, Массуди в «Золотых лугах» говорит, что во храме, построенном на Черной горе, стоял идол, изображавший Сатурна, в виде старца, с палкою в руках, которою он разгребал кости умерших; под правою его ногою были видны муравьи, а под левою сидели вороны и другие хищные птицы. Видукинд упоминает о медном идоле Сатурна у вагров. Славянское имя этого бога, следуя глоссам Вацерада, было Ситиврат. Словаки местом входа в ад назначают пропасти горы Ситна (название, стоящее, может быть, в связи с именем Ситиврата) и злого духа называют пропастником, препадником².

Вообще следует заметить, что народные предания и поверья о нечистых духах изображают в них демонов грозовых туч и бурных вихрей, а в их адском жилище — мрачные вертепы облачных гор. На это мы уже не раз указывали в предыдущих главах нашего сочинения, посвященных великанам,

¹ D. Myth, 226—7, 568, 968; Громани, 42; Обл. сл., 257 (черный шут), 269.

² Макуш, 81—82; Ч. О. И. и А, год 2, III, ст. Срезневский, 45; Nar. zpiewanicy, 1, 429; Срезневский, 17.

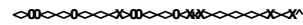
карликам, водяным, лешим и другим стихийным духам, с которыми постоянно смешиваются черти. Вритра, Аги, Cushman и другие демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловеченные явления природы, ибо деятельность их обнаруживается в потемнении неба громовыми тучами, в воздымании бурь и опустошении нив градом; обитая в облачных горах или среди дождевых вод, они похищают небесных коров и дев, солнце, месяц и дождь и сражаются с Индрою — молния против молнии¹. В шуме весенних гроз предки наши созерцали битву громовника с демоническими силами, которых он разит своим молотом, палицей или стрелами, и доселе существует поверье, будто ударом молота по наковальне молено наложить на черта оковы². К тем сведениям, какие собраны по этому предмету выше, мы добавим свидетельство старинного англосаксонского памятника, сходного по содержанию с русским стихом о Голубиной книге. Здесь, между прочим, описывается борьба Сатаны с Богом: дьявол претворяется в тьму, а Господь — в свет, первый принимает образ исполинского змея, а последний — копьа.

Наконец, сожженный Божьей молнией, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождем, Сатана признает себя побежденным, и Господь

¹ GerraMythen, 167—8.

² Ч. О. И. и Л1865, IV, 239.

налагает на него железные цепи¹. Под другим поэтическим воззрением гроза и крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбою или пляскою, и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние вьюги и метели посылаются нечистою силою; появление и исчезновение чертей сопровождаются бурей и треском ломающихся деревьев. Манихеи и другие еретики внесли в свое учение догмат, что буря есть дыхание заключенного в оковах дьявола, что гром — скрежет его зубов, злобное ворчание, а дождь — капли его пота². В сербской рукописи XIV века содержится отрывок заклęcia против нечистой силы, в котором читаем «...запрещаю ти четириими патриархи, запрещаю ти, диаволе, 308 святых отец, иже в Никеи, да не имаша власти на троудех христианьских (то есть над нивами) одъждити (одождити) боурею и злим градом»³.

По мнению чехов, вместе с вихрями, поднимающими пыль столбом, движутся злые духи и причиняют людям болезни; сражаясь в воздухе, черти бросают друг в друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусков и падают на землю градом; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаят ее следующей заповедной формулой: «zaklinam vas, andele pekelní kteri posilate krupobiti

¹ Опыт ист. обзор. рус словесн. О. Миллера, 1,332.

² Киевлян., 1865,57; D. Myth., 952.

³ Оп. Румян, муз, 605—6.

pa tento svet, neskod'te ourodam bozim, ani zemi, ani chmelnicim, ani lukam, ani lidem, ani hovadum, ani zadnemu stvofeni bozimu... abyste na skaly a na hustiny sli». Подобно тому в Ведах встречаем молитву: «...не повреди нам, Рудра, на сынах наших и внуках, на лошадях и коровах!»¹. От XVI века дошли до нас сказания, в которых опустошительные бури изображаются как дело нечистых духов: в 1570-х годах в некоторых местностях Богемии жители наблюдали их полет в стремительных вихрях, а в одной деревне рассказывали, будто дьявол свел любовную связь с бабою (ведьмою) и научил ее напускать грозу и град; когда виновную бабу спалили на огне, то черти подхватили ее душу и унесли в вихре.

В 1585 году крестьянин, у которого град выбил ниву, так выразился о своем несчастье: «_vsak Pan Buh tehda spal, kdyz nam cert to obili zdrtil a kroupami potk>ukl!»². В народных клятвах доныне дается черту стихийное значение: «hat dich der teufel aber herzu tragen?», «wo fiihrt ihn der teufel her?», «daz dich der tiuvel hin fxiere!», «var du dem tiuvel in die hant!», «fahr hin zum teufel!», «le diable femporte!», «куда тебя черт занес! (или завел)», «чтоб тебя черт брал!». Сравни с заклęciaми: «was fur ein wetter fuhr dich her!», «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?», «wo schlagt dich der hagel her?»,

¹ Громанн, 33—35.

² Иричек — в Часописи 1863,1,23—24.

«ich will des wetters sein!», «ich bin des donners!», «каким ветром тебя занесло сюда?»; у словаков: «kde tarn ides do Paroma!», «kde si bol u Paгota?» Клятва «zum teufel!» (к черту!) равносильна выражениям «zum dormer!» и «dass dich der hammer!» Рядом с благословением «gott waits!» в устах народа слышится: «des wake der teufel, der dormer!»

Названия teufelskind и donnersldnd, teufelsgeld и donnersgeld (заклятые деньги) тождественны. Черту приписывается быстрота вихря или несущихся в грозе духов неистового воинства; подобно эльфам, черт может внезапно появляться, исчезать, оборачиваться в различные образы и делаться то великаном гигантских размеров, то карликом, способным пролезть в замочную скважину или в пустой орех. В средневековых сагах герои приносятся из дальних стран домой с необычайною скоростью чертом и большею частию чрез воздушные пространства.

Так, король Карл в единую ночь прискакал с востока во Францию на дьяволе, превратившемся в коня¹. Известна легенда о святом пустыннике, которого в несколько часов свозил черт в Иерусалим или в Рим². Другие саги допускают замену нечистого духа

¹ D. Myth., 951,964 — 6,980; Nar. zpiewanky, 1,407.

² Н. Р. Лег, 19,20, с. и с 165—8; Семеньск, 52,53; Пам. стар. рус лит-ры, I, 245—8: «Сказание о великом святителе о Иване, архиеп. великого Новаграда, како был единой нощи из Новаграда в Иерусалиме-граде и паки возвратися».

ангелом, указующим на быстрого коня: знак, что первоначально тут разумелся не злой демон христианского учения, а созданный язычеством стихийный дух (ветр) или сам Вуотан, несущий своего любимого героя в бурном полете облаков¹. Как представитель легко изменчивых облаков и туманов, черт может превращаться во все те образы, в которых древнейший миф олицетворял тучи. Согласно с эпическими названиями облаков ходячими, а ветров буйными, черти вечно бродят по свету и отличаются неустанною, беспокойною деятельностью; на областном наречии шатун означает и бродягу, и дьявола². По быстроте своего полета тучи уподоблялись хищным птицам, легконогому коню, гончим псам и диким козлам и козам, а ради той жадности, с какою они пожирают (помрачают) небесные светила, — волку и свинье.

Все эти животненные формы принимает и нечистый. Из сейчас указанной саги видно, что он, наравне с ведьмами, может превращаться в борзого коня; в других сказаниях он, подобно Вуотану и Донару, выезжает на черном коне или в колеснице; осркденных грешников увозят в адские бездны черные кони; Локи превращался в кобылу и породил осьминоного Слейпнира от великанова жеребца Svadhillfari. Прибавим, что и водяные представляются наполовину, а

¹ D. Myth, 980.

² Обл. сл., 263.

Наподобие Тора черт ездит по ночам на козле и щелкает бичом или правой рукою машет серебря-

По летописному свидетельству, боги, живущие в безднах, «видом черны, крылаты, с хвостами и летают под небо»². Сходно с эльфами, цвергами и пиксами, черти любят пляски и музыку³. Наряду с бесами мркеского пола, предания говорят о чертовках, которые, по характеру своему, совпадают с облачными, водяными и лесными женами и девами⁴. У малору-

⁴ D. Myth, 958–9.

сов есть поговорка: «Дождь да чертовой матери»¹. В народных сказках в жилище черта сидит его бабка, мать или сестра, которая в большей части случаев оказывается благосклонною к странствующему герою, прячет его от своего сына и помогает ему в нужде (с тем же значением изображается и мать ветров); сам же черт, ворочаясь домой, чует носом человеческое мясо, как чуют его великаны и змеи.

По мнению малорусов, если «дождь идет кризис солнца (то есть при солнечном сиянии), то черт жинку бьет» или «дочку замижь виддае»; чехи говорят: «cert belí svou babu, si svou matku neb chot'» (любовницу); французы: «le diable bat sa femme». В Германии о быстро сменяющейся погоде — то ясной, то дождливой и пасмурной — выражаются поговоркою: «Der teufel bleicht seine grossmutter», в Швейцарии: «Der teufel schlägt seine mutter»; когда гром гремит при солнечном сиянии, немцы говорят: «Der teufel schlägt seine mutter, dass sie ol gibt». Польско-русинское присловье утверждает, что ведьмы (чаровницы) сбивают масло в то самое время, как черт бабу колотит. Очевидно, черт выступает здесь в роли громовника; в шуме летней грозы он бьет свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требует от нее масла, то есть дождя. Туча, в недрах которой рождается молния, почиталась ее матерью; в сказках упоминается мать грома, литов. Percuna tete. С другой сторо-

¹ Номис, 109: «Дочекався чортової мами!»

ны, та же облачная нимфа, под иным поэтическим воззрением, представлялась любовницею или женою грозного демона, с которою он сочетается молниеносным фаллусом¹.

Вместе с присвоением громовнику и сопутствующим ему духам характера демонического, сатанинского, жилища их, т. е. облачные подземелья и пещеры, получили значение страшного царства нечистой силы; в то же время царство это признано было обиталищем умерших, ибо и в языке и в поверьях смерть роднилась с нечистою силою², а тени усопших — с грозными гениями. И та, и другие неслись в рядах неистового воинства и дикой охоты, сопровождали Одина в его воздушных поездах и вместе с ним скрывались в облачные юры и дождевые источники. Те же самые образы и краски, какие созданы были поэтическим настроением древнего человека для туч, служили и для обрисовки царства демонов и мертвых.

Прежде всего, это есть мир подземный, куда ведет трудный путь чрез пропасти и горные ущелья, — мир непроницаемой тьмы и страшно клокочущего, всепожигającego пламени: тьма указывает на помрачение неба черными тучами, а пламя — на горя-

¹ D, Myth, 157, 960; Номис, 282; Гануш о Деде и Бабе, 25. Народные поговорки утверждают, что «черт и баба — родня между собою», «где черт не сможет, туда посылает бабу».

² Напомним, что суббота (dies Saturni) есть по преимуществу день поминок.

щие в них молнии. Таково было воззрение арийских племен. Веды знают ркасный, подземный мир Naraka, в котором царствует богиня Nirriti¹; по учению древних греков, души усопших отходят в подземный, вечно туманный и мгlistый ад (бнбле, абг?), где властвует бог Аидес (Гадес), являющийся во всей грозовой обстановке: он имел шлем-невидимку, жезл и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молнии)².

Греческому аду соответствуют германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-нем. Hellia, Hella, англосакс. Hell) принимается в двух значениях: как название того света (unterwelt) и как имя царствующей там богини — точно так же, как греч. Αἰδῶς и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись в мужском образе. Ульфилла переводится **б.бш**, словом halja; верхненемецкий переводчик Священного Писания infernus передает через hella, а gehenna — через hellafiur и hellawizi. Геллу, сверх того, чтити язычники как богиню смерти, существо злое, забирающее души усопших в свою печальную область, откуда уже нет возврата.

По свидетельству Эдды, она была дочь Локи, рожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змеи; она наполовину или и совсем черного цвета, подобно тому, как, олицетворяя смерть,

¹ Die Gotterwelt, 53.

² Der Ursprung der Myth., 171.

народное воображение рисует ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежит глубоко в утробе земли, под корнем мировой ясени Игтдразилли и носит имя Niflheimr или Ninhel=nebelwelt, nebelholle (облачный, туманный мир или ад); ее чертог — Eliudhnir (страдание, бедствие), блюдо — Hungr (голод), нож — Sultr (с тем же значением), т. е. она пожирает с ненасытным голодом В Средние века изображали ад жадно раскрытым, поглощающим людской род зевом, подобным волчьей пасти; старинные памятники говорят о бездне, дверях и челюстях адских.

Идеи зияющей бездны, отверстой пасти, ворот и крепких, неодолимых запоров так естественно возникали в данном случае,¹ что разные народы постоянно обращались к этим образам Наши церковные и лубочные изображения Страшного суда рисуют ад в виде открытой, огнедышащей пасти чудовищного змея¹.

Усопшие едут в область Геллы на конях или в колеснице («fara til Heljar»); созвездие Большой Медведицы называют не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые Млечному Пути, ука-

¹ У пророка Исаии, V, 14: «и расшири ад душу свою, и разверзе уста своя». На стенной живописи вологодского Софийского собора под стопами Спасителя, изводящего из ада души праотцев, изображены сокрушенные врата, верей и заклепы. — Изв. Имп. Археол. об-ва, IV, 24.

зывают на него как на дорогу, которая ведет умерших на тот свет, — любопытные данные, ярко свидетельствующие, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическим обозначением небесных, облачных пещер. Греки помещали ад то в недрах земли, то за пределами воздушного океана, где находились и блаженные острова. Рядом с подземной страной *Naraka* индийское верование указывает на фиговое дерево (*asvattha* = *Игтдразилль*), под сенью которого пребывают праотец Яма и все блаженные — *Pitris*, наслаждаясь невозмутимым покоем и вместе с богами вкушая бессмертный напиток.

Рядом с геллоу скандинавский миф называет валгаллу (*valholl*). На высоком небе высился *Asgardhr* — город светлых асов, где хозяином и владыкою был Один; окруженный крепкими стенами, город этот заключал в себе славные чертоги и валгаллу. Эта последняя имела 540 дверей, вместо кровли была покрыта золотыми щитами, на стенах ее висели блестящие мечи и давали свет, озаряющий всю залу. Сюда поступали падшие в битвах герои (*einherier*) и продолжали свои воинские занятия; каждый день они сражались на дворе и умерщвляли друг друга, но когда наступало время трапезы — убитые составляли и пировали за одним столом с победителями, вкушая бессмертные яства и вдохновительный мед; в битвах этих принимал участие и сам Один.

Ясно, что герои валгаллы суть стихийные духи, сражающиеся в летних грозах и пьющие живую воду дождя, — представление, перенесенное потом на доблестных народных витязей, души которых смешиваются с бессмертной свитой Одина. В царство же Геллы поступают умершие от старости и болезней; первоначально это — место пребывания усопших, а никак не место наказания грешников; о казнях и муках нет ни слова в древнейших памятниках, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно из злых и нечестивых людей, но все скончавшиеся не в пылу сражений, даже самые благородные и возвышенные личности, отходили сюда, как свидетельствуют примеры Брунгильды и Бальдура. По греческому верованию, почившие герои поступали в мрачные вертепы ада.

Тем не менее из этих мифических основ с течением времени, когда выработалась известная сумма нравственных правил, должны были развиваться представления о различной участи, ожидающей по смерти добрых и злых. Слабые зачатки таких представлений встречаем уже в мире языческом, оделившем небесное царство Ямы и блаженных праотцев от подземной области *Нараки*. С забвением исконного смысла старинной метафоры, уподобившей облака горам и подземельям, и с перенесением ада в действительные недра земли сказания о нем стали про-

тивнополагаться мифу о небесных (райских) обителях богов и их любимцев¹.

Уже Гомер различает Тартар от елисейских полей; Тартар лежал еще глубже йбпд'а — в бездне, где томились заключенные великаны, буйные противники богов, — и позднее признан был за ту часть подземного царства, в которой злые осуждены терпеть казни; в елисейских же полях проводят беспечальные дни тени блаженных. У германцев также было верование, принимаемое Я. Гриммом за сравнительно позднейшее, что Всевышний (Allvater) дарует людям бессмертные души и как скоро труп покойника будет сожжен на костре или сгниет в могиле — душа доброго возвращается к Одину на небо. (Gimill, Vingolf), а душа злого идет в Niflheimr.

Собственно же говоря, строгое различие между грядущими судьбами добрых и злых и местами их посмертного пребывания указано христианством, которое потребовало от человека высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутренним достоинствам. В XIII веке уже утвердилось за геллою ее теперешнее значение подземного царства мук, в котором пребывают души осужденные, проклятые². В древних верхненемецких па-

¹ Между небом и подземным царством ада земля составляет средину — Midhgardh (media domus). — D. Myth, 526; О влиянии христианства на славянские языки, 188.

² D. Myth., 258—292, 663, 761—4, 777—8; Die Gotteiwelt, 58, 158, 162.

мятников употребляется в смысле ада bech (pesh — рѣх, смола); новые греки называют преисподнюю яСооа. Этот смоляной ад известен у славян и литовцев под именем пекла (польск. piekło, серб, пакао, слов, pekel, илл. akal, литов. pekla, др.-прус. pickullis), каковое слово происходит от глагола печь, пеку и равно означает и смолу, которая гонится чрез жжение смолистых деревьев, и геенское пламя¹. Венгерское pokol (ад) заимствовано от славян — точно так же, как германские племена заимствовали от римлян infern.

На Руси смолу называют варом, а слово «деготь» имеет в санскрите корень dah (dagh) — гореть². Следуя буквальному значению этих слов, предки наши связывали их с представлениями весенних вод и дождей, рождающихся под действием яркого солнца и молниеносного Перуна из растопленных снегов и туч. Таким образом смола и деготь издревле были метафорами дождя, а слово «пекло» к обозначению «ада» перешло от понятия громовой тучи, пылающей молниями и преисполненной кипучею влагою живой воды. В старинных славянских рукопи-

¹ Описание слав, рукоп. Моек синод библи, отд. I. 109: пекло — смола; отд. II, вып. II, 239; пекла моуки — inferni роенас; Церковнослав. словарь Востокова: «посмоли же ковчег пеклом»; пекол, пекл, пькол — смола или асфальт.

² Г. Микуцкий сближает dah с славянским жег; д изменяется в ж, как в словах: орудие — оружие, куделя — кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдел, этногр, I. 589).

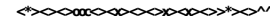

соединила с ним представление об огаенной, бурно
клокочущей реке, которая у греков называлась
πυριπτεύων (огненный поток)¹. Миф о кончине ми-
ра, живописующий разрушение в шуме весенних
гроз старой, одряхлевшей за зиму природы, свиде-
тельствует, что в то страшное время протечет река
огненная.

При конце Вселенной настанет царство Антихристово, светила небесные померкнут, архангелы вострубят в рога — и мгновенно воскреснут мертвые. «Посем, — говорит Кирилл Туровский, — огонь неугасимый потечет от востока до запада, поядая горы и каменение и древа, и море иссушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небеса совиются), и вся видимая сущия вещи, разве человек, вся от ярости огненные яко воск истают, и згорит вся земля. И сквозь той огонь подобает всему человеческому роду пройти... В них же суть неции, мало имуще согрешения и неисправления, яко человеци, понеже есть Бог един без греха, да сим огнем искушени будут, очистятся и просветятся тела их яко солнце, по добродетели их: праведным дает свет, а грешным опаление и омрачение.

Прешедшим же им огненную сию реку, огненная
 си река, по Божию повелению, послркившие и от-

¹ Griech. Myth. Преллера, 1,637; флеусо — пожигаю. Калевала упоминает огненную реку; волны ее бьют в скалу, на вершине которой сидит орел (молниеносная птица) и точит свой клюв.

шедши к западу, учинится во озеро огненное на мучение грешным. Посем будет земля нова и равна, якоже бе искони, и бела паче снегу, и потом повелением Божиим пременится и будет яко злато; изидеть из нея трава и цветы и много различнии и неувядающи никогда же... и возрастут древа не яко видимая си суще, но высоту, лепотою, величеством невозможно есть изглаголати усты человеческими»¹.

В стихе о Страшном суде сказано: протечет река огненная и запылает огонь от земли до неба и пожрет камни, леса, птиц и зверей.

*Сойдут с небес ангелы грозные,
И снесут они орудия огненные
И погонят грешных в реку огненну.*

Вслед за тем начинается великий потоп, омывающий греховную землю³. На картинах Страшного суда изображается и эта неугасимая река, с толпами захваченных ею грешников. В путевые записки Коробейникова и Грекова при описании святых мест Палестины занесено предание: «„и тою подолью,

¹ Пам XII в., 100—1; Рукоп. графа Уварова, вып. 1, 118—9. В стихирах недели мясопустной, по рукописи XV столетия, читаем: «...река же огненная пред соудищем течет, оужасая всьех плачу и рыдаю, егда во оуме приимоу огонь неогасимый, тмоу кроmeshную и пропасть глоубокою, лютого червня неосыпающего и скрежет зoubный». — Калеки пер, VI, с XVII.

² Ч. О. И. и Д., год 3, IX, Киреевский, 196—205.

сказывают, хочет течи река огаенная в день Страшного суда»¹. В народном стихе Михаил-архангел представляется в роли Харона²: как на последнего возложена была обязанность переправлять тени усопших через адские потоки, так этот перевозит души праведных через реку огненную «ко пресветлому раю».

В сказках змей и Баба-яга указывают богатырям на огненные источники (тучи), в которые что ни брось — тотчас же все объемлется пламенем. Восток, откуда восходит (нарождается) ясное солнце, чтился арийцами как райская страна, царство весны и ее благодатных даров; напротив, запад есть страна ночного мрака, смерти и адских мук. Младенческим племенам все то казалось за истину, что видел их глаз; солнце, удаляющееся вечером с небесного свода, и облака, гонимые за горизонт ветрами, как бы уходят под землю, а потому запад, где умирает дневное светило, признан был за подземное, загробное царство; там полагали греки и свой &br\q. Весенняя, пожигаемая молниями туча течет с востока огненной рекою, поедает обветшалый мир и затем отходит к западу, где и водворяется на муку грешным

Всемирный пожар действует заодно со Всемирным потопом, как поэтические представления гро-

¹ Сахаров И, 146.

² Имя, указывающее на грозное божество (хйроср, Харолбс). — Der Ursprung der Myth, 273.

зового пламени и дождевых ливней, и затем наступает блаженное царство весны: земля, обессиленная рукою старости (то есть зимы), юнеет и обновляется, поля и леса одеваются в зелень и сулят обилие плодов земных. Согласно с представлением зимних туч бесплодными горами и скалами, созданными владыкою демонов и разрушенными богом-громовником, новый мир изображается цветущею равниною. Так как и с огнем, и с водою соединялась идея физического и нравственного очищения, то понятно, почему народ сочетал с огненной рекою двоякое значение: во-первых, адского, наказующего потока и, во-вторых, очистительного пламени (fegefeuer); здесь коренится католический догмат о чистилище (purgatorium).

По свидетельству народного стиха, грешные души, очистившиеся в огненной реке, изымаются из ее хлебей неводом, что напоминает нам ту сеть, с которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловле в водах небесного океана

*И прошел невод мукой вечною,
И вытащил душ праведных (прощенных)
из муки вечных.*

Персы верят, что добродетельные души пойдут на небо, а злые, грешные будут прежде очищены огненной металлическою рекою, которая разольется

¹ Ч. О. И. и Д, год 3, IX, 215—6.

при кончине Вселенной, и потом уже начнется всеобщее, бесконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вечный свет и правда¹.

Кроме запада, идея ада связывалась с севером, как страну полуночною, веющею зимними стужами. Понятия ночи, зимы, смерти и все потемняющих туч отождествлялись в языке и мифах, что и привело к представлению севера царством демонов и, напротив, заставило юг сблизить по значению с востоком видеть в нем родину небесного огня. По скандинавскому преданию, царство Геллы лежит на севере. Когда Hermodhr послан был к усопшему Бальдуру, он девять ночей (по-русски следовало бы сказать: девять дней) ехал мрачными глубокими долинами и достиг реки Gioll (strepens — шумно-бурливая), через которую вел мост, покрытый блестящим золотом (то есть радуга, издревле признаваемая за дорогу в небесные обитатели и путь усопших).

Мост этот сторожила дева Modhgudhri; она объявила страннику, что пять дней перед тем толпа умерших мужей перешла через мост и что жилище Геллы (helvegr) находится еще глубже и севернее Мрачные, глубокие долины соответствуют греческому Ερεβος, и составляют проход, ведущий к аду (Halja), это — холодная, туманная, охваченная непроницаемым мраком страна Niflheimr'a, где оби-

¹ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

тают и носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьет источник Hvergelmir, из которого истекают двенадцать бурливых рек, и между ними Gioll, ближайшая к жилищу богини. Потоки эти суть мифические представления дождевых ключей, так как самый Niflheimr — поэтическое изображение туманов и сгущенных облаков. Ту же обстановку встречаем и в античных сказаниях о мутном, окруженном постоянными туманами Стиксе¹ и других адских реках². По рассказу Гомера, ад находится у вод великого (воздушного) океана и корабль Одиссея направляется туда северным ветром

*Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...
Ночь безотрадная там искони окружает живущих³.*

* «Styx nebulae exhalat iners».

² D. Myth., 762—4. Дождевые, грозовые потоки равно принадлежат и раю, и аду, только на обрисовку их здесь и там употреблены различные поэтические краски.

³ Одис, XI, 13—19. Киммерияне — жители загробной области, усопшие; Одиссей отправляется к ним опросить душу мудрого Типезия. «Audi deuter ihr name auf Erebus und Unterwelt, da sie audi c^pfitplol kiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen hollenhundes Kepfepoc, mit Epe(3oc zusammenhangt, wahrend der name Kifiu£p(o(auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf ereu£luc fiihrt». — Griech. Myth, Преллера, 1,634. Сравни с преданиями о блаженном народе гипербореях. — Ibid, 189.

Хотя скандинавский миф, описывая последний день Вселенной, и умалчивает об огненной реке, но зато говорит о всесветном пожаре. В противоположность северному миру зимнего холода и туманов, на юге лежит мир огня, называемый в Эдде Muspell-sheimr¹. Охранять Muspellsheimr приставлен Surtr (род. Surtar = schwarzbraune) — имя, родственное с словом svartr — niger; вулканические расщелины скал в Исландии называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встречаются как имена великанов. Нигде в обеих Эддах Суртур не выступает в качестве бога; подобно другим великанам, он — враг и соперник асов, демонический представитель грозных туч: Voluspa огонь называет Surta sen — Surti amicus.

Когда грехи превзойдут меру, на земле станут царствовать жестокость, властолюбие и неправда и Вселенною овладеет суровая зима; тогда должна последовать кончина света. Вооруженный блестящим мечом и окруженный пламенем Суртур подымется вместе с грозными сынами Муспелля (Muspellssohne), наступит войною на богов и предаст Вселенную страшному огню; при его появлении задрожат скалы, люди пой-

¹ Mutspelli (muspille), по объяснению Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится с сканд spioll — corruptio, spilla — corrumpere, англосакс. spillan — perdere, англ. spill, др.-верхненем spildan, др.-сакс. spildian; mud DIU (mu) заключает в себе понятия земли или дерева. Следовательно, mudspelli есть поэтическое название огня как потребителя деревьев, пожирателя дров.

дут путем смерти и небо распадется с треском. Асы будут побеждены, старый мир рушится, и вместо него возникнет новый, благословенный Ясно, что огненная река, текущая с востока, и пламя всесветного пожара, приносимое с юга, — представления, совершенно тождественные.

Под влиянием христианских сказаний старонемецкая поэзия выводит, вместо Суртура, Антихриста и заставляет его сражаться с Ильею-пророком, пролитая кровь которого воспламеняет все горы¹. Славяне также соединяли идею ада не только с западом, но и с севером; они доныне хранят воспоминания о беспощадной стране смерти, веющей стужею и метелями. Ад, по их мнению, состоит отчасти из пропастей и бездн, наполненных кипучею смолою, отчасти — из снежных и железных гор (то есть из туч, окованных зимним холодом). Из железных гор прилетают зимою морозы, и сюда скрываются они на лето; вообще вьюги и морозы, по народному поверью, происходят от выхода нечистой силы из адских вертепов. Отсюда же прилетают в известную пору своего губительного влияния, определяемого физическими условиями, весенние лихорадки, коровий мор и другие болезни — обыкновенные спутницы и помощницы смерти, которым простолюдины дают характерный эпитет «замороженные»².

¹ D. Myth, 768 — 771.

² Сахаров, 1,54; И, 27,65.

Вспомним, что дивии народы (великаны) заключены в горах на самой полунощи. Немцы полагают жилище черта на севере; этой страны боятся и русские поселяне, и эстыг. В древнеславянских переводах и оригинальных произведениях словом «тартар» обозначается подземная пропасть, никогда не освещаемая и не согреваемая солнцем, место вечного, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешников: «а се есть глаголемый тартар — зима несъгреема и мразь лють». Лингвисты слово тараос, роднят с тартарюо) — дрожу от холода².

Таким образом, с адом соединялись самые противоположные представления: яркого пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимого жара и мерзвящих морозов. Эти различные данные послужили основой для изображения тех страшных мук, на которые осуждаются грешники. Злые демоны гонятся за душами усопших грешников, схватывают их острыми когтями, связывают как своих пленников и, погружая в адские бездны, предают жестоким казням; поэтому германские племена дают черту названия: *henker*, *diebhenker* — палач, вор, мучитель, *der morder von anfang*, *der grausame seelenhenker*³. Подобно водяным духам, встречающим всякого

¹ D. Myth., 953.

² Труды Моск. Археол. об-ва, I, 74—75 (Материалы археол. словаря).

³ D. Myth., 956, 964.

утопленника с плясками и весельем, черти, по русскому поверью, заводят неистовую гульбу возле трупов удушенника и самоубийцы. «Будет мука розная, — говорит стих о Страшном суде, — иным грешникам будут огни негасимые, иным — зима студеная, иным • — смола кипучая, иным — черви ядовитые, а иным — тьма несветимая и пропасть глубокая»².

Апокрифическая статья «Хождение Богородицы по мукам», рукописи которой восходят к самому началу письменности, рисует полную картину адских истязаний: одни грешники и грешницы мучатся в огненном озере (или огненной реке), погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головою; другие возлежат на пламенных одрах; многие повешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы прободают железными • прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей — чудовище с огненным языком и железными когтями. Сравни с рассказом записанным в Паисиевском сборнике (XIV в.): «...и видехом езеро полно змий, якоже бяше не видети воды под ними, и слышахом плачь и стенанье люто, и бяше езеро то полно

¹ Укр. мелодии Маркевича, 117.

² Ч. О. И. и Д., год 3, IX, 201.

³ Список Троицкой лавры относят к XII веку. — Пам отреч. лит-ры, II, 23; Пам стар, рус лит-ры, III, 118—124. Хождение по мукам апокрифическая литература приписывает и апостолам, и святым — Пам отреч. лит-ры, II, с 40 и дал.

В одном рукописном отреченном сказании, со-
общенном мне проф. Григоровичем, сказано:
«Адам поживе на земли лет 930 и умре и прииде
смерть Сатанина и возьм душу его и внесе во ад му-
читись 3000 лет внутри ада во огни горящем, руки
и ноги связаны, на шест цепляны». Все эти казни
издревле рисовались на иконных изображениях
Страшного суда и до последнего времени продол-
жали служить богатым материалом для лубочных
картин. Неразвитый ум и огрубелое чувство про-
столюдина не в силах представить себе, чтобы му-
ки душевные могли быть нестерпимее телесных, и
он убежден, что за тяжкие грехи посадят его в ко-
тел с кипящею смолою, повесят за язык, ребро
или за ногу, станут бить раскаленными прутьями
и мучить на страшном ложе, составленном из ост-
рых игл, бритв и ножей, снизу которого пылает
жгучий огонь, а сверху капает растопленная сера;
он верит, что клеветник и лгун будут по смерти
лизать горячую сковороду, что ростовщики и среб-
ролюбцы будут выгребать из печи жар голыми ру-
ками, что на опойцах черти станут возить дрова
для подтопки адских горнов и воду для пригото-

² Н. Р. Лег, 27 («Кумова кровать»); Шлейхер, 75—79.

На лубочной картине, изображающей смерть грешника, Сатана говорит осужденному: «..любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведите теперь его в мою баню огненную и положите на ложе огненное». Черти ведут его в баню, пряят горящими вениками и кладут на раскаленное ложе; в заключение разных истязаний они ввергают грешника в огненный колодезь. Представления эти запечатлены тем материальным характером, который ярко свидетельствует за их глубокую давность; связь их с древнейшими мифами язычества не подлежит сомнению. Сосущие змеи, неусыпающий червь, раскаленные железные прутья и огненные веники суть известные нам метафоры молний; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносных туч.

¹ Н. Р. Лег, № 29 и с. 125; Ч. О. И. и Л, год 3, IX, стихи Киреевского, 212—3; Срп. н. њесме, II, 11—14.

Или: стоит грешник по самые уста в воде, а не может утолить нестерпимой жажды; только взду-

Народные легенды описывают загробные муки, какие удалось набожному и сострадательному страннику («Христову брату») видеть на пути к дому Небесного Владыки; в других редакциях вместо этого странника выводится добрый молодец, который отправляется к красному Солнышку и по дороге к его царству видит муки грешников. Очевидно, легенда о Христовом брате есть подновленная в христианском духе древнейшая сказка, с заменой

¹ Кулиш, 1,306—8; Н. Р. Лег., с 124—5.

² Греческие мифы о Титии и Сизифе (Одис, XI) стоят в связи с преданиями о Прометее и великанах, бросающих облачные скалы и горы.

³ Н. Р. Лег., № 8 и примеч. к этому номеру.

языческого божества Солнца именем Спасителя, называемого в церковных песнях «Праведным Солнцем».

В числе осужденных сказочный герой видит му-
жика: стоит он на дороге весь загрязненный, дует на
него буйный ветер и несет ему в рот и в нос густую
пыль. Такая кара определена ему мстительными
стихийными богами за то, что, живя на белом свете,
он затыкал свою избу крепко-накрепко, чтобы ни
ветер туда не дул, ни солнышко не пекло. Живопи-
суя ад и чистилище, поэзия и искусство постоянно
пользовались образами, созданными народной фан-
тазией, и Дантова «Божественная комедия» есть
лучшее тому свидетельство, ибо в ней поэт совмес-
тил все, что только дали ему литературы классичес-
кая и средневековая.

Живому неестественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себе есть и высочайшее благо, и высочайшее наслаждение, об исходе которого нельзя думать без особенного тревожного чувства. У всех народов ходит много примет и совершается много обрядов, указывающих на тот страх и то опасение, с которыми смотрят на все, что напоминает о последнем конце. Так, встреча с похоронами считается предвестием несчастья и неудачи; у греков прикосновение к усопшим, долгое пребывание в доме покойника, посещение больных и умирающих требовало очищения; у рим-

лян жрецам воспрещалось прикасаться к мертвому телу¹. .

На Руси кто прикасался к трупу покойника, тот не должен сеять, потому что семена, брошенные его рукою, омертвеют и не принесут плода; если умрет кто-нибудь во время посева, то в некоторых деревнях до тех пор не решаются сеять, пока не совершатся похороны. В Литве, как только приметят, что больной умирает, тотчас же выносят из избы все семена, полагая, что если они останутся под одною кровлею с мертвецом, то не дадут всходов². С другой стороны, так как зерно, семя есть символ жизни, то по выносе мертвого лавку, где он лежал, и всю избу посыпают рожью³. Тогда же запирают и завязывают ворота, чтобы отстранить губительные удары смерти и закрыть ей вход в знакомое жилище. Горшок, из которого омывали покойника, солома, которая была под ним постлана, и гребень, которым расчесывали ему голову, везут из дому и оставляют на рубеже с другим селением или кидают в реку, веря, что таким образом смерть удаляется за пределы родового (сельского) владения или спускается вниз по воде⁴.

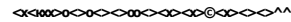
¹ О храмах, богослужении и проч. древних греков (СПб., 1815), 1, 144; Пропилеи, IV, 211.

² Вест. Р. Г. 0.1853, III, 5; Черты литов. нар, 112. Лркичане приостанавливают в этом случае все полевые работы. — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 331.

³ Ворон Беседа, 221; Эгногр. сб., I, 306; Маяк. XV, 22.

⁴ ВладимГ.В,1852,25,28.

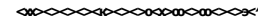
Все присутствующие при погребении обязаны, по возврате домой, посмотреть в квашню или приложить свои руки к очагу¹, чтобы через это очиститься от зловредного влияния смерти.

Вместе с болезнями, особенно повальными, быстро приближающими человека к его кончине, смерть признавалась у язычников нечистой, злою силою. Оттого и в языке, и в поверьях она сближается с понятиями мрака (ночи) и холода (зимы). В солнечном свете и разливаемой им теплоте предки наши видели источник всякой земной жизни; удаление этого света и теплоты и приближение нечистой силы мрака и холода убивает и жизнь, и красоту природы.

Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишает его дневного света, отнимает от него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согревала охладевший его труп, и обезображивает лицо покойника предшествовавшими болезненными страданиями и предсмертною агонией. Смерть и черт в народных сказаниях нередко играют тождественные роли. Слова смерть (лит. smertis, нем schmerz — боль, страдание), мор, Морана родственны по корню с речениями: морок (мрак) — туман, замерек (замерень) — перевозимье, замореки — начальные морозы, мара —

¹ Ворон. Беседа, 222.

² Предлог «за» означает начало действия; следовательно, приведенные слова буквально означают начало мрака или смерти (зимы).

у нас злой дух, призрак, у лркихан: богиня смерти и болезней¹, мерек — черт.

Основу родства означенных речений должно искать в доисторической связи выражаемых ими понятий. Краледворская рукопись сравнивает смерть с ночью, приносящую тьму (захождение солнца = его смерть, а восход = воскресение), и с зимою, представляющею собой смерть природы, как весна есть ее возрождение. Убитый Власлав повалился на земли:

wstati mze mozes;
Mogena iei sydpse w noc emur.

В другом месте Краледворской рукописи встречаем выражение: «po puti wsei z wesny po Могани» — на пути от весны до Мораны; здесь под весною разумеется юность, а под словом Морана — старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богинею смерти и зимы; Вацерад сопоставляет это имя с греческою Гекатою, богинею луны (= ночи) и подземного царства. Поговорки: pujdes na moran; Могепи па nei sahla; proti Могепё пера kofepё озна-

¹ Volkslieder der Wenden, II, 268. У литовцев и леттов Welnas, Wels — бог смерти превратился в дьявола. — D. Myth, 814.

² Перевод: *встать не может; Морена усыпила его в черную ночь.*

Другое имя, даваемое этой богине, — Smrtonoska.

чают: скоро умрешь; его коснулась смерть; против смерти нет корешка (лекарства)¹. Встречая весну торжественным праздником, славяне совершали в то же время обряд изгнания Смерти или зимы и по-вергали в воду чучело Мораны.

Сербы дают зиме эпитет «черная»; в одном из похоронных причитаний говорится о покойнике, что он уходит туда, где померкло солнце и царствует черная зима; там будет он вечно зимовать, и лю-тая змея выпьет его очи. У нас глагол околеть употребляется в двояком смысле: озябнуть и уме-^реть; а глагол истывать (стынуть) — в смысле из-дыхать³.

Если идея смерти сближалась в доисторическую эпоху с понятием о ночном мраке, то так же естествен-но было сблизить ее и с понятием о сне. Сон не-разделен со временем ночи, а заснувший напоминает умершего. Подобно мертвецу, он смежает свои очи и делается недоступным впечатлению света; осталь-ные чувства его также чужды внешним впечат-лениям. Смерть и сон представляются потому в ми-фологиях различных народов явлениями между со-бою близкими, родственными. Гомер называет смерть и сон близнецами, а Гезиод — чадами ночи; и греки, и римляне признавали *Υμνος*, (*Somnus*) бра-

¹ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громанн, 5—6.

² О. 3.1851, VIII, ст. Буслаева, 52.

³ Обл. сл., 76, 140.

том смерти. Оба брата, по их мнению, живут вместе на западных границах мира — в глубоком подзем-ном мраке, возле царства мертвых¹; там возлежит *Somnus* на маковых снотворных цветах в сладком покое, а вокруг его ложа толпятся легкие сновиде-ния в неясных образах². На такую древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и наши пре-дания.

Народная пословица утверждает их братство: «Сон смерти брат»³. В славянских и немецких сказках богатыри, убитые врагами, воскресая при окроплении их трупов живою водою, обыкновен-но произносят эти слова: «Ах, как же я долго спал!» «Спать бы тебе вечным сном, если б не живая вода и не моя помощь», — отвечает добрый товарищ⁴. В современном языке вечный сон остается мета-форическим названием смерти; наоборот, сон ле-таргический слывет в простонародье обмираньем, во время которого, по рассказам поселян, душа ос-

¹ Griech. Myth, I, 657—9: Смерть считали также порожде-нием Земли и Тартара и давали ей эпитет *αλζωννογ* — всегда сонная.

² Обзор мнений древних о смерти, судьбе и жертвоприно-шении, 8, 27; D. Myth, 307, 803; Илиада, XXV, 230—5. Энеида называет ад жилищем теней и сна.

³ Поли. собр. пословиц и поговор. (СПб, 1822), 232; Старо-св. Банд, 206.

⁴ Н. Р. Ск, I, 14 и др.; Skult a Dobsinsky, I, с. 6; Сказки Гримм, II, с. 413; Ган, II, с. 47.

выражения: «И вы, наши роднинькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» или «Пришли-то мы на твое жильё вековешное, ужь побудзиць-то пришли от сна крепкова»¹.

Эти данные, свидетельствующие о братстве сна и смерти, и то верование, по которому душа во время сна может оставлять тело и блуждать в ином мире и видеть там все тайное, послужили основанием, почему сновидениям придано вещее значение. Для живой и впечатлительной фантазии наших предков виденное во сне не могло не иметь прямого отношения к действительности, среди которой так много было для них непонятного, таинственного, исполненного высшей, священной силы. Они признали в сновидениях то же участие божества, какое признавали в гаданиях и оракулах; сновидения являлись как быстройлетные посланники богов, вещатели их решений. Славяне до сих пор сохранили веру в пророческий смысл снов; таких, которые бы, по примеру сказочного богатыря Василия Буслаева, не верили ни в сон, ни в чох, а полагались бы только на свой червлёный вяз², в старое время бывало немного, и христианские проповедники вынуждены были поучать народ не доверять сонным мечтаниям³. У черногорцев если жена видела во

¹ Сахаров И, 23; Терещ, III, 102; Этаногр. сб, 1,161.

² Кирша Данилов, 169.

³ Изв. Акад. наук, III, 97.

сне, что мрк ее подвергнулся какой-либо опасности, то этот последний непременно отложит задуманное им предприятие¹. В наших народных песнях есть несколько прекрасных поэтических рассказов, содержанием которых служит «вера в сон». Приведем примеры.

*Как по той ли реке Волге-матушке,
Там плывет, гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,
Пушкам, ружьям изстановлена;
На корме сидит асаул с багром,
На носу стоит атаман с ружьем,
По краям лодки добры молодцы.
Кобры молодцы — все разбойнички
Посередь лодки да и бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалась,
Во слезах она слово молвила:
Нехорош вишь сон ей привиделся —
Расплетался коса русая,
Выплетался лента алая,
Аента алая, ярославская,
Растаял мой золот перстень.
Выкатался дорогой камень:*

¹ Зап. мор. офицера Броневое, III, 277.

Атаману быть застрелену,
Асаулу быть поиману,
Аобрим молодцам быть повешенным,
А и мне-то, красной девице,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке'.

Потеря обручального кольца, по народной примете, — худой знак, вещающий расторжение брака и любовной связи; распущенная коса — символ печали по усопшему другу или родичу.

Другая песня:

Ох ты, мать моя, матушка,
Что севоднешину ноченьку
Нехорош сон мне виделся:
Как у нас на широком дворе
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печище котище лежит,
По полу ходит гусыня,
А по лавочкам голуби,
По окошечкам ласточки,
Впереди млад ясен сокол.

Пустая хоромина — чужая сторона, утлы опали и бревна раскатились — род-племя отступилось, кот — свекор, гусыня — свекровь, голуби — деверья, ласточ-

¹ Варианты этой песни см. у Сахарова, 1,204,224.

ки — золовки, ясен сокол — жених¹. В Слове о полку Игореве встречается следующий рассказ о вещем сне князя Святослава «А Святславь мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахте мя, рече, чрною паполомою, на кровати тисов; чрпахуть ми синее вино с трудом смешено; сыпахуть мя тцими тулы поганных тльковин великий женчюг на лоно, и негуют мя; рке дьскы без кнеса в моем тереме златовресем Всю ночь с вечера босуви врани възграяху»².

Сон Святослава состоит из ряда печальных примет: черный покров и карканье ворона предзнаменуют грядущее несчастье; терем без кнеса означает лишение членов семейства, жемчуг — слезы; вино, смешанное с горем, напоминает выражение «упиться горем»³. Тот же предвещательный смысл придется сновидениям и в скандинавских сагах, и в Нибелунгах, и в Одиссее (песнь XIX). Греки и римляне присваивали снам религиозный характер и верили, что спящий человек может находиться в сношениях с невидимым миром; по случаю благоприятных сно-

¹ 0.3.1851, VII, ст. Буслаева, 41; см Срп. н ш'есме, II, № 47; Белорус песни Е. П., 52; Вест. Евр. 1818. II, 50—52. Приснился молодцу сон, говорит песня: упали на его дом пчелы, а на подворье — звезда и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвещают печаль (их мед необходим при поминальных обрядах), звезда — рождение дитяти, а отлет кукушки — смерть матери. Есть поговорка: «Страшен сон, да милостив Бог».

² РусДост, 116–122.

³ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

И сон, и смерть были признаваемы славянами, как и другими индоевропейскими народами, за живые мифические существа. Следы такого олицетворения сна замечаем в колыбельных песнях:

Или:

Вышеприведенные выражения апокрифа «пришла Смерть, взяла его душу» — употребительны в русском языке; по народной поговорке: «Смерть ходит по эдям». Кто ленив на подъем, медлителен в ис-

³ Лет. рус лит-ры, кн. II, 108; ср: Срн н нјесме, 1,192.

К опасно больному приходит Смерть, становится около его постели и заглядывает ему в очи; если кто вдруг, неожиданно вздрогнет — это знак, что ему «Смерць в очи поглядзела»³. Согласно с злобным, демоническим характером Смерти, на которую (по пословице — на солнце) во все глаза не взглянешь и от которой нельзя ни откупиться, ни отпиться⁴, она олицетворялась в образе устрашающем По мнению античных народов, Mors (Клр — смерть в битвах) неумолима и свирепа; зубы ее опаснее клыков дикого зверя, на руках — страшные, кривые когти.

Смерть, говорит Гезиод, черна (лат. *mors atra*), скрежещет зубами, быстро мчится на войну, хватая павших ратников и, вонзая в тело свои когти, высасывает из них кровь; Эврипид представляет ее крылатою и облеченною в траурную мантию⁵. Русские памятники (старинные рукописи, стенная живопись и лубочные картины) изображают Смерть или

⁵ Обзор мнений древн. о смерти, судьбе и жертвопр, 8.

страшилищем, соединяющим в себе подобия человеческого и звериное, или сухим, костлявым человеческим скелетом с оскаленными зубами и провалившимся носом, почему народ называет ее курносою. Это последнее представление встречаем у всех индоевропейских народов: кончина человека предает его тлению, и тот образ, в который она изменяет труп, послужил и для воплощения самой Смерти. Так как слово «смерть» женского рода, то, следуя этому указанию, славяне олицетворяют ее женою, подобною Гелле; у немцев же *her Tot, der heilig Tod* выступает как злой бог, наравне со всеми богами и духами, она появляется внезапно, нежданно-негаданно для человека (слетает с небес), изнимает из него душу и увлекает ее в загробный мир. С понятием смерти фантазия соединяет различные поэтические уподобления: Смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями; то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть; то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружием Тот же тип хитрого ловчего и губителя христианских душ присваивается и владыке подземного царства, искусителю Сатане. Боорркенная в ратные доспехи, Смерть вступает в битву с человеком, борется с ним, сваливает его с ног и подчиняет своей власти; судороги умирающего суть последние знаки его отчаянного сопротивления.

Усопшие следуют за нею, как пленники за своим победителем — опутанные крепкими веревками и цепями.

Сказание о Беовульфе смотрит на умершего как на убитого огненной стрелой, пущенной с лука рукою Смерти; немецкие поэты дают ей бич, стрелы и бердыш; литовский *Smertis* (слово, употребительное и в мужеском, и в женском роде) выезжает на колеснице могучим воином, с копьем и мечом в руках¹. С такою же обстановкою является Смерть в русской «Повести о бодрости человеческой», или «О прении Живота с Смертию». Повесть эта принадлежит к разряду общераспространенных в Средние века поучительных сочинений, толкующих о тленности мира, и попадает в во многих рукописных сборниках XVII века²; она известна и в немецкой литературе. Составляя у нас любимое чтение грамотного простонародья, она, по мнению исследователей, перешла из рукописей в устные сказания и на лубочную картину и дала содержание некоторым духовным стихам и виршам³.

Но можно допустить и обратное воздействие, т. е. переход устного древнемифического сказания о

¹ D. Myth, 799,803 — 806,809.

² Пам. стар. рус. лит-ры, II, 439 — 443; Ист. христ. Буслаева, 1355 — 8.

³ Сб. рус. дух. стихов Баренцева. 110 — 127; Рус. сл. 1859, 1, 92 — 94; Лет. рус. лит-ры, кн. 183 — 193.

борьбе Жизни (Живота) и Смерти в старинные рукописные памятники, причем оно необходимо подверглось литературной обработке; соответственно, с воззрениями и приемами грамотников допетровского времени, сказанию придан нравственно-наставительный тон и само оно разукрашено обильными примерами, заимствованными из доступных автору хроник. Смерть лишается своего строго трагического стиля и впадает в хвастливую болтовню о тех богатырях и героях, которых некогда сразила она своею косою. Тем не менее основная мысль повести — борьба Смерти с Жизнью, олицетворение этих понятий и внешние признаки, с которыми выступает эта страшная гостья, бесспорно, принадлежат к созданиям глубочайшей древности. Справедливость требует заметить, что, пользуясь устными преданиями, книжная литература, в свою очередь, не остается без влияния на народное творчество и взятое у него возвращает назад с новыми чертами и подробностями; но эти позднейшие прибавки легко могут быть сняты и не должны мешать правильному взгляду на сущность дела

Чтобы ярче изобразить непобедимое могущество Смерти, повесть противопоставляет ей не простого слабого человека, но богатыря, славного своею силою и опустошительными наездами, гордого, жестокого и самонадеянного; народная фантазия личность этого богатыря связала с именем известного в преданиях разбойника Аники-воина Жил-был Аника-воин,

жил он двадцать лет с годом, пил-ел, силой похвалялся, разорял торги и базары, побивал купцов и бояр и всяких людей. И задумал Аника-воин ехать в Ерусалим-град церкви Божий разорять, взял меч и копье и выехал в чистое поле — на большую дорогу. А навстречу ему Смерть с острою косою¹. «Что это за чудище? — говорит Аника-воин. — Царь ли ты царевич, король ли королевич?» — «Я не царь-царевич, не король-королевич, я твоя Смерть — за тобой пришла!» — «Не больно страшна я мизинным пальцем поведу — тебя раздавлю!» — «Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на белом свете храбрых могучих богатырей — я всех одолела Сколько побил ты народу на своем веку — и то не твоя была сила, то я тебе помогала». Рассердился Аника-воин, напускает на Смерть своего борзого коня, хочет поднять ее на копье булатное, но рука не двигается. Напал на него великий страх, и говорит Аника-воин: «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку на один год». Отвечает Смерть: «Нет тебе сроку и на полгода». — «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку хоть на три месяца». — «Нет тебе сроку и на три неде-

¹ Вариант: ездил Аника-воин по чистым полям, по темным лесам, ни никого не наезжал — не с кем силы попробовать. «С кем бы мне побиться? — думает Аника-воин. — Хоть бы Смерть пришла!» Глядь, идет к нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голые — и несет в руках серп, косу, грабли и заступ.

*Едет Аника через поле,
Навстречу Анике едет чудо:
Голова у него человеческа,
Волосы, у чуда до пояса,
Тулово у чуда звериное,
А ноги у чуда лошадиные.*

² Сравни со списком о прении Живота с Смертию: «Живот б человек, и прииде к нему Смерть. Он же усташися вельми и рече ей: кто ты, о лютый зверь? образ твой страшит мя вельми, и подобие твое человеческое, а хождение твое звериное».

Вынимает пилю невидимые,
Потирает ею (ими) по костям и жилам —
Аника на коне шатается,
И смертные уста запекаются.

² То же сравнение находим и у немцев. — D. Myth, 808.

ленное дерево; наконец, Смерть, работая заступом, роет людям свежие могилы.

Выше мы привели поэтические сравнения поля битвы со вспаханною и засеянною нивою и молотильным током. По указанию Слова о полку и народных песен, в битве земля засеивается не пшеницею, а костями ратников, поливается не дождем, а кровию и растит не хлебные злаки, а печаль и общее горе. Современный язык удерживает выражение: сеять раздоры, вражду и крамолы; в Слове о полку сказано: «...тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами»¹. Одиному, как богу кровопролитных войн, приписывались посе-вы раздоров и неприязни; бросая свое копье (Gungnir) или потрясая им, он умерщвлял вражеских воинов. О Смерти, играющей в сражениях главную роль, у немцев было выражение, что она засеивает между людьми свое семя, как бы зловерд-ную траву: «do der Tot sihen samen under si gesaete»; то же говорилось и о черте². По словам старинных русских летописцев, дьявол сетовал или радовался, смотря по тому, примирялись ли князья или враждовали между собою. «Усобная рать, — замечает Нестор, — бывает от соблажне-ния дьяволя. Бог бо не хочет зла человеком, но бла-га; а дьявол радуется злему убийству и кровопро-

¹ Рус.Дост, III, 76.

² D. Myth, 806—8, 964.

литью, подвизая свары и зависти, братоненавиде-ные, клеветы»³.

Понятно, что Смерть, поражающая ратников в бою, стала представляться владеющею всеми теми воинскими орудиями, какие только знала старина: в наших памятниках ей даются меч, сечиво, стрелы, ножи, рожны, оскорды. Сказание о прении Аники-воина с Смертию перешло в народное драматическое представление, какое еще теперь разыгрывается в некоторых артелях фабричных⁴, подобно тому как миф о борьбе лета и зимы передается в Германии с всею сценическою обстановкою на празднике вес-ны. Борьба Жизни и Смерти, лета и зимы, дня и но-чи совершенно тождественна по значению, ибо "по-нятия эти издревле сливались и в языке, и в народ-ных верованиях. Зима называлась Мораною, а богиня лета — Живою (Живаною) — имя, знамени-ующее жизнь. Как царица зимы и ночного мрака, Смерть роднится с горными великанами; вышепри-веденный стих присвояет ей название чуда, и самое жилище ее помещается в холодных странах севера, в недрах бесплодных и покрытых вечными снегами скал; в Богемии ее считают владычицей гор⁴.

³ П. С. Р. Л., 1, 56, 72, 139 и др.

² См. между прочим житие Василия Нового и сказание Фе-одора о мытарствах.

³ Рус. Архив, 1864, X, 1093-1099.

⁴ D. Myth, 807.

а) как представительница зимы, Морана побеждается весенним Перуном который разит ее своим кузнечным молотом (заковывает ее в цепи) и на все летнее время низвергает в подземную темницу ада;

По свидетельству немецкой сказки, Spielhansel привязал Смерть к дереву и в продолжение семи лет она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой. Миф этот развивается и в русской сказке³. Явился солдат на тот свет, и поставил его Господь на часах у пресветлого рая. Приходит Смерть. «Куда идешь?» — спрашивает часовой. «Иду к Господу за повелением, кого морить мне прикажет». — «Погоди, я спрошу». Пошел и спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобы три года морила самый старый люд». Солдат думает: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит Смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть и побрела по лесам, три года точила старые дубы, а как изошло

³ Н. Р. Лег, 16.

время — воротилась к Богу за новым повелением. Господь приказал морить молодой народ, а солдат думает: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!» — и передал приказ Смерти, чтоб она шла по тем же лесам и целых три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лесам, принялась точить молодые дубы, а как исполнилось три года — идет опять к Богу, едва ноги тащит. Обманул ее солдат и в третий раз: Господь приказал морить младенцев, а солдат передал «Ступай по лесам и целых три года гложи малые дубки». По исходе последних трех лет идет Смерть к Богу — чуть живая, так от ветру и валится. «Ну, — думает, — теперь хоть подерусь с солдатом а сама дойду до Господа: за что Он девять лет меня наказует?» Узнал Господь, как хитрил солдат, и повелел ему в наказание девять лет носить Смерть на плечах. Засела Смерть на солдата верхом; повез ее солдат, вез-вез и уморился, вытащил рог с табаком и стал нюхать. «Служивый, — говорит Смерть, — дай и мне понюхать». — «Полезай в рог, да и нюхай, сколько душе угодно». Только что влезла она, солдат тотчас закрыл рог, заткнул его голенище, воротился и стал на старое место на часы.

Этот эпизод варьируется еще так велел Господь солдату кормить Смерть орехами, чтоб она поправилась. Солдат пошел с нею в лес и заспорил «Ты~де не влезешь в пустой орех!» Смерть слуру и влезла, а солдат заткнул дыру в орехе и спрятал его в карман. Гос-

подь освободил Смерть и приказал ей уморить солдата. Стал солдат готовиться к последнему концу, надел чистую сорочку и притащил гроб. «Готов?» — спрашивает Смерть. — «Совсем готов!» — «Ну, ложись в гроб». Солдат лег спиной кверху. «Не так!» — говорит Смерть. Солдат лег на бок «Ах, какой ты! разве не видал, как умирают?» — «То-то и есть, что не видал!» — «Пусти, я тебе покажу». Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место. Тут солдат ухватил поскорее крышку, накрыл гроб, наколотил на его железные обручи и бросил пойманную Смерть в море. И долго-долго носилась она по волнам, пока не разбило гроба бурей. По другому рассказу, хитрый солдат сажает Смерть в торбу (или ранец), завязывает крепко-накрепко и вешает эту торбу на верхушку высокой осины. С этой самой поры перестал народ помирать: рождаться — рождается, а не помирает! Много лет прошло, солдат все торбы не снимает. Случилось раз зайти ему в город; идет, а навстречу ему древняя старушонка: в которую сторону подует ветер — в ту и валится. «Вишь какая старуха, — сказал солдат, — чай, давно уж умирать пора!» «Да, батюшка! — отвечает старуха — Мне давно помереть пора; еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете только единый час Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примает, и тебе, служивый, за это от Бога непрощенный грех, ведь не одна душа на свете так же мучится!» «Видно, — ду-

Точно так же обманывают сказочные герои дьявола, заставляя его влезать в червивый орех или в суму; самая Смерть представлена в сказке такую же простоватую, недогадливую и прожорливую, какими изображаются обыкновенно великаны, драконы и черти; вместе с тем народный юмор, замеченный нами в обработке старинных преданий о великанах и демонах, овладел и мифом о побежденной Смерти. Рог, сума и гроб, окованный железными обручами, — все это метафоры грозowych туч; в близкой связи с этими представлениями стоит и ореховое дерево, исстари посвященное громовнику. По своей стихийной природе Смерть, подобно эльфам, облачным женам и чертям, участвует в бешеной воздушной пляске и в диких песнях завывающей бури; нередко она показывается, наигрывая на музыкальном инструменте — дудке или скрипке¹. Отсюда средневековая поэзия и живопись западных народов создали превосходное изображение Смерти: в свою неис-

74 #

Согласно с указанным отождествлением Смерти с грозowymi духами, древнее верование заставило этих последних исполнять ее печальную обязанность. Но так как громовник и его спутники являлись и устроителями небесного царства (весеннего рая), и с демоническим характером властителей ада, то понятие о Смерти раздвоялось, и фантазия изображала ее то существом злым, увлекающим души в подземный мир, то посланницею верховного божества, сопровождающею души усопших героев (позднее — праведных) в его небесный чертог. Так, Один посылал валькирий принимать падших витязей и возносить их в свое блаженное жилище — в валгаллу. Греки верили, что души умерших препровождались на тот свет Гермесом скорым посланником богов и обладателем чудесного жезла, прикосновением которого он повергал живых в непробудный сон. Кроме того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и в образе прекрасного, кроткого и юного гения — *Оиасос* (слово, родственное по корню с немецким *Tod*), хотя и ему придавались эпитеты черного и чернокрылого: всем страждущим он дает вечное успокоение и всех утомленных житейскими трудами и невзгодами погру-

жает в тихий и сладкий сон. Эпсиос, очевидно, совпадает с понятием о сне, благодетельном даре богов, ддркелюбном успокоителе мира, кротко веющем над морями и сушей. Античное искусство изображало Сон дитятею и юношею, с крыльями орла или бабочки¹. В христианскую эпоху это двойное воззрение на Смерть, как на существо с иной стороны — злое, демоническое, а с другой — светлое, Божественное, было перенесено на ангелов: милостивых и грозных, смешанных в народных преданиях с эльфами — и светлыми, и черными. Такое перенесение совершилось под влиянием ветхозаветных сказаний о страшном ангеле смерти, который впоследствии признан был за князя тьмы; он нисходил изымать души грешников; для добродетельных же людей являлся тихий ангел и прекращал их жизнь поцелуем. Немецкие саги рассказывают о двух ангелах: добром и злом, — обходящих землю и предающих людей смерти². Народный русский стих так изображает кончину праведного и грешника:

*Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихих ангелов, всемилостивых,
По его по душеньку по Лазареву.*

¹ D. Myth, 800 — 1; Griech. Myth. Преллера, 1,656 — 8.

² D. Myth, 814,1134.

³ Ч. О. И. и Д., год 3, IX, 183-5, 208, 211; Лег. рус лит-ры, т. V, отд. 3,83.

*Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста,
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса...
Сослал Господь грозных ангелов,
Страшных, грозных, немилостивых,
По его душу по богачеву;
Вынули его душеньку нечестно, нехвально..
Нечестно, нехвально, скрозь ребер его,
Да вознесли же душу вельми высоко,
Да ввергну ли душу во тьму глубоко,
В тою злую муку — в геенский огонь.*

Та же мысль выражена и в народной легенде: праведник умирает окруженный семьею; лежа на одре болезни, он дает своим сыновьям и снохам родительское наставление и навеки нерушимое благословение и прощается со всеми; Смерть является к нему с ангелами, вынимает душу, и ангелы относят ее на золотом блюде в пресветлый рай. Грешник же умирает посреди житейских забот и веселья: Смерть приходит неожиданно-негаданно и ударяет его в голову тяселым молотом Грозных, немилостивых ангелов часто заменяют дьяволы, которые схватывают душу грешника как свою добычу. Сербская легенда² повествует о святом архангеле, который поражал смертных: одного человека он иссек в куски, другого

¹ Н. Р. Лег, 25.

² Србскайлетопис, 1862,1,150 — 1.

ударил ножом три раза, а на третьего только замахнулся — как он уже умер. По словам архангела, «у оног е првог човека душа грешна на непе да изапе из тела, зато сам га свега исекао; док самъ е истерао. У оног другог човека душа е мало безгрешния, зато самъ га трипут ударно. А душа овог трепе човека са свим е праведна, зато сам на ню само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи».

Выше было приведено свидетельство духовного стиха, что архангел Михаил перевозит души праведных через огненную реку. По мнению болгар, он, принимая душу усопшего, несет ее в мытарства и передает другим ангелам, а сам возвращается за другими душами; души грешников он схватывает за волосы, а праведных обнимает, как мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавриила. Однажды послал его Господь взять душу бедняка, у которого было много детей. Гавриил сожалел над ними и воротился, не исполнив приказа: «Как уморить его, Господи! ведь у него малые детки; они, несчастные, погибли от голода!» Бог разгневался, взял у Гавриила меч и отдал его архангелу Михаилу. Но и Михаил, посланный предать смерти доброго семьянина, видя, как вокруг больного все проливали горькие слезы, почувствовал сострадание, воротился к Богу и сказал: «Мне жалко поразить этого человека!» Тогда Господь завязал ему уши; архангел спустился на землю и взял душу, потому что не

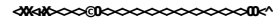
мог слышать ни плача, ни сетований¹. Перед Смертью напрасны человеческие мольбы и рыдания; она глуха к ним, и эту неумолимость ее поэтическая фантазия болгар изображает тем, что Смерть является к людям с завязанными ушами. Русская легенда² рассказывает об ангеле, который в наказание за то, что не хотел взять души одной матери, должен был три года жить на земле. Родила баба двойню, и посылает Бог ангела вынуть из нее душу. Ангел прилетел к бабе; жалко ему стало двух малых младенцев, не вынул он обреченной души и полетел назад к Богу. «Что, вынул душу?» — спрашивает его Господь. «Нет, Господи! у той бабы есть два младенца; чем же они станут питаться?» Бог взял жезло, ударил в камень и разбил его надвое, указал в трещине двух червей и провещал: «Кто питает этих червей, тот пропитал бы и двух младенцев!» И³ отнял Бог у ангела крылья и осудил его в течение трех лет вести земную жизнь.

Наряду с легендами и стихами об ангелах смерти возникли средневековые сказания о борьбе ангелов и чертей за обладание душою усопшего; сказания эти известны и у немцев, и у славян. По свидетельству немецких памятников, во главе ангелов выступает архангел Михаил, как проводник душ в райские селения³. По нашим преданиям, при одре умира-

¹ Каравел, 267.

² Н.Р.Аер,26;Slov.pohaA,502—7.

³ D. Myth., 796—7.

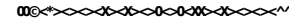

ющего присутствуют и спорят за его душу ангел-хранитель и дьявол; если добрые дела человека перевешивают злые, то ангел-хранитель прогоняет дьявола копьём, а если перевешивают злые дела — то ангел удаляется с плачем

В числе других представлений Смерти особенную поэтическую свежестью дышит то, где она является невестою. Этот прекрасный образ объясняется из старинных метафорических выражений, уподоблявших кровавую битву свадебному пиршеству, а непробудный сон в могиле — опочиву молодых на брачном ложе. Умирая от ран, добрый молодец, по свидетельству русской песни, наказывает передать своим родичам, что женился он на другой жене, что сосватала их сабля острая, положила спать калена стрела. Когда Смерть сражает цветущего юношу, она (выражаясь поэтическим языком) сочетается с ним браком

В сборнике «Westslawischer Marchenschatz»¹ есть любопытный рассказ, как один богатый юноша напрасно искал невесту, которая пришлась бы ему по сердцу. Раз встретил он прекрасную девицу в белом платье. «Куда идешь ты?» — спросила его красавица. «Ищу невесту по сердцу и об одном только прошу Бога, чтобы хотя единый час мог насладиться любовью, прежде чем умру». «Юноша, — сказала она, — я согласна быть твоею женою». Обрадованный и

¹ C. 143-4.

влюбленный, он повел ее в свой дом Но когда прошел час времени, прекрасная невеста вдруг превратилась в старое и беззубое привидение: это была — Смерть. «О, неверная соблазнительница! ты меня обманула», — воскликнул жених. «Не я, а ты обманул сам себя! — возразила страшная гостья. — Ты обещал быть моим, и я беру тебя с собою». Она взмахнула острой косою, и юноша пал мертвый.

Болезни рассматривались нашими предками как спутницы¹ и помощницы Смерти, а повальные и заразные прямо признавались за самую Смерть, и ни в чем так ярко не выступает стихийное значение этой древней богини, как в народных преданиях и поверьях о различных недугах. Немецкая легенда рассказывает, что одному юноше обещалась Смерть прежде, чем возьмет его душу, прислать своих послов, и он зажил весело и разгульно, не помышляя о последнем конце. Но вот он состарился и за ним явилась Смерть. На упрек, что она не исполнила своего обещания, Смерть отвечала: «Как, я не посылала к тебе моих послов? Разве не трясла тебя лихорадка, разве ты не чувствовал головокружения, лома в костях, зубной боли, ослабления зрения и глухоты?»¹

Славянские названия болезней соединяют с ними мысль о карающем божестве: bogine — оспа, boza гапа — язва, чума, bozj bic или boza moc (Божья сила) — падучая, бешенство, boza ruка — паралич;

¹ Сказки Гримм, 177; Гальтрих, с 62.

сравни: нем. *der gotesslac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfluss, apoplexia)* — названия, указывающие на быстрый, внезапный род смерти, в противоположность тем болезням, которые сводят человека в могилу только после продолжительных мучений. В русских областных говорах: божье, или божья немочь, — падучая; божья — эпидемия («божья ходит»); одержимых припадками беснования и помешанных называют божевольными и божегневными, что свидетельствует за древнейшее воззрение на болезнь как на Божью волю и Божий гнев.

Индусы изгоняли прокаженных из касты и лишали права владеть собственностью, так как эти несчастные поражены «Божьим гневом». В Европе долгое время верили, что каждая язва есть заявление Божественного гнева и требует всенародного покаяния. Изувеченных и калек называют: убогий, *ubozatko*; малоросс, *неббжчик*, польск. *nieboszczyk* — покойник, то есть как бы отвергнутый светлыми богами, постигнутый небесною карою¹.

Далее, мы имеем положительные свидетельства языка, что болезни причислялись некогда к сонму нечистых духов. Областной словарь представляет тому обильные примеры: стрел — черт и стрелы — колотье: «пострел бы тебя побрал!», чемор — дьявол

¹ О влиянии христ. на слав. яз., 123; Обл. сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москва, 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110.

² Старосв. Банд., 411; Обл. сл., 236.

(«поди ты к чемору!») и чёмер — спазмы в животе или боль в пояснице, а чёмерь — головокружение, страдание живота и болезнь у лошади; игрец — истерический припадок, кликушество и дьявол; худоба — сухотка, истощенность, худобище — конвульсии в тяжелой болезни, худая боль — сифилис, сибир. «в худых душах» — при смерти и худой — злой бес; черная немочь (не-мочь = не-дуг; мощный и дюжий — сильный, здоровый) — паралич, черна — скотская чума, черная смерть — мор, опустошавший Русскую землю в 1352 году (при Симеоне Гордом), и черный — эпитет нечистого духа, черный шут — дьявол; лядить — долго хворать, лядить — томиться, изнывать, хиреть, лядаший — бессильный, больной, негодный и ляд — черт: «ну те к ляду!» У белорусов лядашник — дух, причиняющий людям порчу: «лядашник перелецеу яму», то есть он стал полоумным, сумасшедшим; сравни: бес, беснующийся, бешенство и чеш. *besny pes* (бешеная собака).

Входя в человека или животное, демон порождает в нем болезненные припадки и безумную ярость; подобное же действие, производимое ядовитыми растениями, также приписывалось демонам *euphorbia* называется у славян — бесово молоко, у немцев — *teufelsmilch*, *atropa belladonna* — бешеная вишня и т. д. Ворогуша — лихорадка и враг (ворог) — дьявол; лихой — злой дух и болезнь у лошадей, старинное лихновыць (в Святославовом изборнике) —

сатана, лихорадка (лихоманка, лиходейка), лихота — нездоровье, немощь, лиховать — быть нездоровым, чувствовать тошноту; тоснуть — болеть, скучать и тошная — нечистая сила, шатун — черт и шат — обморок, головокружение, болезнь у собак; вологод. «тяжкая пришла», то есть посетила болезнь, и тяжкун или тяжкой в значении дьявола; икота (икотка) — болезненный припадок и человек, одержимый бесом, ш<отница — страдающая икотою; притка — падучая и всякий неожиданный, нечаянно приключившийся недуг («чтоб тебя разопритчило!», «мне на таком-то месте попритчилось!»), а следующие выражения: «эк ця притка принесла!», «притка его ведат, откуда он!» — указывают на демона; сравни: «кой черт тебя принес!», «черт его ведает!». Лишай — гнойный струп на голове и дьявол.

Тесная связь нечистой силы с болезнями, ослабляющими тело человеческое, подтверждается и следующими названиями: облом (от ломать) — дьявол, домовый; костолом и кождедер — злой человек, леший, черт; в числе болезненных ощущений известен и лом в костях¹. В апокрифической статье «Свиток Божественных книг» повествуется, что Господь, со-

¹ Обл. сл., 28—29, 42, 73—74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256—7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. к Изв. Акад. наук 1853, 183; Этногр. сб. I, 176—7; Год на Севере, Максимова, II, 463; Материалы для истории письменности, ст. Буслаева, 8; Громанн, 8.

² Обл. сл., 133; Библ. для Чт. 1848, X, 122.

здавши тело первого человека, «пойде на небеса по душу Адамову; сатана же, не ведая, что ему сотворити, и тну тело Адамово перстом. И приде Господь ко Своему созданию, и виде тело Адамово, и рече: о дьяволе! что ты сотворил? Отвещав же дьявол: Господи! забудет тебя сей человек; (но) аще у него что заболит, тогда Господа воспомянет. И Господь обрати (болезнь) Адаму внутрь, и оттого во всяком человеце... болезнь сотвори сатана; аще у кого поболит, тогда и вздохнет о Господе: помилуй мя!»¹ В другом апокрифе — в «Сказании, како сотвори Бог Адама»² — читаем создал Бог первого человека из восьми частей, «и пойде очи имати от солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Прииде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его калом и тином и възгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхоте очи вложить, и виде его мрка измазанна, и разгневался Господь на диявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоин ли твоя погибель? что ради человеку сему сотворил еси пакость — измаза его? и проклят ты буди! И диявол исчезе, аки молния, сквозь землю от лица Господня. Господь же снем с него пакости сатанины и смесив со Адамовыми слезами, и в том сотвори собаку, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам отиде в горний Иерусалим по дыхание Адамлево. И прииде вторые

¹ Рус. сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55.

² Пам. стар. рус. лит-ры, III, 12—13.

сатана и восхоте на Адама напустити злую скверну, и виде собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на диавола; окаянный же сатана взял древо и истыка всего человека Адама, и сотвори ему 70 недугов». Бог помиловосердовал об Адаме, прогнал Сатану и обратил все недуги внутрь человеческого тела.

В народной легенде о Сотворении мира и потопе¹ сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьявол соблазнил ее, угрожая зимними морозами и обещая ей теплую шубу (то есть шерсть); собака подпустила дьявола к первосозданному человеческому телу, а тот оплевал и охаркал его².

В связи с этими апокрифическими сказаниями должна быть поставлена и повесть о скверном бесе, занесенная в раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Некий святой старец увидел в пустыне беса, от головы до ног оскверненного блудным гноем «И рече ему старец: да почто не омылся еси в реце

¹ Н. Р. Лег., 14.

² Предание это перешло и к мордве (Рус Вест, 1867, IX, 229), и к черемисам: Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Кереметь произвел такой холод, что пес едва не замерз, потом дал собаке шерсть и, допущенный к человеку, охаркал его тело и тем самым положил начало всех болезней. — Вест. Р. Г. 0.1856, ГУ, 282: Этногр. сб, V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяет здесь стихийные силы природы, на что указывает и создание ее из слез, слюны и мокрот (древнейшие метафоры дождя).

или в источнике? Он же рече: не велит ми вышний Бог... повелевает ангелу водному оттоныти нас; он же оружием огненным прогоняет нас. Старец рече ему: да где можешь измыться? Бес рече: пойду в христианские дома, и где обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся; они же после мене примут болезни тяжки — и кашлеве, и трясовицы, и иныя скорби»¹. Сосудов и кринок с напитками и кушаньями не советуют оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила не осквернила их; если нечем покрыть, то должно по крайней мере перекрестить или положить сверху две лучины накрест.

Народная легенда рассказывает о черте, который засел в кувшин с водою, оставленный на ночь без этих предосторожностей. По ночам так как в это время злые духи бывают особенно деятельны, не следует пить воды, тем более не благословляясь, иначе наживешь «водяную». Итак, болезнь есть дело враждебного демона нападая на человека, он касается его своею рукою, наносит ему гнойные раны, оскверняет его тело нарывами, вередями, сыпями, нередко даже поселяется в нем грызет и мучит его различными муками. Верование это принадлежит глубочайшей древности и встречается у всех индоевропейских народов. По

¹ Лет. рус. лит-ры, т. V, отд. 3, 89—90.

² Н. Р. Лег, 19.

³ О. 3. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающих запоем простолюдины думают, что они проглотили маленького чертика, когда тот плавал в рюмке вина. — Киевлян, 1865, 57.

мнению индусов, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арийского племени приписывала создание болезней Ариману.

Atharva-Веда олицетворяет лихорадочный недуг (такман); его проклинаят, гонят, вызывают из страждущего тела, и когда ничто не помогает, то кланяются ему как божеству и молят, чтобы он пощадил больного или поискал себе иного нечестивого человека Силою чародейных заклятий колдуны могли не только изгонять болезни (amiva), но и напускать их на своих врагов¹.

Гомер² приписывает тяжкие недуги прикосновению злого демона; и в античном мире, и в Средние века умопомешательство и падучую болезнь объясняли нападением нечистого духа³. Относительно славян подобное воззрение на болезни засвидетельствовано еще Нестором; рассказывая о Святополке (под 1019 годом), летописец выражается так: «...и бежащую ему, нападе нань бес — и расслабеша кости его, не можаше седети (на коне), и несяхуть ѥ на носилех. Принесоша ѥ к Берестью, бегающе с ним; он же глаголаше: побегаете со мною, женуть по нас! Отроки же его всылаху противу: еда кто женеть по нас? — и не бе никого же в след гонящего, и бежаху

¹ Громанн, 147—8.

² ОдисУ, 395-6.

³ Москв. 1853, XXIV, 195.

с ним; он же, в немощи лежа всхопився глаголаше: о се женуть, побегаете! Не можаше терпети на едином месте, и пробежа лядскую землю, гоним Божьим гневом, прибежа в пустыню межю ляхы и чехы — испроверже зле живот свой»¹.

По свидетельству народных сказок, бес, поселяясь в жен и дев, отымает у них ум, слух, зрение, повергает их в бешеное, иступленное состояние и заставляет испытывать самые мучительные страдания². В официальном показании шуян 1666 года читаем «...то нам ведомо: Шуи посаду Яков Григорьев скорбел икотою и вне ума был весь и всячески от нечистого духа., а Василей Несмеянов скорбел от нападения нечистого духа, и его исцелила Пресвятая Богородица как стал молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марфу, слышали мы от соседей, что она одержима была нечистым духом -и ее исцелила Пресвятая Богородица в церкви на празднике своем — в литургию, в большой выход; и она ныне здрава стала, а скорбела трои сутки»³.

В 1670 году шуяне подали новую сказку, в которой заявили: «...приезжают в Шую к чудотворному образу Пресвятой Богородицы смоленские, со многих городов и уездов, всяких чинов люди молиться, мужеский и женский и девич пол, и те иногородные

¹ П. С. Р. Л., 1,62-63.

² Н. Р. Ск., 1,9,10 и с 143, по 3-му изд.

³ Описание гор. Шуи Борисова, 428—9.

люди привозят с собою различными скорбми одержимых от нечистых духов мужеский и женский и девич пол, и те скорбные люди... в Божественную службу мечтаются всякими кознодействы»¹. «Есть на Поморий (говорит рукописное житие Зосимы и Савватия) наволоок Унежма; в месте же том (был) человек некий именем Никон. Сему Никону случилась болезнь тяжка зело. Два кудесника бысть в волости той, имуще прюнекую межу собой. Никону же тому случился промежу их свидетельствовати; единому из них угоди, а другого оскорби». Последний «зельне огорчился», и «яко же обычай им укоренился злокозненного действия, бесовскою прелестию нача кудес бити — та же насылает беса на Никона»².

В повести о бесноватой жене Соломонии (XVII век) рассказывается, что однажды ей послышалось, «аки прииде некто ко храмину; она же возста от ложа своего и отверзи двери, и пахну ей в лице, и во уши, и во очи, аки некоторый вихор велий, и явился аки пламя некое огненно и сине... И бысть во всю ночь без сна; прииде на нее трясение и великий, лютый озноб, и в третий день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающая утробу ее, и бысть в то время во исступлении ума от живущего в ней демона»³.

¹ Описание гор. Шуи Борисова, 345,425.

² Щапов, 43.

³ Пам. стар, рус лит-ры, 1,153.

И до сих пор простой народ думает, что все калекки, расслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою¹; всякое телесное страдание и всякое тревожное чувство приписываются порче «недобрых людей», их завистливой мысли, оговору и сглазу и называются напускною тоскою; нервные болезни — кликушество, икота и падучая, — а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за действие злых духов, насланных на человека на срок или навсегда мстительным колдуном. Сами больные, разделяя то же убеждение, выкрикивают во время припадков имена своих врагов, подозреваемых в наслании болезни, и обвиняют их в этом мнимом преступлении. Еще недавно, вследствие таких обвинений, производились судебные розыски. В Пинежском уездном суде хранится любопытное дело, решенное в 1815 году. Крестьянин Михайло Чухарев был обвинен в порче икотю своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, ту Офимью (сказано в прощении) теперь злой дух мучит. Чухарев показал на допросе, что действительно насылал порчу на свою двоюродную сестру, а научил его тому крестьянин Федор Крапивин.

Чара совершается так: снявши с себя шейный крест, должно нашептывать на соль: «пристаньте к человеку (имярек), скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончания века; как будет сохнуть соль сия,

¹ Сахаров, 1,36.

так сохни тот человек. Отступите от меня, дьяволи, а приступите к нему». Наговорную следует бросить на дорогу или вообще на то место, которым должен проходить осужденный на икоту. Суд приговорил Чухарева к тридцати пяти ударам кнутом и к публичному церковному покаянию. Г. Максимов, сообщивший это дело в своей прекрасной книге «Год на Севере», слышал от ямщика рассказ о девке-икотнице, у которой сто бесов живот гложут!¹

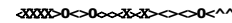
При таком взгляде на болезни весьма естественно было представлять их существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, доньне проносимые простолюдинами в пылу гнева или досады, были некогда действительными призывами злых демонов на врагов и обидчиков: «вбий тя тряся!», «хай тебе хиндя потрясе!», «щоб тебе родимец побив!» (великорус «родимец тя возьми!»), «щоб на тебе причина (притка) вдарила!», «бодай тебе грець вимивав!», «щоб тебе лють турнула!», «щоб тебе лунь вхопила!»³, «щоб его смуток (печаль, тоска) узяв!», «смутки би на тя темши та чорниш упав!», «черт би тебе спик!», «черт би вбив (или: мучив) твого батька!»⁴.

¹ Владим Г. В. 1844, 53. Кавказские горцы бешенство и бред приписывают влиянию нечистой силы. — Совр, 1854, XI, смесь, 2; подобные же верования встречаем у разных инородцев. — О. 3.1830, ч. XLIII, 219; Вест. Р. Г. О. 1856, 1, смесь, 28.

² Паралич. — Обл. сл., 191.

³ «Лунь его вхопив» — он околел — Старосв. Банд, 387.

⁴ Номис, 73.

Следуя оборотам, употребительным в немецком языке, болезнь наталкивается, насккивает, нападает, хватает, осиливает — sie stösst an, fällt an, ubeftallt, tiberlauft, packt, greift an, uberwältigt den menschen; у нас говорят о тяжелой болезни, что она с ног свалила¹.

Нечистая сила смерти и недугов изображается в народных преданиях вечно голодной и прожорливой; она с жадностью бросается на людей и животных и питается их кровью и мясом. По народному выражению, больной изнашивается²: полнота и крепость его тела как бы поглощаются злыми демонами; напротив, исцелить, то есть восстановить здоровье, буквально означает сделать человека целым. За родство понятий смерти и голода свидетельствуют: гот. svults — mors и сканд. sultr — fames, греч. лшбс, — голод и Хощос, — моровая язва³. 0 «черной смерти» летописец выражается: «...егда бо внидше где в который род или в осподу (вар. в семью) болезнь лютая и смертное то жало, мряху бо сполу наборзе... (сравни: «божья ходит», «тяжкая пришла», «болезнь посетила»). Сана светлостью не умалена бывает Смерть⁴, на всех бо вынизает многоядные свои зубы»⁵.

¹ D. Myth, 1106.

² Износиться — похудеть. — Обл. сл., 74.

³ D. Myth, 842.

⁴ Т. е. она не взирает на сан.

⁵ П. С. Р. Л, IV, 61.

⁶ Обл. сл., 144.

³ Библ. для Чт. 1848, IX, 51.

ва: обморок — болезненный припадок, мгла, туман, и обморочить. Летучая, или ветряная, оспа называется в Ярославской губернии «лопуха» — слово, означающее также снег, падающий большими хлопьями¹. У немцев болезнь лошадей и рогатого скота — *der bose wind*, в Швейцарии рожа — *wolken, fliegende wolke*². По мнению народа, болезни посылаются по ветру или по воде: «с ветру пришло», «с воды приключилось». Колдун выходит на дорогу и выжидает, не подует ли попутный ветер в ту сторону, где живет обреченный на порчу. Выждавши, он берет с дороги горсть пыли или снегу (смотря по времени года) и бросает на ветер, причитывая: «...ослепи (запороши) у раба такого-то черные очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы!»³.

Главные напускные болезни — икота и стрелы. Икотою называют на севере России припадки кликушества; икать во Псковской губернии — кричать, кликать⁴. Силою чародейного слова нечистый дух заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летит он на крыльях ветра, и первый встречный, кто носит означенное имя, делается его жертвою. Иногда наговаривают икоту на камни или насекомых, и тот, кто

¹ 06 л сл., 105,134,141.

² D.Myth., 1112,1115.

³ Потебня, 80—81; Сахаров, 1,36.

⁴ Доп. обл. сл., 73.

запнется о такой камень или проглотит летучую мошку, подвергается истязаниям злого демона

Стрелы (колотье) напускаются так: берется коровий рог, насыпается песком, дресвою, истолченным стеклом, и все это выдувается в отверстие рога, с заклятием на известное лицо. Ветер подхватывает песок, дресву и стекло, несет их на человека и производит в нем такое ощущение боли, как будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и режущими осколками¹. Эта чара и самое название болезни напоминают нам с одной стороны, эпическое выражение Слова о полку о ветрах, веющих с моря стрелами, а с другой — то старинное олицетворение ветров, которое представляло их дующими в рога и трубы.

По свидетельству народных преданий, нечистые духи, купаясь в источниках, оскверняют воды и порождают различные недуги. Эти источники первоначально означали дождевые тучи, живительная влага которых иссушается знойным дыханием демонов — губителей земного плодородия; впоследствии же в них стали видеть обыкновенные омуты и болота, заражающие воздух своими тлетворными испарениями в жаркие месяцы лета Немцы, чехи и лу-

¹ Карман, книжка для любителей землеведения, 315; Очерки Архангельской губ. Верещагина, 181—3; в крестоцеловальных записях читаем: «_ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати».

жичане думают, что во время солнечного затмения (собственно, перед началом грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздух делается томительно-удушливым) нечистые духи пускают с неба яд и отравляют источники; поселяне закрывают тогда колодцы, не решаются брать из них воду для питья и не выгоняют скота в поле¹.

Германские племена приписывают болезни влиянию раздраженных эльфов: своим прикосновением и дыханием (дуновением) эльфы причиняют людям и домашним животным расслабление и смерть; кому нанесут они удар, тот теряет память и умственные способности, паралич называется *dvergsлаг* (*zwergschlag*), слабоумие есть знак, что человека коснулась мстительная рука эльфа — *elbentrotsch* (*blodsinnig, geistesschwach*). По указанию народных саг, лица, попадающие к эльфам, редко возвращаются назад, а если кто и воротится — то наверно на всю жизнь останется полоумным верование это совпадает с общераспространенным на Востоке, в Иудее и в средневековой Европе мнением, что бесноватые одержимы злыми духами, которые поселяются в них, как беспокойные, раздражительные мары

¹ *Beitrage zur D. Myth*, I, 235; Громанн, 28; *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 337; см. также т. II Поэт, возвр, с 282—3. То же представление о порче небесных вод распространялось и на тучи, окованные зимними стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бывает испорчена, отравлена нечистой силою (Громанн, 51).

(*poltergeist*) в жилище избранной семьи. Участие в танцах эльфов делает человека расслабленным

Болезнь, известная в медицине под именем Виттовой пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая в судорожных, непроизвольных подергиваниях всех членов тела, названа так вследствие уподобления ее прихотливой пляске грозowych духов, сопутствующих Святовиту в его бурном шествии по воздушным пространствам В Ирландии и Шотландии убеждены, что дуновение эльфов вызывает на теле желваки, чирья, вереды (греч. *йѣрос* — пятна на коже, сыпь); в Норвегии болезнь воспалительного свойства называется *alvgust, alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сев. *alfabruni*; она нападает на человека, как скоро он ступит на то место, где эльфы пролили воду или наплевали.

Белорусы не решаются ступать ни на след, остающийся на земле от ведра с водою, ни туда, где волк зарезал козла, где был заколот петух, где валялись лошади или собака скребла лапою; в противном случае неосторожный подвергается чесотке и тело его покрывается лишаями¹. Ведра указывают на те сосуды, из которых грозowych духи лили на землю дожди, а петух, козел, конь и собака — на их животные превращения.

В сагах эльфы плюют в глаза того, кто вздумает подсмотреть их игры, или дуют на него и тем самым

¹ Нар. сл. раз, 151—3.

ослепляют любопытного. Вообще советуют при всякой встрече с ними поспешно удаляться в сторону. Эльфы имеют при себе луки и стрелы (молнии); этими стрелами они убивают людей и животных или причиняют им тяжкие страдания. Ощущение, производимое болезнями, язык сблизает с ударом острого оружия: лом («daz gegihte brach ir hend und fueze»), колотье (seitenstechen), резь, стрельба и проч. Эльфы могут умерщвлять человека даже своим сверкающим взором. Кто воспользуется от яств и напитков, для них назначенных, тот (по шотландской саге) будет наказан смертью. Лихорадочный озноб (трясца) и стеснение в груди во время сна (удушье) приписываются их же злобе. Ирландский *phuka* прыгает в вечернем сумраке на спину путнику и не оставляет его до тех пор, пока он не упадет обессиленный на землю. У средневековых поэтов эльф — злой дух, который взнуздывает сонного человека, ездит на нем, трясет его и таким образом доводит до совершенного истощения сил: «der alp zoumet dich», «der mar ritet dich». Эльфы и мары (сканд. и швед, тага, англ. night-mare, голл. naecht mare) сочетали в себе представление грозowych гениев с душами усопших; но так как душа уподоблялась бабочке и ее личинке (червяку) и так как самые эльфы произошли от червей (молний), то отсюда возникло верование, что *alp*, посылаемый колдунами, вылетает из их сросшихся бровей бабочкою, садится на

грудь спящего человека и начинает давить его; это напоминает нам убийственные взоры вия, предающие все гибели, как скоро будут подняты его длинные брови и ресницы, то есть открытый взгляд молнии разит смертью (брови и ресницы — метафоры облаков).

В Швейцарии *toggeli* означает мотылька и эльфа; в старинных процессах о ведьмах злой дух — *der elbe* изображается прилетающим в виде бабочки; литов. *drugis* — бабочка и *fiervogel*, латт. *drudsis* — летучая моль и лихорадка; литов. *druggis* — *kreczia*, латт. *drudsis kratta* — трясет лихорадка. Жгучая опухоль под ногтем пальца называется *der wurm*. *der umlaufende wurm*; опухоль на руках и ногах, сопровождаемая нагноением, — *der haarwurm*, по-русски — волос или волосень и, по мнению наших крестьян, бывает от червя-волосатика; одышка — *herzwurm*; собака впадает в бешенство от червя, который сидит у ней под языком; *blasende wurm* — болезнь лошадей.

Чехи убеждены, что каждый человек имеет в своем теле червя, от которого и зависит его жизнь; сверх того, они рассказывают о зловредных червях, из которых одни точат сердце, другие пьют кровь, а третьи пожирают принятую человеком пищу — предание, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже в Атарведе встречаем заговоры, направленные на убиение червя, который гнездится в голове, внут-

Приведенные нами выше народные названия болезней, известные на Руси и у других славян, не оставляют ни малейшего сомнения, что в древности они признавались за существа демонические, подобные злым эльфам. Предание дает им Божий бич и стрелы и все телесные страдания рассматривает как следствие от удара или укола их оружия: болезнь — это Божья рана или язва, нанесенная рукою незримого духа, свидетельство его карающей силы и раздражения («Божья мочь», «Божий гнев»). Чтобы предать людской род болезням, Сатана истыкал перстом или, по другому варианту, деревом (жезлом, палицею) тело первого человека; поселяне называ-

² D. Myth., 429–430, 967–8, 1107–12, 1115; *Irische elfenarch.*, c XIV, CM–CVIII; *Beitrage zur D. Myth.*, II, 280.

В устах народа употребительны клятвы: «Чтоб тебя родимец и трясца побили!», «Чтоб тебя при-тка ударила!», «Чтоб тебя язвило, пятнало, стреляло!»¹. Мы доселе говорим: разбит параличом, а в областных наречиях эту болезнь обозначают выражением: его прострелило². В грамоте царя Алексея Михайловича к боярину Морозову читаем: «...а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нет... и которого числа дяка нашего Петра Стеншина пострелило?»³. Сибирской язве дают на-звания змеиный пострел; колотье и головная боль (мигрень) у чехов называются *strily*, у русских — стрелы; стреляет — чувствуется колотье; во Псков-ской губернии стрелйцы — болезнь коров⁵. В пер-вой песне «Илиады» поэт рассказывает, как раз-гневанный Аполлон взялся за серебряный лук и, пуская крылатые стрелы, наслал на ахейское вой-ско моровую язву; тем же оружием поразил он и детей Ниобеи. Подобными стрелами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается к тени сво-ей матери с вопросом: скончалась ли она медленно

⁵ Громанн, 160; Доп. обл. сл., 220.

от тяжелой болезни или вдруг Артемида тихой стрелой ее поразила? В другом месте «Одиссеи» говорится о блаженной стране, где люди умирают не от старости и болезней:

*Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой
нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть
посылать им.*

Это — быстрый удар паралича, разом без долгих страданий пресекающий жизнь¹; сравни с русским преданием о добрых ангелах, мгновенно изъемлющих душу добродетельного человека, чтобы водворить ее в райских селениях. Когда ребенок страдает неизвестною болезнью, мечется и кричит по ночам, простолюдины кладут ему под голову — мальчику небольшой лук со стрелою, а девочке пряслицу, причитывая: «Щекотиха-будиха! вот тебе лучок (или пряслица), играй, а младенца не буди»². О лесунках и русалках рассказывают, что они, завлекая путника, щекочат его до тех пор, пока не упадет он бездыханным; поэтому название болезни щекотихою намекает на связь ее с этими эльфическими девами: прилегая к ребенку, она щекочет (мучит) его и тем самым отымает у него сон.

¹ Одиссея, XI, 170; XV, 403 и дал.; Der Ursprung der Myth, 108.

² Послов. Даля, 403.

Как все облачные (водяные) девы, русалки представлялись пряжами, приготовляющими туманные покровы, которыми они застилают небо, и потому пряслица точно так же указывает на стихийный характер демона-болезни, как и лук со стрелами. У чехов девица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обежать пруд и, обегая, в первый раз бросить в воду кусок хлеба, во второй — веретено, а в третий — пачку льна; эти приношения задерживают лихорадку в ее подводном жилище, и она уже не приходит в обычное время мучить больную. Отсюда же объясняется обычай мерить больного ниткою, сожигать ее на огне, а оставшийся пепел разводить в воде и давать пить во время припадков¹.

Сербские вилы, сродные с нашими русалками и немецкими эльфами, причисляются к мифическим пряхам, мечут смертоносные стрелы, отравляют источники, повергают людей в тяжкие болезни и отымают у них разум О лужицкой полуднице, принадлежащей к тому же разряду духов, рассказывают, что она является на поля допрашивать женщин, как должно обрабатывать лен, и тем которые не сумеют дать ей ответа, свертывает шею; в средневековых памятниках daemon meridianus (у греческих писателей — *ψυχή|ψυχή|ψυχή*, боацол) — падучая болезнь; у чехов polednice — название недуга². Замечательно, что в

¹ Громанн, 163, 178.

² D. Myth, 1114.

нашем народе слово «полудновать» употребляется в значении: жить последние минуты перед смертью¹.

В песнях встречаем следующий оборот: «Мало Стафиде можется — едва душа в теле полуднует», «Дерется Добрыня с бабой-горынинкой, едва душа его в теле полуднует»². Рядом с полуднипами в Архангельской губернии знают двенадцать сестер-полуночиц (мар), которые нападают ночью на детей и заставляют их кричать от боли³. Припадки кликушества⁴ называются «игрец» — слово, которым обозначается и нечистый дух; это указывает на древнее воззрение, что бес, входя в человека, мучительно играет им. Соответственные выражения находим у чехов, которые об умершем говорят: «Smrtka s mm pohrava»⁵, в Несторовой летописи: «...бес тобою (волхвом) играет на пагубу тебе»⁶ и в русской поговорке «Чем черт не шутит!». Шут — дьявол, домовый, леший, шутик — злой дух, шутить — проказить, говоря о нечистой силе⁷.

По народному убеждению, все, что выкрикивают бесноватые и кликуши, внушает им поселив-

¹ Обл сл, 168.

² Кириша Данилов, 365, 385.

³ Пам. книжка Арханг. губ. на 1864 г, 17.

⁴ Кликуша = крикуша, крик и крич = клик и клич. — Обл сл, 93.

⁵ Гануш о Деде и Бабе, 63.

⁶ П. С. Р. А, 1,75.

⁷ Обл сл, 269.

шийся в их теле демон, и потому им приписывается способность предсказывать будущее¹. Поверье это отразилось и в языке: блаже(и)ть — сходить с ума, блажной — привередливый, хворый, блаженный — юродивый, слабоумный, в бессмысленной болтовне которых искали встарь пророческих вещаний и самих их признавали за одержимых Божественным духом. Так необходимо, так невольно смешивались и спутывались в нравственно-религиозных представлениях наших предков понятия тупоумия, болезненного расслабления и духовного предвидения, небесной кары и дара высших Откровений.

Помешательство, безумный бред, столбняк объясняются на Руси проказами леших; человек, которого обошел (овеял вихрем) леший, делается казенником (искаженным), теряет смысл и память; белорусы² думают, что тот, над кем пролетел злой дух ляддащик, непременно сходит с ума. Наравне с эльфами, русалками и вилами олицетворенные недуги населяли воды и леса; чтобы избавиться от них, немцы и славяне шли к источникам или в густые, тенистые рощи и там совершали свои целебные обряды; особенно важную роль играли в этом случае де-

¹ Кликуши обыкновенно пророчат о гнев Божием и скором светопреставлении. — Иллюстр. 1845,203.

² Ю Вятск. Г. В. 1847,42; 0.3., т. LVII, смесь, 49.

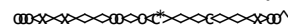
³ Сахаров, II, 4.

ревья, растущие над водами: ива, верба, плакучая береза и др.

Чех, когда трясет его лихорадка, отправляется к вербе, склоняющей свои ветви над светлым потоком, и по окончании пароксизма привязывает к дереву какой-нибудь дар и быстро, без оглядки, бежит домой; или он отрезывает клочок своих волос и лоскут собственного платья, буравит в вербе отверстие, влагает в него приготовленные отрезки и заколачивает их гловым клином. Наши поселяне вешают на деревьях, в дар русалкам, холсты и нитки; от болезней они купаются в реках, прудах или источниках и оставляют на прибрежных кустах и деревьях полотенца и сорочки; нередко над головою болящего завязывают в лесу две березовые ветки, приговаривая: «Коли ты (болезнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь!» Немцы завязывают от лихорадки три узла на ветвях ивы. Скважины в древесных стволах, сквозь которые протаскивают больных детей, называются в Швеции *elfenlocher*. Чехи сотрясают на одержимых лихорадкою росу с ветвей вишневого и других деревьев.

По совершении этих обрядов, возвращаясь из лесу домой, не следует оглядываться назад и отвечать на призывный голос, иначе демон-мучитель узнает свою жертву и не прекратит своих посещений¹.

¹ Иллюстр. 1845, 566; Громани, 164—5; D. Myth., 1118, 1123.

Ведьмам славянские предания приписывают ночную езду на людях, которых они оборачивают конями; вылетающая из них в виде бабочки душа (вещица) налегает на спящих страшною тяжестью.

По другим сказаниям злой дух болезней и смерти — мора или мара (нижнелуж *mura*, польск. *zmora* — удушье, чешек, *mura* — эльф, ведьма и мотылек) — носит свою голову под мышкою и блуждает ночью под окнами изб, произнося имена хозяев и домочадцев: кто отзовется на голос маары — тот умрет; она садится на сонного человека и душит его; у женщин и коров она любит высасывать молоко¹. Как шведы и датчане видят в марах души усопших, так, по мнению болгар, мара есть душа младенца, умершего без крещения, прилетающая ночью давить сонных². С этими марами тождественны наши кикиморы (кошмары) и марухи — беспокойные домовые карлики, занимающиеся пряжею, и сам дед домовый, который давит мужиков и баб во время их крепкого сна.

По русскому поверью, всякий человек бывает одержим по ночам разными недугами, и если разбудить его прежде, чем окончатся начатые муки, то он наверно захворает тою болезнью, какою был угнетаем во сне. Оттого крестьяне не решаются будить

¹ Маяк, VIII, 64; Эгаорп. сб, V, 71, 108 (о кашубах); *Volksslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297.

² Ж. МН. II. 1846, XII, 210.

Итак, в этих смертоносных бесах, незримо рыскающих на конях, современники признавали существа эльфические, то есть души усопших, о которых немецкие саги рассказывают как о спутниках Одина в его воздушных поездах. В означенных верованиях кроется основа той лингвистической связи, какую замечаем в нижеследующих речениях: народ называет покойников родителями и употребляет это выражение безразлично, говорится ли об усопших предках или о преждевременно скончавшихся младенцах; в «Слове Даниила-заточника» и в некоторых церковнославянских рукописях под именем

³ «Дети бегают рода».

Особенно интересны верования и предания, живущие в нашем народе, о лихорадках. Название это происходит от глагола лихо радеть, то есть действовать в чей-нибудь вред, заботиться о ком-нибудь со злобным намерением с лихостью; другие общеупотребительные названия: лиходейка и лихоманка от мануть — качать, махать (трясти); чеш. *manoyti se* — метаться; сравни: манование, помагаю, манья — привидение в виде старой и тщедушной женщины, манить — лгать, обманывать, лихован, лихоманщик — злой, обманчивый человек³. Лихорадок девять или двенадцать крылатых сестер³; они обитают в мрачных подземельях ада и представляются злыми и бе-

³ Финны признают болезни родными братьями, сыновьями старухи Launavatar. — D. Myth, 1113.

образными девами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашний голод, иногда даже слепыми и безрукими. Одна из них, старшая, повелевает своими сестрами и посылает их на землю мучить людской род: «тело жечь и знобить, белы кости крушить». Второго января мороз или зима выгоняет их, вместе с нечистою силою, из ада, и лихорадки ищут себе пристанища по теплым избам и нападают на «виноватых»; на зоре этого дня предусмотрительные старушки омывают наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить вход в избу незваным гостям. Поверье это обуславливается теми простудами и ознобами, которые так обыкновенны в холодную пору зимы.

Напротив, о весенних болезнях думают, что они запираются на зиму в снежные горы (ад) и сидят там до начала оттепелей; когда же солнце сгонит снег и отопреет землю, они вслед за вешними испарениями разбегаются по белому свету тощие, заморенные и с жадностью бросаются на неосторожных. Уже с 25 февраля, по замечанию поселян, опасно предаваться сну с раннего вечера: можно наспать лихорадку¹. Подобно Смерти и владыке демонов (Сатане), лихорадки сидят в подземных вертепах, заключенные в цепи, и вылетают мучить народ только тогда, когда будут сняты с них эти железные оковы², то есть весною.

¹ Сахаров, II, 3—4, 14, 27; Рус. в св. поел, IV, 102—3.

² &raorp.c6., VI, 129.

В Калужской губернии рассказывают, что старшая и злейшая из сестер-лихорадок прикована к железному стулу двенадцатью цепями и в правой руке держит косу, как сама Смерть; если она сорвется с цепей и овладеет человеком, то он непременно умрет. То же предание у юго-западных славян прилагается к моровой язве: три сестры кути были заключены отцом своим — королем в тесные узы и томились в темнице, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись в разные стороны и донныне блуждают по свету³. Сбрасывая с себя оковы, лихорадки прилетают на землю, вселяются в людей, начинают их трясти, расслаблять их суставы и ломить кости. Измучив одного, лихорадка переходит в другого; при полете своем она целует избранные жертвы, и от прикосновения ее уст человек немедленно заболевает; кому обмечет болезнь губы, о том говорят: «его поцеловала лихоманка»⁴.

Точно так же порождает болезненные страдания и поцелуй эльбины⁵. По другим рассказам, лихорадка, прилетая ночью, называет спящих по имени; кто проснется и откликнется на ее зов, тот сейчас же захворает. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падает в изготовленную пищу и вместе с нею входит в утробу человека. Но если кто догадается

¹ Иличь, 302—3.

² Абев., 230-1.

³ Irische eltenmarch, с XII.

бросить эту соринку или муху в печь, то лихорадка сгорит; а если вложить ее в яичную скорлупу и повесить в трубе — лихорадка будет страшно мучиться. В Тульской губернии уверяют, что шесть сестер уже погибли таким образом, а три и до сих пор рыщут по миру¹. В прежнее время, говорят чехи, было сто лихорадок, но одна из них сгилла она заползла в кусочек хлеба намоченный в молоке, люди узнали ее присутствие, взяли тот кусочек, вложили в свиной пузырь и привязали к дереву. Заключение в пузыре, лихорадка начала метаться во все стороны — точно так же, как делает каждая из них, входя внутрь человека, и долго-долго возилась она, пока совсем не задохлась². Сказания эти представляют не более как вариации мифа о Смерти, посаженной в торбу³. Боясь раздражить злобную, демоническую деву, простолюдин не всегда решится назвать лихорадку ее настоящим именем, а дает ей названия ласкательные, дружеские, с целью задобрить ее и отклонить от себя болезненные припадки; таковы названия:

¹ Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27.

² Громанн, 162. Немецкая сага рассказывает, что одного бедняка давил по ночам эльф, а когда повесили в комнату зажженную свечу — оборачивался в соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльф уже более не являлся.

³ Огонь очага — метафора грозового пламени; яичная скорлупа служит для эльфов и русалок кораблем, в котором плывут они на тот свет, свинья — зооморфический образ тучи.

кума (кумаха), добруха, тетка (тятюха), подруга и дитюха (дитя). С тою же целью сербы во время моровой язвы называют ее кумою¹, а немцы — *gevatterin*; вообще имена болезней принято в Германии заменять выражениями: *das gute, gesegnete, selige*².

Временный роздых, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народ объясняет тем, что у нее много дела и потому она переходит от одного человека к другому, возвращаясь к каждому из них поочередно — через день, через два или три дня; некоторые же уверяют, что в дни, свободные от пароксизмов, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малорусы называют «трясцаневсипуха». Отсюда суеверные попытки переводить лихорадку с себя на первого встречного, даже на птиц, кошек и собак, в которых так охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверях избы, что больного нет дома. Так поступают русские и чехи; последние пишут на дверях: «*zemnice!* (лихорадка) *nechod' k nam; Jenik* (имя больного) *neni doma sel na hory*». В Смоленской губернии во время скотских падежей надписывают на воротах, что на дворе нет ни коров, ни овец, ни лошадей.

¹ Обл сл, 47 — 48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјеиоiK, 311.

² D. Myth, 1106.

³ Houska, II, 535.

Сибиряки советуют больному чернить свое лицо и одеваться в чужое платье, чтобы не быть узлану злою лихоманкою, когда она вздумает повторить свое посещение¹. Сверх того, чтобы избавиться от лихорадки, ее умилоствуют приношениями или прогоняют силою чародейного слова. Страждущие этим недугом выходят на то место, где, по их сообщению, вселилась в них лихоманка, обсыпают вокруг себя ячневою крупю и, раскланиваясь на все стороны, произносят: «Прости, сторона — мать сыра земля! Вот тебе крупыц на кашу; вот и тебе, кумаха!»². Обращение к земле знаменательно, так как в ее недрах заключен тот страшный мир, где царствует Смерть со своими помощниками — болезнями и пленниками — мертвецами. Белорусы на поминки («дзяды»), вместе с усопшими родичами, приглашают к ркину и лихорадку³.

Первобытная народная медицина состояла в произнесении молитв и заклятий, в призыве богов-исцелителей, в изгнании демонов и в совершении различных символических и жертвенных обрядов; она была делом исключительно религиозным Древнейшие имена лекаря означают жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знанием клятвенных формул или загово-

¹ Громанн, 167; Терещ, VI, 16; Абев, 230.

² Сахаров, II, 14.

³ Могилев. Г. В, 1849, 8.

ров. За это свидетельствуют Atharva-Веда, Гомер, Пиндар и другие античные писатели; за это же говорят и многочисленные предания и обломки стародавних заклятий, доныне сохраняемые в памяти индоевропейских народов. В высшей степени важным и драгоценным представляется нам заговор против лихорадок, занесенный во многие из наших старинных рукописей и до настоящего времени еще не забытый русскими знахарями:

«При море черном стоит столп, на том столпе камень, на том камне сидит святой отец³ Сисиний и зрит на море черное. И возмутися море до облак⁴ — изыдоша из моря двенадцать жен простоволосых⁵, окаянное дьявольское видение». По некоторым спискам, жены эти исходят из огненного столпа, утвержденного на небеси. «И вопросиша их святой отец Сисиний: что есть злые жены зверообразны? Они же отвеча ему: мы — окаянные трясовицы, дщери Ирода, снявшего с Иоанна Предтечи главу. Вопросы свя-

¹ Громанн, 147—8. Сыновья Автолика останавливают кровь, текущую из ран Одиссея, и Асклепиос освобождает больных от мучительных страданий силою целебных заговоров.

² Я предлагаю сводный, по разным спискам исправленный текст.

³ Вар. «мученик, великий апостол».

⁴ Вар. «видеша: на море восстали волны и возмутишася море и земля до небеси».

⁵ Вар. «сами черны, власы по пояс».

тый отец Сисиний: почто пришли? — Идем в землю святорусскую род человеческий мучити — тело повреждати, кости ломати, в гроб вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самих людей огнем жечи); аще кто зло творит, опивается, объедается, обедни и заутрени просыпает, Богу не молится, тех мучим разными муками: они наши угодницы. Помолися Богу, святой отец Сисиний: Господи! избави род христианский от таковых диаволов И посла Господь Михаила-архангела¹ и четырех евангелистов, повеле их (трясо-виц) мучити тремя (или семью) прутьями² железными, давая им по триста³ ран на день». Имена архангела Михаила и святых угодников нередко заменяются и дополняются другими; в одном списке семь святителей, и между ними Егорий Храбрый, Иоанн Креститель и святой Николай увидели двенадцать лихоманок, плавающих по морю и воздымающих бурю⁴. «Они же начаша молитися: святой отец Сисиний, Михаил-архангел, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матфей, Иоанн! не мучьте над где мы слышшим, в котором роду прославятся ваши имена, и того роду станем бегать за десять верст⁵. И вопроси их святой отец Сисиний: как вам, диаволы, имена?»

¹ Вар. «ангела Сихаила».

² Вар. «четырьмя дубцами».

³ Вар. «по три тысячи».

⁴ Вар. «Мешаяй воду с песком».

⁵ Вар. «за три дня, за три поприща».

Лихорадки исчисляют свои названия и описывают те муки, которыми каждая из них терзает больного. Вот эти названия.

1. Трясея (тресучка, трясуница, в областных говорах: потресуха, трясучка, трясца от глагола трясти¹), в старинных поучительных словах XV — XVI столетий упоминается про «немошного беса, глаголемого трясцю»²; сравни немецкое выражение: «dass dich der ritt (лихорадка)³ schiitte!»⁴.

2. Огня или огненная: «...коего человека поймано (говорит она о себе), тот разгорится аки пламень в печи», то есть она производит внутренний жар. В Швейцарии лихорадку называют hitzubrand; англосакс adl — жгучая болезнь от ad — ignis; персы олицетворяют ее румяною девою с огненными волосами⁵. Южнославянское название «грозница» ставит лихорадку в связь с грозным пламенем, с молниеносными стрелами⁶.

3. Ледея (ледиха) или озноба (знобоя, забуха): аки лед знобит род человеческий, и кого она мучит, тот не может и в печи согреться; в областных наречиях даются лихорадке названия: студенка (от студа, то

¹ Обл. сл. 207,232—3.

² Архив ист.-юр. свед. II, пол. I, с. XXVII; пол. II, 48—49, в отделе смеси; Правосл Собес 1859, IV, 475.

³ От reiten, ибо она ездит на человеке, как мара.

⁴ D. Myth, II 07.

⁵ D. Mytk, 1106—8.

⁶ О. 3.1853, VIII, иностр. лит., 80.

•V Обл. сл., 180,218,322.

Тождество внешних признаков и ощущений, порождаемых различными недугами, заставляло давать им одинаковые или сходные по корню названия и таким образом смешивать их в одно общее представление злых, демонических сил; сравни: огня — лихорадка и горячка, называемая в простонародье огневицею и палячкою; в некоторых местностях России вместо сестер-трясовиц рассказывают о двенадцати безобразных старухах — горячках; огники — красная сыпь по телу,

¹ Срп. рје4НМК, 727.

122 #

123

сять девиц, в тартарары, отыдите от раба Божьего (имярек) в леса темные, на древа сухие». В других заговорах злые недуги с принедугами и полунедугами отсылаются в «окиан-море», в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горячую, во тьму кромешную, то есть в ад. Колючку грозит заклинитель заключить в недра земли, свербеж утопить в горячей воде, стрельбу залить кипучей смолой, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень и так далее¹.

Малороссийские заговоры гонят лихоманок и другие болести в дебри, болота и пустыни безлюдные: «Вам, уроки, у раба Божого не стоят, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, серця его не нудыты, билото тила не сушиты; вам идты на мха, на темные луга, на густые очерета, на сухие лиса!»; «Пидить соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степучи, де глас чоловичый не заходьть, да пивни не спивають»; «Чи ти гаєтуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти вихрова... буду я тобі лице заливати, буду тобі очи выпикати, буду тебе молитвами заклимати, буду с христянської вири висилати. Пиди соби, де собаки не брешуть, де кури не поють, де христянський голос не ходе»². Чешское заклятие XIII века посылает нечистую силу (sieme proklate)

¹ Сахаров, 1,24—25,28—31.

² Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассек, II, смесь, 20; Пам стар, рус лит-ры, III, 167—8. «Поди ты (горловая жаба) на дуб — на сухое дерево, на котором нет отраслей отныне и до веку».

в пустыни — «па pusci jdete, anikomu neskod'te». В настоящее время чехи прибегают к таким формулам «Ja vyhanim oubute (сухотку) z tveho tela do more — vodu pfelevati a pisek pfesejpati, kosti nelamati a zily neskubati, a krev necucati a maso netrhati, a pfirozenimu pokoj dati»; «Letely tri strelci, zastavili jspu se v me hlave, v mych usich, v mych zubech, a ja je zaklinam» во имя Отца и Сына и Святого Духа если вы с ветру — идите на ветер и ломайте деревья в густых борах, если с воды — ступайте на воду и крутите песок в самых глубоких местах, если со скал — идите в скалы и ломайте камни, а мне, моей голове, ушам и зубам дайте покой: «Zaklinam vas, pakostnice — ruzovnice, kostnice¹ do lesa hlubokeho, do dubu vysokeho, do dreva stojateho i lezateho; tam sebou mlafe a trskejte, a teto osobe pokoj dejte. Jsi li z ouroku, jdi do ohne; jsi li z vody, jdi do more; v mofi vaz vody, poscitej pisek» (в море исчерпай воду, сочти песок).

Подобные же заклятия обращают немцы к эльфам; по их мнению, те деревья засыхают, на которые будет передана болезнь. Индийский врач гнал лихорадку в лес и горы; повинувшись вещему слову, водные духи (апсарасы) должны были удаляться в глубокие источники и в деревья². Заговор на изгнание лихора-

¹ Роза и лом в костях

² Громанн, 149-150,158-161,177,185; D. Myth., 1122-3. Финская песня закликает чуму сокрыться в твердые, как сталь, горы.

Как множество других апокрифических сказаний, так и заветие Иеремии создано под непосредственным влиянием древнеязыческих воззрений, общих болгарам со всеми прочими славянскими

126 #

Из различных воззрений на природу рождались и различные мифические представления: бессмертные владыки, то помрачающие небо тучами, посылающие град, стужу и бури, то разгоняющие демонов мрака и дарующие светлые дни, являлись народному воображению не только грозными карателями людей и животных, метателями моровых стрел, но и богами-спасителями (бшп^ред), силою которых прогоняются злые недуги. Так, Индра исцеляет от кожных болезней и червей, а Тунар гонит из тела wiirmer, то есть мучительных эльфов¹. Сестры-лихо-

127

В стремительных вихрях предки наши усматривали пляску духов и нимф, и в эпоху христианскую представление это было перенесено на Иродиаду, которая славилась некогда своими искусными танцами. Такое смешение тем более понятно, что сам демонический змей (Сатана) называется в народных сказках Иродом¹. В связи с этим девы воспаляющих и знобящих болезней были признаны дочерьми Ирода и старшая из них стала обозначаться именем плясовицы. По чешскому поверью, лихорадки живут в прудах и колодцах, и потому бывает время, когда никто не решается пить оттуда воду. Заболевший лихорадкою идет перед восходом солнца к ко-

128 Jfc

В Орловской губернии больного купают в отваре липового цвета, а снятую с него рубашку он должен ранним утром отнести к реке, бросить ее в воду и промолвить: «Матушка-ворогуша! на тебе рубашку с раба Божьего (имярек), а ты от меня откачнись прочь!» Затем он возвращается домой молча и не оглядываясь. Согласно со стихийною природою женлихорадок, они прогоняются в океан-море (небо), в студенцы и болота (дождевые источники), в скалы и горы (тучи), в камыши и деревья (небесные рощи), в огонь и ветры — словом, в жилища водяных, лесных, эльфов и нечистых духов. Несмотря на запрет статьи о книгах истинных и ложных, в самой иконописи до конца XVII века было распространено изображение двенадцати трясовиц; они представлялись в виде женщин и нередко обнаженные, с крыльями летучей мыши, так как эта последняя служила символом ночи.

¹ Громанн, 163.

ются даже некоторым благообразием. Наверху, в облаках, видны ангелы, и между ними один, который направляет на трясовиц копьё и хочет низвергнуть их в отверстую пропасть, а на пригорке — коленопреклоненный и молящийся святой Сисиний¹. Чехи противопоставляют демонам-болезням Христа и святую Аполону. Встречает Христос psotnika (спазмы и конвульсии) и спрашивает: «Kat ty jdes, psotmku? — Ja jdu do zivota te a te osoby — maso jisti, krev piti, zily tahati, kosti lamati, chut'k jidlu a k piti brati, a spani mu odjimati». Христос приказывает болезни выступить из человека, не мучить его ни днем, ни ночью и удалиться в темные леса. Или: chodili strelci-stfelice po horach, po krajinach; повстречали святую Аполону, и на вопрос ее: куда идете? — отвечали: идем к такому-то человеку мозг ести, кровь пити, мясо драти, кости ломати. И рекла им Аполена: воротитесь и дайте человеку покой². Подобные же заклęcia известны и между другими народами.

Якоб Гримм приводит заговор, в котором упоминаются семьдесят семь noschen (под именем nosch разумеется бес падучей болезни). «Wir wend gohn in das haus des c menschen, — говорят они про свои подвиги, — und torn sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen». Духи эти

¹ Речь г. Буслаева о нар. поэзии в др. рус. литер, 40.

² Чешские песни Эрбена, 507—9; Громанн, 162, 175—6.

изгоняются в сухое дерево: «...ich gebeut dir nosch mit alien deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat und geschoss (стрельба) und geicht (лом) und gesicht (сглаз, изуроченье)...». Грузины произносят следующий заговор против чесотки: «Гой ты, jelo-jelo (едущий), юродивый, бесприютный! откуда исходишь ты и кудаходишь? — Исхожу я из черной скалы, вхожу в тело человека, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нет, не позволю тебе войти в человека; раздроблю тебя на мелкие части, брошу в медный котел, раскалю его огнем и жупелом серным Удались, отвяжись от раба Божьего (имярек). Аминь»³.

Наряду с заклятиями, обращенными на трясовиц, индекс запретных книг оскрдает также и «лживые врачевальные молитвы о нежитях»³. В одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоров против нежита, или нежитя; из них два были сообщены г. Буслаевым

а. «Сходещу нежиту от сухого (огненного) мора(я) и сходещу Иисусу от небесе, и рече ему Иисус: камо идеши, нежите? Рече ему нежить: семо

¹ D. Myth, 1110.

² Москв, 1852, XIX, соврем, извест, 98.

³ Иоанн, экзарх Болт, 210; Летоп. занятий Археограф, ком 1861, 39—40: «и о нежитях, сиречь из пустыня исходят... то все поп Иеремиа изглагола».

Б. «Святы Михайль-Гавриль гредеше, възьмь железнъ лукъ и железныы стрелы, стрелати хоте ельна и ельну, и не обрете ту ельна и ельну, нь обрете нежитя, иже седеше, камы рацепивь¹; и выпроси его: что ты еси иже седиши, камы рацепивь? Отвещава ему: азъ есмь нежить, иже чловеке главе рацеплю и мозъге исьрчу, кровь ему пролею. И рече му Михайль-Гавриль: проклетыи проклетъче нежите! ее мозъга срьчи, ни главы рацепи, нь(но) иди в пустую гору и вылези в елену главу; та ти естъ трыпелива трыпети то. Аще ли те по семь дни обрещу, любо те носеку, любо те прострелю. И възьмолисе нежить: не посеци, ни

132 #

Существительное «нежить» доньше употребляется в областных говорах Северной России как собирательное имя нечистой силы: домовых, водяных,

⁴ Труды Владим стат. ком, VI, 84.

русалок и проч.; в чешском языке *pežit* — название болезни. Слово это образовалось от глагола *жити* с отрицательной частицей *ne* и по значению своему прямо соответствует Моране (смерти) и повальным болезням, известным у славян под общим названием мора.

Древнеэпические формулы заговоров, призывающие на демонов карающее оружие бога-громовника, мало-помалу стали переводиться в действие; в народной медицине принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначение которых наносить болезням раны, разить их и изгонять из человеческого тела. Захворал ли кто утином (боль поясницы), знахарка приказывает ему лечь ничком на порог избы, то есть у растворенных дверей, которыми должна удалиться болезнь; затем кладет ему на поясницу березовый веник и, тихо ударяя обухом топора или косарем по венику, причитывает: «Секу-секу, присекаю; рублю-рублю, прирубаю!» «Что, бабушка, сечешь?» — спрашивает больной. «Утин секу!» — «Секи, да гораздо, чтоб не было его!» Эти вопросы и ответы повторяются до трех раз¹. Веник — эмблема вихря, рассеивающего вредные испарения и туманы. Когда у детей бывает почесуха, крестьянки парят их ольховыми вениками, которые потом выбрасывают на

¹ «Год на Севере» Максимова, 1,78.

² Эгногр.сб, 1,163—4.

воздух, с приговором «С ветру пришло, на ветер и поди!». Ничего так не боится куга (олицетворение морового поветрия), как метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы).

Вместо топора нередко прибегают к помощи зубов на основании той древней метафоры, которая уподобляла молнии золотым зубам всегда готовым растерзать демона. Так, страдающие грызью (ломом в руках и ногах) приывают к себе мальчика и заставляют его кусать колено больной ноги или локоть руки, причем ведется следующий разговор: «Что грызешь?» — «Грызю грызу». — «Грызи, да гораздо!»³. От сибирской язвы кладут на опухоль тряпку и со всех сторон обкусывают больное место; ребенку, у которого расстроен желудок, трижды кусают слегка пупок; от головной боли лечат так: наклоняют голову больного, обвивают около указательного пальца прядь его волос и прикусывают их зубами у самого корня*.

Чтобы охранить себя от порчи, поселяне запасаются обломком от лезвия косы и носят его в правом

¹ Во Владимирской губернии больные, снимая с себя нижнее платье, бросают его в полночь за окошко на ветер (Труды Владим. стат. ком., VI, 75).

² Илич, 299.

³ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузин, 160; Послов. Даля, 429.

⁴ Библ. для Чт., 1848, IX, 54.

⁵ Пассек, II, 19—20.

⁶ О.З., т. III, смесь, 50.

сапоге. В некоторых деревнях знахари обрезают с рук и ног больного ногти, кладут их в нарочно сделанное в яйце отверстие, залепливают это отверстие воском и относят яйцо в лес, с тайною надеждою что какая-нибудь хищная птица унесет его вместе с болезнью¹; смысл обряда — тот, что у демона-болезни остригаются ее острые когти и сама она предается во власть крылатого вихря, который должен унести ее в дальние, пустынные места². Убежденные, что пламя грозы пожигает нечистую силу, а дождевые ливни смывают, топят ее, предки наши лечили болезни огнем и водою.

Как скоро почувствует кто-нибудь из домашних легкий озноб или жар, склонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчас же черпают ключевую воду, кладут в нее горячие уголья и щепоть печной золы, дуют на воду три раза мешают ее острием ножа и читают заговор; затем сбрызгивают больного, смачивают ему грудь, руки, ноги, спину или дают выпить несколько глотков³. Приготовленная таким образом вода получает целебные, живительные свойства дождя; горячие уголья знаменуют грозное пла-

¹ Записки Авдеев, 139–140.

² В Германии существовал обычай замуровывать чуму в церковную стену или заключать ее в скважину дерева — обычай, возникший из древних заклятий, изгоняющих демона смерти в камни (скалы) и леса. — D. Myth, 1135, 1141.

³ Сахаров, 1, 53; II, 4; 0.3, 1848, т. LVI, 202.

мя, дуновение — ветер, нож — громовую секиру. Старинный поэтический язык называл огонь-молнию раскаленным железом, блестящею медью и золотом (деньгами), а воду-дождь — вином, медом, молоком и маслом; в силу этого возникли разнообразные врачебные обряды.

Чехи заставляют больных детей глотать во имя Святой Троицы три уголька а чтобы вылечить скорбут, берут воду, в которой кузнец охлаждал горячее железо, намачивают в ней красный лоскут и трут им десны. На Руси раскаливают докрасна медный пятак, опускают его в сосуд с холодной водою и воду эту пьют по три раза в день от лихорадки. Вместе с целебными травами нередко кипятят в воде золотые венчальные кольца и потом поят или обливают ею хворого. От горячки надевают на шею больного обруч, снятый с ведра, окуривают его стружками с этого обруча, поят вином, настоящим на золе, и произносят заклятие: «во имя Отца и Сына и Святого Духа! Тетка-баба (горячка), отойди от раба Божия (имярек)». Когда вино выпито, оставшееся золою трут лицо и грудь против сердца Золотое кольцо — символ солнца, поборающего демонов мрака; снятый с ведра обруч — знамение дождевых сосудов, разбиваемых богом-громовником От «криксы» купают детей в курнике на деревянном обруче.

¹ Громанн, 175.

² Этногр. сб, V, быт курских крестьян, 89.

Если укусит человека бешеная собака, то стараются добыть клочок ее шерсти и этою шерстью окуривают нанесенные ему раны. Бешеная собака есть воплощение дьявола; подобно тому как небесные молнии, пожигая облачное руно демонов, просветляют омраченную ими природу, так и сожженная шерсть собаки удаляет мучительного беса и восстанавливает поврежденное здоровье¹. Произнеся заклятие, знахари трижды дуют на больного и сплевывают в сторону. Слюна здесь — символ живой воды (дождя), точно так же, как обдувание больного — символ ветра. Если слову человеческого и слюне дана власть прогонять нечистых духов, уроки и недуги, то естественно, что язык, как орудие слова и метафора молнии, должен был получить чародейную силу слизывать всякую хворь. И действительно, знахари, умывая больного наговорной водою, лижут ему лицо до трех раз и за каждым разом сплевывают на землю, то есть сбрасывают вместе со слюною слизанную языком болезнь².

В Саратовской губернии против лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная девица! Избавь раба Божия (имярек) от матухи, от знобухи, от летучки, от гнетучки, от всех двенадцати девиц-трясовиц». Вслед за произнесением

¹ Громанн, 184.

² Абев., 235.

этого заговора слизывают недуг крестообразно со лба, подбородка и щек больного и сплевывают наземь¹. Нередко слова лечебного заклятия сопровождаются очерчиванием около больного круговой черты, дабы злой дух болезни не мог переступить за этот зачарованный круг².

Народные заговоры сделаются для нас вполне понятными только тогда, когда будут разгаданы и объяснены все древнейшие метафоры, на которых зиждется их целебное значение. Вот, например, заговор от болезни усоев, любопытный по своим мифическим указаниям «Есть море золото, на золоте море золото древо, на золоте древе золоты птицы, носы и ногти железные, дерут-волочат от раба Божия (усови) на мхи — на болота. Есть море золото, на золоте море бел камень, на беле камени сидит красная девица с палицею железною, тепет, обороняет, отлучает от раба Божия усови на мхи — на болота. Есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет святой Николай, отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, а залучает от раба Божия усови аду в челюсти»³. Злой дух болезни прогоняется во мхи-болота и в ад. Море — поэтическое название неба; эпитет «золотой», данный этому морю, означает светлый, озаренный лучами солнца

¹ Саратов. Г. В., 1850, 26.

² Киевлян, 1865, 69.

³ Ист. хрест. Буслаева, 1353.

Дерево и корабль — метафоры тучи, бел камень — метафора солнца. На дереве-туче сидят золотые птицы с железными когтями и клювами, т. е. молнии, острыми стрелами которых и разится нечистая сила болезни; подобно тому на солнцевом камне восседает красная девица Заря, богиня весенних гроз и плодородия, и гонит демона железною палицею; а на корабле-облаке плывет Николай-угодник, заменяющий собой Перуна: он отворяет морскую глубину (дождевые тучи) и низвергает демона в челюсти ада. Итак, изгнание болезни совершается при содействии громовника; как обновитель природы, победоносный враг зимы — смерти и творец весенней жизни, он исцеляет и все недуги.

¹ Из всего сказанного понятно, почему так долго удерживается в массах простого народа доверие к знахарям и их врачебным пособиям и отвращение от научной медицины. За первых стоят исконные предания, крепко сросшиеся с родным словом, а следовательно, и с самыми убеждениями человека. До сих пор поселяне охотнее прибегают к помощи своих знахарей и ворожеек, а лекарства, даваемые официальными врачами, называют «погаными». Вместе с этим приведенные сведения убедительно доказывают, как несостоятельна, ничтожна и часто положительно вредна народная медицина: лечить глаза искрами огня, заставлять от воспалительных болезней есть сусальное золото, сажать ребенка в жарко натопленную печь и тому подобные средства, конечно, не могут быть признаны как полезные. Нельзя отвергать, что знахарям доступны некоторые знания целебных трав, корней и других снадобий, на которые случайно набрел наблюдательный ум наших предков, но объем этих знаний весьма ограничен, и притом они так спута-

Повальные болезни, от которых гибнут целые поколения людей и животных, отождествлялись в языке и верованиях с представлением смерти: измереть — в областном слове: исхудать, исчахнуть, подмереть — завянуть, засохнуть, отощать, замирать — захворать, морный — тощий (заморенный), морная корова — падеж рогатого скота, помора — отравы; пропадать — болеть, чахнуть, пропадина или пропастина — мертвечина, стерво, пропасть — адская бездна, погибель, смерть и гниющий труп¹.

Германцы эпидемиям давали названия: *der grosse tod*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte dod* = *der schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманные испарения и гнетущая духота зноя отравляют воздух, внезапно появляется зараза и, направляя путь свой чрез населенные местности, похищает жертвы за жертвами. В качестве богини смерти и согласно с грамматическим родом присвоенных ей названий заразы олицетворяется в образе мифической жены: лат. *pestis*, *lues*, нем. *die pest*, серб, кута (сравни ниже- и верхне-

ны с многочисленными суевериями, что нам кажется совершенно неуместным то наивное сожаление о расколе, существующем между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями так называемой русской науки.

¹ Обл сл., 64,74,116,164,169,181,208.

нем. koghe, koge) и Морнја, рус. чума (dzuma), язва, свирепица (Черниговская губерния) — женского рода, и хотя рядом с этими названиями у нас, чехов и поляков употребляется еще слово «мор» (литов. moras, латт. mehris), но в поэтических сказаниях оно уступает женским формам. Завися от воздушных перемен и климатических условий, моровая язва, как и другие болезни, признавалась существом стихийным, шествующим в вихрях («поветрие») и владеющим огненными, молниеносными стрелами. По указанию народного поверья, приведенного Якобом Гриммом, она несется как синеватый пар в виде облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke»¹.

Свидетельство Гомера о моровых стрелах Аполлона совпадает с славянскими преданиями: общепринятые в русском языке названия «зараза» (от разить) и «язва» указывают на раны, наносимые острым оррkiem болезни: кроаты представляют чуму (гиргу) злою фурией, легкою как молния; по рассказам болгар, она — вечно озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животных огненные ядовитые стрелы. Создавши ее, Христос сказал: «Иди и мори человеческий род; а чтобы ты не страшилась никого — даю тебе лук и стрелы». Болгары видят в ней существо, родственное с облачными де-

¹ D. Myth., 1133—4.

² Вест. Евр., 1819, XIII, 47.

вами, и называют ее «чума-самодива» или «юда-самовила»; самодивы и самовилы соответствуют немецким эльфам и подобно им различаются на добрых и злых (светлых и темных). Приближаясь к городу или деревне, Чума точит свои стрелы, и кому случится на ту пору выйти в поле — в того и стреляет, а затем уже входит в самое село или город. Оттого первые заболевающие страшным недугом бывают приезжие и странники. Наравне с эльфами и ведьмами Чума может оборачиваться кошкою, лошадью, коровою, птицею и клубком пряжи; где она покажется — там начинают выть собаки, туда прилетает ворон или филин и, садясь на кровлю, криком своим предвещает беду¹. Чехи и малорусы рассказывают, что Смерть, принимая вид кошек, царапается в окно, и тот, кто увидит ее и впустит в избу, должен умереть в самое короткое время². Южные славяне уверяют, что во время чумы петухи хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность лаять и только ворчат и с визгом бросаются на ужасную гостью.

Один крестьянин спал на стогу сена; пробужденный шумом, он увидел огромную женщину в белой одежде (в саване), с растрепанными волосами, которая бежала от стаи собак; она вскочила на лестницу, приставленную к стогу, и стала дразнить собак но-

¹ Сообщено г. Каравеловым.

² Громанн, 186.

гою. Крестьянин узнал Чуму, подкрался сзади и толкнул ее с лестницы; Чума погрозила ему пальцем и исчезла, и хотя он остался в живых, но с той самой минуты беспрестанно дергал ногою¹. Громовые раскаты уподобляются крику петуха и колокольному звону, и вследствие этих метафор петух возгласом своим прогоняет нечистую силу, а от звона колоколов рассеиваются темные тучи², и уstraшенные демоны, эльфы и ведьмы спешат сокрыться в дальние страны.

Вместе с этим петуший крик и колокольный звон признаны были за целебное средство против болезней, особенно против лома в руках, падучей, холеры и вообще всякого поветрия; «я слышу (читаем в чешском заговоре), звучат колокола, поют святые ангелы, и ты, raze, должна удалиться!»³. Сверх того, в зазывании грозовой бури арийские племена слышали лай небесных псов, сопутствующих богу громов и вихрей в его дикой охоте; по народному убеждению, собака одарена чрезвычайно тонким чутьем и острым зрением она узнает присутствие нечистых духов, чует приближение Чумы и Смерти и кидается на них, как верный страж домохозяина и его семьи.

¹ Пов. и пред., 86—87,177.

² В 1576 г. звонили на Мораве «proti mracnuw»; дьявол схватил звонаря и три дня носил его в вихре. — Гануш о Деде и Бабе, 53.

³ Громани, 15,39,158; Beiträige zur D. Myth, II, 299.

Когда собака воет — это считается знаком, что она видит Смерть. Отсюда возникли поверья, что Чума боится собак¹, что у петухов она отымает голос и вырывает хвосты и что там, где владычествует нечистая сила смерти (зараза), уже не раздаются ни петушиный крик, ни собачий лай; согласно с этим вышеприведенные малорусские заговоры отсылают сестер-лихорадок и другие болезни в те пустынные страны, где не слышится ни пения петухов, ни лая собак, ни церковного звона, то есть, собственно, в царство туч, оцепененных холодным дыханием зимы (в вертепы северного ада). Рассказывают также, что Чума не любит кошек и при удобном случае убивает их: эта враждебность объясняется страхом перед богиней Фреею, которая выезжала на кошках, участвовала в дикой охоте и поборала демонов. В давнее время, по словам болгар, кошка была старшею сестрою Чумы и часто была ее; теперь же при появлении моровой язвы кошки прячутся от нее в пещерах².

Любопытно, что чехи для излечения детей от сухотки купают их в ключевой воде, вместе с собакою или кошкою³. В большей части земель, заселенных славяно-литовским племенем, моровая язва олицетворяется женщиною огромного роста (иногда на

Срп. р^чник, 311.

² Сообщено г. Каравеловым

³ Громани, 179.

ходулях), с распущенными косами и в белой одежде; она разъезжает по свету в повозке или заставляет какого-нибудь человека носить себя по городам и селам; своею костлявою рукою она веет на все на четыре стороны красным (кровавым) или огненным платком — и вслед за взмахом ее платка все кругом вымирает.

Был жаркий день, русин сидел под деревом. Приблизилась к нему высокая женщина, закутанная в белое покрывало. «Слыхал ли ты про Моровую язву? — сказала она. — Это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси, не минуя ни одного села, ни города; я должна везде заглянуть. Крутом тебя будут падать мертвые, но ты останешься невредим». Затем она обвила длинными, исхудалыми руками вокруг шеи русина, и бедняк пошел со своею страшною ношею, не чувствуя ни малейшей тяжести. На пути лежало местечко, где раздавалась музыка и весело, беззаботно пировал народ; но Чума повеяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Где ни проходил русин, всюду богатые города и деревни превращались в пустыни; бледные, дрожащие от страха жители разбегались из домов и в мучительных страданиях умирали в лесах, полях и по дорогам. Наконец добрался он до своего родного села; здесь проживали его старушка мать, любимая жена и малые дети.

Отчаяние и жалость овладели душою несчастного; он решился утопить и себя и Чуму, ухватил ее за руки и, обойдя село, бросился вместе с нею с крутого берега в волны Прута; сам он утонул, но Моровая язва не могла погибнуть: с легкостью стихийного существа она поднялась из воды и, напуганная отважною смелостью человека, убежала в лесистые горы.

На Украине существует клятва «А щоб на вас чума насыла!»². Лужицкая Smertnica (богиня смерти) ходит по деревням в белом платье, и куда бы ни направила свои стопы — там непременно кто-нибудь умирает³; чехи называют ее Smrtnice, Smrtna zena она облекается в белую или черную одежду, голову покрывает шляпою с белым пером и бродит под окнами дома, где в скором времени должен быть покойник⁴.

По сказаниям сербов, Куга — «жива жена завешена бјаОМ марамом»; есть предание, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерам от одной избы к другой, она останавливается под окнами и пускает внутрь жилья свой злочестивый дух, отчего и погиб-

¹ Приб. к Ж. МН. П., 1846, 110; Архив ист.-юр. свед. И, пол. I, ст. Калачева, 45; Пов. и пред., 83—85, 176; Ж. М. Н. П., 1836, VI, 464—5.

² Номис, 73.

³ Volkslieder der Wenden, II, 268.

⁴ Громанн, 6, 186.

бают все семейство. Многие видели ее собственными очами, а некоторым случалось носить ее. Встретив человека на дороге или в поле, а иногда являясь к нему в избу, она говорит: «Я сам Куга, вей хайле да ме носиш тамо и тамо!» За такую услугу она обещается пощадить как его самого, так и всех близких ему родичей. Тот, кто носит Кугу, или вовсе не чувствует усталости, или изнемогает под тяжелым, сильно гнетущим бременем¹.

Та же басня известна и в Бретани: в одной песне рассказывается о мельнике, который перевез на коне через реку белую женщину, а по другому варианту — он перенес ее на собственных плечах. «Знаешь ли ты, кого перевез? — спросила она. — Я — Чума. Мой обход по Бретани оканчивается; теперь я пойду в церковь, и кого только коснется мой посох — тот немедленно должен умереть, но ты не бойся —: тебе и твоей матери я не сделаю никакого вреда». Слова эти оправдались на деле: все обыватели померли, исключая двоих — старой вдовы и ее сына². Духи болезней ездят на своей жертве, и Бог осудил некогда солдата носить на плечах голодную Смерть.

В Литве чуму и вообще всякую повальную болезнь называют Моровой девою; показываясь в деревне, она обходит дома, просовывает руку в окно

¹ Срп. рзечник, 311; Иличь, 299—300.

² D.Myth., 1136—7.

или дверь и размахивает красным платком, навешивая на хозяев и домочадцев смертельную заразу. При ее появлении жители запираются в своих избах, не открывают ни окон, ни дверей, и только совершенный недостаток припасов и голод заставляют их нарушать эту предосторожность. В старые годы жил-был шляхтич; решившись пожертвовать собою для общего блага, он взял саблю и сел у нарочно открытого окна; как только Моровая дева протянула в окно руку, шляхтич ударил саблею и отрубил ей кисть. Сам он умер, померло и его семейство, но с той поры язва уже не показывалась в этой местности.

Подобное же предание уцелело и в памяти русского народа: храбрый казак отрубил руку ведьмы, которая действовала так же губительно, как Моровая язва; в глухую полночь являлась она вся в белом, отворяла окно избы, просовывала руку с кропилом и начинала шить в разные стороны, а к утру вымирала вся семья. В нижненемецкой саге Смерть заглядывает в окно, и на кого упадут ее взоры — тот делается добычею могилы¹. Рассказывают еще, будто Моровая дева, одетая в белое платье, объезжает города и села на высокой колеснице; останавливаясь перед домом, она размахивает платком и спрашивает: «Что делаете?» Если ей отвечают: «Бога хва-

¹ Ibid., 1141; Н. Р. Ск, VII, 36 а.

*Morowa dziewczica
w Ueliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czołjem przenosi Ualjowieskie drzewa,
a w meku chustkę, skiwawioną powiewa.
Dziewica stapa kroki zljowieszczemi
na siolja, zamki i bogate miasta;
a He razy kowawą cbustką skinie,
tyle palacow zwienia sie w pustynie;
gdzie nogą stapi, świeży grob wyrasta.*

¹ Семеньск, 126—7; Иллюстр, 1848, № 28.
² D. Myth, 1137.

Поляки уверяют, что Моровая дева разъезжает в двухколесной повозке³; а лужичане рассказывают о невидимой колеснице, которая с грохотом носится по улицам в двенадцать часов ночи, и в том доме, возле которого она остановится, непременно кто-нибудь да сделается добычею смерти. Поезд Чумы в Подолии называют «гомин»⁴ — слово, означающее громкий говор, неистовые звуки, шум, завывание бури⁵. Потеряв во время моровой язвы жену и детей, русин покинул свою хату и ушел в лес, к вечеру он развел огонь, помолился Богу и заснул. В самую полночь его разбудил страшный шум издали неслись нестройные, дикие клики, слышались дудки и звон бубенчиков. Голоса приближались, и вскоре видно было, что по дороге тянется гомин. На высокой черной колеснице ехала Чума, сопровож-

- ¹ Москв, 1846, XI—XII, 249.
² Пов. и пред, 177.
³ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330.
⁴ Гомон = гом, гам.
⁵ Песня; «Гомин, гомин по дуброви, / Туман поле покрывае».

даемая толпой чудовищ, стайей сов и нетопырей. Свита ее с каждым шагом более и более умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья, превращалось в чудовищные привидения и приставало к поезду. Когда гомин поравнялся с разведенным костром, Чума затянула адскую песню. Подолянин хотел было с испугу ударить в ближайшее к нему привидение топором, но и топор вырвался из его рук, превратился в живое существо на козых ногах и понесся вслед за демонским сборищем. Подолянин упал без чувств, и когда очнулся — на небе уже сияло солнце; платье его было изорвано в лохмотья, а топор лежал переломленный¹.

Таким образом, Чума, подобно древним богиням, восседает на колеснице, и поезд ее сопровождается бурей и привидениями, то есть злыми духами и тенями усопших, точно так же, как, по германскому преданию, Один — бог, посылающий валькирий за душами убитых героев, — мчится во главе неистового воинства или дикой охоты, сопровождаемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это — поэтическое изображение опустошительной бури, веяние которой несет губительную язву; все, что ни встречается на пути, вихри ломают и увлекают в своем стремительном полете; адская

¹ Семеньск., 144—5; Эрбен, 126—7; Пов. и пред., 88—90, 178.

песня, звуки дудок и бубенчиков — метафоры воющих ветров; Смерть, как мы видели, сама представлялась музыкантом

По свидетельству немецких сказаний, Гелла ездит в колеснице или на треногом коне, то есть в грозовой туче, и шлет на Божий мир заразу; поражая людей, она схватывает души и навьючивает ими своего коня. О смертоносном действии моровой язвы выражаются: «Die Hell ist verjagt», а когда захворавший этою болезнью выздоровеет, о нем говорят: «Er hat sich mit der Hell abgeftmden» («Он разделался с Геллою»). Богиня смерти, следовательно, является в качестве охотника, ловчего христианских душ; подобно Одину в его бурных полетах, она в некоторых сагах выступает на борьбу с жизнью в сопровождении большого воинства; за ней следуют свита и слуги, несущие ее знамя и оружие. Финны наделяют Чуму конем и колесницею¹; а наше летописное свидетельство утверждает, что те незримые духи (навье), которые избивали полочан, ездили на конях.

Сербы знают не одну, а несколько моровых жен, рожденных от демона и обитающих за морем «Куте НМажу преко мора сеоју земљу, гАје саме оне живе на их Бог пошл е амо (кад лѹди зло раде и много грѣше) и каже им — колико пе луди поморити». Обык-

¹ D. Myth., 290,804—7,1141.

³ «Mit einer reibe (rive), einem gezahnten werkzeug, womit evde oder heu und getraide auseinander gerzogen wird».

⁴ Или: брат и две сестры.

Сходно с этим новогреческое сказание упоминает о трех страшных женах, которые странствуют вместе по городам и селам и карают жителей морвою язвою: одна носит длинный свиток, где записаны имена приговоренных к смерти, другая — ножицы, которыми наносит людям смертельные удары, а третья — веник, которым сметает с лица земли все живое. Очевидно, что эти три Моровые жены, сербские три Куги и наши три сестры Холеры тождественны с древними парками, эвменидами и фуриями!² Болгары утверждают, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночам, читают по книге, кто должен умереть и кто выздороветь³.

¹ Ворон. Г. В., 1850,16; Владим. Г. В., 1844,53; Рус Речь, 1861, 41; Пов. и пред., 177.

³ Ж.МН.П., 1846, XII, 212.

⁴ Товар — рогатый скот.

Я. Гримм сообщает следующий рассказ: встретила Чума крестьянина и попросила подвезти себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянин стал молить о собственной пощаде, и Чума научила его обежать нагишом вокруг своего дома и закопать у порога железный крюк. Вместо того крестьянин обежал вокруг всей деревни, а железо закопал при самом ее въезде. Язва страшно свирепствовала в окрестностях, но не могла проникнуть в деревню, огражденную невидимою чертою и железным запором. Коровья смерть нередко принимает на себя образ черной собаки или коровы¹ и, разгуливая между стадами, заражает скот. У нас ее называют морною коровою, в Шлезвиг-Гольштейне — Kuhtod и Viehschelm; в Ирландии рассказывают о быке-эльфе (elfstier), который осенью приходит на сжатые поля и смешивается с деревенскими стадами². У словенцев чума рогатого скота

¹ Сахаров, II, 10—11; Зап. Об-ва рус и слав, археолог, I, отд 2, 46.

² D. Myth, 1138–9.

³ Der Urspr. der Myth, 182; Beitrage zur D. Myth., II, 307; Труды Моск. археол. об-ва, в. II, 181.

олицетворяется пестрым теленком своим мычаньем этот оборотень умерщвляет коров и овец¹. В Томской губернии сибирская язва представляется в виде высокого, мохнатого человека с копытами на ногах; он живет в горах и выходит оттуда, заслыша клятвы «язей те!», «пятнай те!»².

Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни

¹ D.Myth,1140;Tereig.,VI,42.

² Этногр. сб., VI, 135. У болгар существует поверье, что Чу-ма или Оспа, желая удалиться из деревни, является кому-нибудь во сне и требует, чтобы он проводил ее в такую-то сторону. Избранный в проводники берет хлеб, намазанный медом, немного соли и штоф вина; утром перед восходом солнца, он идет на указанное место, как бы сопутствуя незримой страннице, и там оставляет хлеб, соль и вино. После того болезнь прекращается. — Ж.М.Н. П., 1846, XII, 212.

Народные предания ставят ведуна и ведьму в весьма близкое и несомненное сродство с теми мифическими существами, которыми фантазия издревле населяла воздушные области. Но есть и существенное между ними различие: все стихийные духи более или менее удалены от человека, более или менее представляются ему в таинственной недоступности; напротив, ведуны и ведьмы живут между людьми и с виду ничем не отличаются от обыкновенных смертных, кроме небольшого, тщательно скрываемого хвостика Простолюдин ищет их в собственной среде; он даже укажет на известных лиц своей деревни как на ведуна или ведьму и посоветует их остерегаться. Еще недавно почти всякая местность имела своего колдуна, и на Украине до сих пор убеждены, что нет деревни, в которой не было бы ведьмы. К ним прибегают в нужде, просят их помощи и советов; на них же обращается и ответственность за все общественные и частные бедствия.

Ведун и ведьма (ведунья, вещица — от корня *вед*, *вещ*) означают вещей людей, наделенных духом предвидения и пророчества, поэтическим даром и искусством целить болезни. Названия эти совершенно тождественны со словами «знахарь» и «знахарка», указывающими на то же высшее ведение¹. 06-

¹ Иллюстр, 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 149.

² Нем. *hexe* Я. Гримм объясняет скандинавским *hagr* — *dexter, artificiosus*; следовательно, *hexe* — то же, что лат. *saga*, т. е. хитрая, мудрая (вещая) жена (D. Myth, 992).

ластные говоры, летописи и другие старинные памятники предлагают несколько синонимов для обозначения ведуна и ведуньи, называют их колдунами, чародеями, кудесниками и волхвами, вещими женками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками.

Чары — это те суеверные, таинственные обряды, какие совершаются, с одной стороны, для отклонения различных напастей, для изгнания нечистой силы, врачевания болезней, водворения семейного счастья и довольства, а с другой — для того, чтобы наслать на своих врагов всевозможные беды и предать их во власть злобных, мучительных демонов. Чаровник, чародеец — тот, кто умеет совершать подобные обряды, кому ведомы и доступны заклятия, свойства трав, корней и различных снадобий; очарованный — заклятый, заколдованный, сделавшийся жертвою волшебных чар. Кудесник, по объяснению Памвы Берынды, чаровник; в Рязанской губернии окудник — колдун¹; кудесить — колдовать, ворожить, кудеса — в Новгородской и Вологодской губерниях: святочные игрища и гадания², а в Тульской — чара, совершаемая колдуном с целью умиловить разгневанного домо-

¹ Слово, встречающееся в Святославовом Изборнике и у митрополита Кирилла. — Рус Дост., 1, 111.

² Обл. сл., 140.

³ Рус. прост. празд. II, 34.

вого и состоящая в обрядовом заклинании петуха (остаток древней жертвы пенатам). Стоглав замечает, что когда соперники выходят на судебный поединок, «и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют».

В основе приведенных слов лежит корень куд (чуд); старочеш. *cuditi* — очищать, *zuatocudna* — вода, то есть очистительная, *cudar* — судья (по связи древнего суда с религиозными очистительными обрядами). Профессор Срезневский указывает, что глагол кудити употребляется чехами в смысле заговаривать; у нас прокуда — хитрый, лукавый человек¹. Корень чуд вполне совпадает по значению с див (светить, сиять); как от последнего образовались слова «диво», «дивный», «дивиться», так от первого — «чудо» (мн. чудеса = кудеса), «чудный», «чудесный» (в Новгородской губернии — кудесный)², «чудиться», как с словом «кудеса» соединяется понятие о чародействе, так тот же самый смысл присваивают древние памятники и речению дивы. В Святославовом «Изборнике» (1073 г.) читаем: «... да не будеть влхвуй влшьбы, или вражай и чяродсипь, или баяй³ и дивы творай и тробный влхв»⁴;

¹ Срезневский, 60; Обл. сл., 180; Доп. обл. сл., 173; прокудливая береза = чтимая язычниками.

² Доп. обл. сл., 94.

³ Отбаяти — заговаривать.

⁴ Матер. для истор. письмен, ст. Буслаева, 7.

Кормчая книга запрещает творить коби¹ и дивыг. Сверх того, дивами издревле назывались облачные духи — великаны и лешие (дивии люди и дивоженны); согласно с этим, и слову «чудо», «чудовище» давалось и дается значение исполина, владыки небесных источников и лесов.

Таким образом, язык ясно свидетельствует о древнейшей связи чародеев и кудесников с тученосными демонами — великанами и лешими; связь эта подтверждается и сканд. troll, которое служит общим названием и для тех, и для других³. Слово «колдун» в коренном его значении доселе остается неразъясненным По мнению г. Срезневского, колдуном (славянский корень кльд — колд или калд — клуд — куд) в старое время называли того, кто совершал жертвенные приношения; в хорутанском наречии калдовати — приносить жертву, калдованц — жрец, калдовница и калдовише — жертвенник⁴.

В словаре Даля колдовать истолковано как ворожить, гадать, творить чары («чем он колдует? снадобьями, наговорами»)⁵. Наконец, волхв — назва-

ние, известное из древних рукописей и доныне уцелевшее в лубочных сказках и областных говорах: у Нестора слова «волхв» и «кудесник» употребляются как однозначашие¹, в переводе Евангелия: «се волсви от восток приидоше во Иерусалим» (Матф. II, 1); в троянской истории о Колхасе сказано: «влхов и кобник хитр»², в Вологодской губернии волхат (волхит) — колдун, волхатка (волхвитка) — ворожея, в Новгородской волх — колдун, угадчик, прорицатель, в Калужской валхвить — предугадывать, предузнавать, малорус, волштити — хитрить; производные волшебный, волшебство пользуются гражданством и в литературной речи; у болгар волхв, вохв — прорицатель, волшина — брань, хорв. вухвец, вуховец — python и вухвица — pythonissa³, у Вацерада: phytones, sagapetae = wlchwec, wlchwico.

Сверх дара прорицаний волхвам приписывается и врачебное искусство. Рядом с мужскою формою «волхв» встречаем женскую «влхва»⁴, которой в скандинавском соответствует volva (valva, vola, vala) — колдунья, пророчица — и притом, по свидетельству древней Эдды (см Voluspa), существо

¹ Кобь — в старинных рукописях: волшебство, а в совр. языке (в Пермск. губ.): худое дело, зло.

² Рус Дост., III, 38; Обл сл, 85.

³ D. Myth., 993.

⁴ Срезнев, 59—60.

⁵ Толк, слов, 1,747.

¹ Смотри рассказ о смерти Олега.

² Иоанн, экз. Болт, 182.

³ Срезнев, 61; Обл сл, 27; Ч. О. И. и Д, год 2, VII, 24 (слово-толковник Макарова).

⁴ Летоп. Переделав, 43.

вполне мифическое. Г. Буслаев сближает с этими речениями и фин. *volho, velho* — колдун; «как сканд. *volva*, — говорит он, — является в сжатой форме *vola*, так и фин. *volho* изменяется в *vollo*. По свойству славянского языка гласный звук перед плавным, переходит по другую сторону плавного, например *helm* — шлем; потому *volva, volho* является в Остромировом Евангелии в древнеславянской форме *влхв*, а русский язык ставит гласный звук и перед плавным и после, например *шелом*: следовательно, *волхв* или *Волхов* (у Нестора: *волсви*), собственно, русская форма». Корень для слова «волхв» г. Буслаев указывает в санскр. *валг* — светить, блистать, подобно тому, как *жрец*, происходит от *жреть*, *гореть*¹, и старинное поучительное слово принимает имена «волхв» и «жрец» за тождественные по значению.

Итак, обзор названий, присвоившихся ведунам и ведьмам, наводит нас на понятия высшей, сверхъестественной мудрости, предведения, поэтического творчества, знания священных закланий, жертвенных и очистительных обрядов, умения совершать гадания, давать предвещения и врачевать недуги.

¹ О влиян. хр. на слав. яз., 22—23. Связь колдовства с жертвоприношениями подтверждается и свидетельствами немецкого языка: *fornaeskja* — колдовство и *form* — жертва; *zoupar*, др.-верхненем *zepar*, англосакс *teafor* и *tifer* роднят оба эти понятия. — D. Mylh, 984—5.

Все исчисленные дарования исстари признавались за существенные, необходимые признаки божественных и демонических существ, управлявших дождевыми тучами, ветрами и грозой. Как возжигатель молниеносного пламени, как устроитель семейного очага, бог-громовник почитался верховным жрецом; с тем же жреческим характером должны были представляться и сопутствующие ему духи и нимфы. Как обладатели небесных источников, духи эти и нимфы пили «живую воду» и в ней обретали силу поэтического вдохновения, мудрости, пророчества и целений — словом, становились вещими: ведунами и ведьмами. Но те же самые прозвания были приличны и людям, одаренным особенными талантами и сведениями в деле вероучения и культа; таковы служители богов, гадалы, ворожеи, врачи, лекарки и поэты, как хранители мифических сказаний. •

В отдаленную эпоху язычества ведение понималось как чудесный дар, ниспосылаемый человеку свыше; оно по преимуществу заключалось в умении понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы, молить и заклинять ее стихийных деятелей; на всех знаниях, доступных язычнику, лежало религиозное освящение: и древний суд, и медицина, и поэзия — все это принадлежало религии и вместе с нею составляло единое целое. «Волсви и

Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сих пор еще занимаются по деревням и селам врачеваниями. Болезнь рассматривается народом как злой дух, который после очищения огнем и водою покидает свою добычу и спешит удалиться. Народное лечение главнейшим образом основывается на окуривании, обрызгивании и умывании, с произнесением на болезнь страшных заклятий². По общему убеждению, знахари и знахарки заживляют раны, останавливают кровь, выгоняют червей, помогают от укушения змеи и бешеной собаки, вылечивают ушибы, вывихи, переломы костей и всякие другие недуги³; они знают свойства как спасительных, так и вредных (ядовитых) трав и корней, умеют готовить целебные мази и снадобья, почему в церковном уставе Ярослава⁴ наряду с чародейками поставлена зеленица (от зелье — злак, трава, лекарство, озелить — обворожить, околдовать, стар, зелейничество — волшебство)⁵; в областном словаре:

² Записки Авдеев, 134—6, 139; Сахаров, II, 23—24; Малосс и червонорус думы и песни, 99.

⁴ Летописец Переяслав, 43.

⁵ Обл.сл.,70,139.

В травах, по народному поверью, скрывается могучая сила, ведомая только чародеям; травы и цветы могут говорить, но понимать их дано одним знахарям, которым и открывают, на что бывают пригодны и против каких болезней обладают целебными свойствами. Колдуны и ведьмы бродят по полям и лесам, собирают травы, копают корни и потом употребляют их частью на лекарства, частью для иных целей; некоторые зелья помогают им при розыске кладов, другие наделяют их способностью предвидения, третьи необходимы для совершения волшебных чар². Сбор трав и корней главным образом совершается в середине лета, на Ивановскую ночь, когда невидимо зреют в них целебные и ядовитые свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года восстает против этого обычая в следующих выражениях, «...исходят обавнищи, мужи и жены-чаровницы по лугам и по болотам, в пути же и в дубравы, ищущие смертные травы и привета чревоотравного зелиа, на пагубу человечеству и скотом; ту же и дивиа копают корения на потворение и на безумие мужем; сия вся творят с приговоры действием дияволим»³.

² Сахаров, I, 42-44; Москв, 1846, XI—XII, 153.

³ Доп. к Ак. Ист, 1,22.

Лечебные заговоры большей частью произносятся над болящим шепотом, почему глагол шептать получил значение колдовать; шептун — колдун, наговорщик, шептунья или шептуха — колдунья², у южных славян лекарь называется «мумлавец» от мумлати — нашептывать³; в некоторых деревнях на Руси слово «ворожея» употребляется в смысле лекарки, ворожиться — лечиться, приворожа — таинственные заклятия, произносимые знахарями, ворожбит — колдун, знахарь⁴. В народной медицине и волшебных чарах играют значительную роль наузы, узлы, навязки — амулеты. Старинный пропо-

² Обл. сл, 265-8.

³ 0.3., 1853, VIII, иностр. лит., 78.

⁴ Обл. сл., 28, 176. У чехов лечением недугов заведовали *vestci, hovorici, zaklinaci, carodejnici, hadaci* (Громанн, 148–149).

Софийская летопись под 1044 годом рассказывает о Всеславе: «...матери бо родивши его, бе ему на главе знамя язвено — яма на главе его; рекоша волсви матери его: се язвеио, навязжи нань, да носить ё (наузу) до живота своего на себе»². По свидетельству Святославова Изборника, «проклят бо имей надеждж на человека: егда бо ти детищъ болить, то ты чародеищ иштеши и облишьная писания на выа дѣтъмъ налажавши»³.

В вопросах Кирика, обращенных к новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женах, которые приносили больных детей к волхвам, «а не к попови на молитву»⁴. В слове о злых дусех, приписанном святому Кириллу, читаем «...а мы суще истинные христиане прельщены есмы скверными бабами», оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) наузы (наузами) много верные прельщают: начнеть на дети наузы класти, смеривати, плююще на землю, рекше — беса проклинаять, а она его боле призывать творится, дети врачующе» — и несколько ниже: «...а мы ныня хотя мало поболим, или жена, или дятя,

¹ Рукописи гр. Уварова, 112.

² П. С. Р. А, V, 138.

³ Истор. христомат. Буслаева, 274.

⁴ Памят. XII в., 202.

то оставльше Бога — ищем проклятых баб-чародеицъ, наузов и слов прелестных слушаем»¹.

В Азбуковнике, или Алфавите, сказано: «„а бесовска нарицапия толкованы сего ради, понеже мнози от человек приходя щии к волхвам и чародеем, и приемлют от них некая бесовская обояния наюзы и носят их на собе; а иная бесовская имена призываху волхвы и чародеи над ествою и над питием и дают вкушати простой чади, и тем губят душа человеческая; и того ради та зде писаны, да всякому православному христианину яве будет имя волчье, да нехто неведы имя волчье вместо агнеchia при и мет неразумием, мня то агаечье быти»².

Митрополит Фотий в послании своем к новгородцам (1410 г.) дает такое наставление церковным

¹ Москв., 1844, 1, 243 — 5.

² По другим спискам, это место читается так: «..отпадшая же, рекша бесовская имена на обличение волхвом и чародеем зде написахом толковании; повеже чародеи и волхвы, пишущие бесовская имена, дают их простым людям, повелевающе им тая имена носить; иногда же и на ядь какову пишущие или над питием именующие — дают та снелати простой чади. Сего ради зде объявихом имена сатанинская, да никто же от простой чади волчье имя приимет, и вместо света тму удержав, неразумия ради душу свою погубит». «Понеже бо злочестивии волхвы и чародеи в различных их мнимых заговорных молитвах пишут иностранною речью бесовская имена, так о же творят и над питием, шепчюще призывают та злая имена и дают ту ядь и питье болным вкушати, овем же с теми злыми именами наюзы на персех дают носить». — Архив ист.-юр. свед, I, ст. Буслаева, 2; Сахаров, II, 140; Ч. О. И. и Д, 1858, IV, ст. Лавровского, 54.

властям «...учите (прихожан), чтобы басней не слушали, лихих баб не принимали, ни узлов, ни примовленья, ни зелиа, ни вороженья»¹. Но обычай был сильнее этих запретов, и долго еще «мнози от человек, приходя щии к волхвам и чародеям, принимали от них некая бесовская наюзы и носили их на себе»². В рукописных сборниках поучительных слов XVI столетия встречаем упреки: «_немоц волшбою лечат и назы чаровании и бесом требы приносят, и беса, глаголемаго тряско (лихорадку) творят(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дея многи казни от Бога за неправды наши находят; не рече бо Бог лечитися чаровании и наузы, ни в стречу, ни в полаз, ни в чех веровати, то есть поганско дело»³.

Царская окружная грамота 1648 года замечает: «...а иные люди тех чародеев и волхвов и богомерских баб в дом к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование»⁴. Болгарская рукопись

¹ Ак. Арх. экс, 1, 243.

² Щапов, 71; Времен, 1, 38 («Домострой»).

³ Вариант: «...жертву приносить бесом, недуги лечат чарами и наузы, немошного беса, глаголемаго тряско, мнятыя прогоняюще некими ложными писмяны». — Архив ист.-юр. свед., II, 48 — 49.

⁴ Ак. Ист, IV, 35; Описание архива старых дел, 296 — 8. В житие Зосимы и Савватия занесен рассказ о новгородском госте Алексее Курнекове, который обращался к волхвам, испрашивая у них помощи своему болящему сыну «и ничтоже успе». — Щапов, 43.

позднейшего письма осуждает жен, «кои завезуют зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезуют деца малечки» (детей)¹. Знахарям, занимавшимся навязыванием таких амулетов, давались названия наузника² и узольника, как видно из одной рукописи Санкт-Петербургской публичной библиотеки, где признаны достойными отлучения от святого причастия: обавник, чародей, скоморох и узольник³.

Наузы состояли из различных привязок, надеваемых на шею: большею частию это были травы, коренья и иные снадобья (уголь, соль, сера, засушенное крыло летучей мыши, змеиные головки, змеиная или рковая кожа и проч.), которым суеверие приписывало целебную силу от той или другой болезни; смотря по роду немощи, могли меняться и самые снадобья⁴. Иногда, вместо всяких целительных средств, зашивалась в лоскут бумажка с написанным на ней заговором и привешивалась к шейному кресту. У германских племен навязывались на шею, руку или другую часть тела

¹ Архив ист.-юр. свед, II, полов. 2, 41.

² Пам. стар, рус лит-ры, IV, 202. Поучение митрополита Даниила. Обл сл, 125.

³ Архив ист.-юр. свед, II, ст. А. Попова, 37—38.

⁴ Пузин, 162: Эгногр. сб, II, 29. Наузы (чеш. *navusi*, *navasy*; *navasovatí* — колдовать) в употреблении и между другими славянскими племенами. — Зап. мор. офицера, I, 278; О. 3, 1853, VIII, отдел иностр. лит, 86.

руны (тайные письмена) для излечения от болезни и противодействия злему колдовству, и амулеты эти назывались *ligaturae* (в Средние века) и *angehenke*¹.

В христианскую эпоху употребление в наузах ладана (который получил особенно важное значение, потому что возжигается в храмах) до того усилилось, что все привязки стали называться ладанками — даже и тогда, когда в них не было ладану. Ладанки до сих пор играют важную роль в простонародье: отправляясь в дальнюю дорогу, путники надевают их на шею в предохранение от бед и порчи. В XVII веке был приведен в приказную избу и наказан батогами крестьянин Игнашка за то, что имел при себе «корешок невелик, да травки немного завязано в узлишки у (шейного) креста».

Навешивая на себя лекарственные снадобья или клятвенные, заговорные письмена, силою которых прогоняются нечистые духи болезней, предки наши были убеждены, что в этих наузах они обретали предохранительный талисман против сглаза, порчи и влияния демонов и тем самым привязывали, прикрепляли к себе здравие. Подобными же наузами девы судьбы привязывали новорожденным младенцам дары счастья — телесные и душевные совершенства, здоровье, долголетие, жизненные радости и проч.

¹ D.Myth, 1125—6.

Но приведенное нами объяснение далеко не исчерпывает всех поводов и побуждений, какими руководствовались в старину при наложении науз. Речения связывать, делать узлы, опутывать могут служить для указания различных оттенков мысли и, смотря по применению, получают в народных преданиях и обрядах разнообразное значение. В заговорах на неприятельское оружие выражения эти означают то же, что запереть, забить вражеские ружья и тулы, чтоб они не могли вредить ратнику, «„завяжу я, раб Божий, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищаля, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия; и стрельцы бы

176 #

Увидевши первый цвет на огурцах, тыквах, арбузах или дынях, хозяйка перевязывает огудину красною ниткою из пояса и произносит: «Як густо сей поясвязався, щоб так и мои огурочки густо вязались у пупянки в огудини»². Здесь высказывается желание, чтобы не было пустоцвета; цвет, зарождающий плод, называется завязью, и на этом слове создались самый заговор и сопровождающий его обряд. Того, кто сажал в печь свадебный каравай, подвязывают утиральником и сажают на покутье, чтоб каравай не разошелся, не расплылся³.

³ ^гногр.сб, 1,353.

Чтобы ребенок стал скорее ходить, для этого на Руси разрезают ножом промеж его ног те неведомые пути, которые задерживают его ходу¹. Подобных поверий и обрядов много обращается в среде поселян. Относительно болезней и вообще всякого зловредного влияния нечистой силы речение связывать стало употребляться, во-первых, в значении заповедного слова, связывающего мучительных демонов и тем самым подчиняющего их воле заклинателя. Апокрифическое слово о кресте честне (по болгарской рукописи) заставляет Соломона заклинать демонов принести ему третье древо этой формулой: «Завязую вас аз печатаю Господнею»². Припомним, что печать в старину привешивалась на завязанном шнуре³. Тою же формулой действует заговор и против злых колдунов и ведьм: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упирцу (уста и язык) на раба Божия (имярек) зла не мыслити»⁴.

Завязать получило в устах народа такой смысл воспрепятствовать, не допустить: «мини як завязав

¹ Абев., 235.

² Ист. очерк рус слов., 1.490.

³ Печать — эмблема излагаемых уз: запечатать кому уста — все равно что «завязать кому рот», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играет это слово в заговорах на становление крови («запечатать рану»), вследствие сродства его с выражением «кровь или рана запеклась» (см заговор, приведенный г. Булаевым в Архиве ист.-юр. свед, II, пол. 2,40).

⁴ Архив ист.-юр. свед., II, пол. 2,53 — 54.

но» (малоросс) — мне ничто не удастся. Заговорные слова, означавшие победу заклинателя над нечистыми духами болезней и смерти, опутывание их, словно пленников, цепями и узами (по необходимому закону древнейшего развития, когда все воплощалось в наглядный обряд) вызвали действительное завязывание узлов; узлы эта завязывались на теле больного, так как, по древнему воззрению, демон болезни вселялся в самого человека

До сих пор еще наузы нередко состоят из простой нитки или бечевки с узлами; так, от лихорадки носят на руках и ногах повязки из красной шерсти или тесьмы; девять ниток такой шерсти, навязанные на шею ребенка, предохраняют его от скарлатины (краснухи); от глистов употребляют то же навязывание пряжи на детей¹. Красный цвет нити указывает в ней символическое представление молнии,² прогоняющей всякую демонскую силу. В Тверской губернии для охраны стада от зверей вешают на шею передовой³ коровы сумку с каким-то содержимым; сумка эта называется «вязло»³, и значение чары состоит в том, что она связывает пасть дикого зверя.

¹ Иллюстр. 1845, 565; Пузин, 160; Neuses Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громанн, 112: красная повязка оберегает ребенка от порчи.

² Корова, которая ходит впереди стада.

³ Облсл., 34.

Подобным образом болгары думают сберечь свои стада суеверным обрядом, основанным на выражении зашитъ волчьи уши, очи и уста. Вечером баба берет иголку с ниткою и начинает зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчик ее спрашивает: «Что шиешь, бабо?» — «Зашивам, сынко, на влъцы-те уши-те, да не чуют овце-те, козы-те, свине-те и теле-нца-та». Мальчик повторяет свой вопрос и получает ответ: «Зашивам, сынко, на влъцы-те очи-те, да не видят овце-те» и т. д. В третий раз баба говорит: «Зашивам на влъцы-те уста-те, да не едят» овец, коз, свиней и телят»². Во-вторых, науза рассматривалась

2 Черниг. Г. Б., 1861, 6. В Смоленской губернии, выпояня
ют на Юрьев день в поле, читают следующие заклятие: «Глу-
хой, глухой! ни слышишь? – Не слышу! – Когда б дал бог, чтоб
слух не слышал нашего скота. Хромой, хромой! ци дойдешь? –
Не дойду! – Когда б дал бог – не дошел волк до нашего ско-

¹ Иллюстр., 1846, 333; О. 3. 1848, т. LVI, 204. Кто желает добыть шапку-невидимку или неразменный червонец от нечистого, тот, по народному поверью, может выменять у него эти диковинки на черную кошку, но непременно должен обвязать ее сетью или ниткою с узелками, а то беда неминуемая! Сказанное же средство спасает от несчастья, потому что нечистый до тех пор связан в своих злобных действиях, пока не распутает всех узлов. — Ворон. Бес, 192; Сахаров, 155.

В случае вывиха или перелома и у нас и в Германии поселяне отыскивают дерево, которое, разделившись на две ветви, потом снова срослось в один ствол, и в образовавшееся от того отверстие протаскивают больных детей; иногда нарочно раскалывают молодое зеленое дерево (преимущественно дуб) надвое, протаскивают больного сквозь расщепленные

⁴ Beitrage zur D. Myth, 1,247.

Колдун — необходимое лицо на свадьбах, на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всех поезжан от порчи. В Пермской губернии при невесте всегда находится знахарка, а при женихе — знахарь. Этот последний едет впереди свадебного поезда с озабоченным лицом, озираясь по сторонам и нашептывая: по народному объяснению, он борет-

³ ВладимГ.В,1844,49.

ся тогда с нечистою силою, которая следует за новобрачными и строит им козни. Вообще в затруднительных обстоятельствах жизни: нападает ли на сердце кручина, приключится ли в доме покража или другая беда, отгуляет ли лошадь, угрожает ли мщение врага и так далее, — во всех этих случаях крестьяне прибегают к колдунам и колдуньям и просят их помощи и советов¹. Так ведется исстари. По свидетельству «Слова о злых дусех», «когда людям кака-либо казнь найдеть, или от князя пограбление, или в дому пакость, или болезнь, или скоту их погуба, то они текут к волхвом в тех бо себе помощи ищут»².

В Святославовом «Изборнике» замечено: «аште и сн (сон) тя смоутить, к сньноуоумоу сказателю течеш; аште и погоубиши (потеряешь) что, то к влхвоу течеш»³. Колдуны и ведуны тотчас обличают вора и находят потерянную вещь; они обладают способностью проникать в чужие мысли, знают все бывшее, настоящее и грядущее; для них достаточно посмотреть человеку в очи или прислушаться к его голосу, чтобы в ту же минуту овладеть его тайною⁴.

¹ Сахаров, I, 56; И, 17, 107—9; Очерк Арханг. губ. Верещагина, 181—3.

² Сахаров, I, в отделе «Чернокнижие»; Вест. Р. Г. О, 1852, V, смесь, 34; Ж. М. Н. П., 1746, XII, 208.

³ Москв., 1844, I, 244.

⁴ Ист. хрестом Буслаева, 274.

⁵ Иллюстр. 1846, 135.

От глубокой древности и до наших дней их считают призванными совершать гадания, ворожить и давать предвещения. Великий князь Олег обращался к волхвам с вопросом, какая суждена ему смерть, и получил в ответ: «Князь! ты умрешь от любимого коня». Рассказавши о том, как сбылось это предвещение, летописец прибавляет: «Се же дивно есть, от волхования сбывается чародейством»¹. По указанию Краледворской рукописи, Кублай собирал чародеев и те гадали ему, на чью сторону должна склониться победа. Те же вещие дарования нераздельны и с понятием жречества.

Везде, где только были жрецы и яфицы, на них возлагались обязанности творить суд, совершать гадания, предсказывать будущее, произносить заклятия и врачевать недуги; с водворением же христи-

¹ П. С. Р. Л, 1, 16. Гедимину волхв растолковал его чудесное видение. — Вест. Евр, 1821, XVI, 310—1. Напомним и народные поговорки: «Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит», «Бабка надвое сказала!»

² У литовцев, например, жрецы давали прорицания, гадали по крику птиц, лечили болезни, заживляли раны, останавливали кровь, навязывали амулеты и проч.; верховный жрец назывался у них «кривее кривейте» — судья судей. — Ж. М. Н. П., 1844, IV. ст. Боричевск, 15—21. По чешскому преданию, у Крока были три вещие дочери, из которых одна знала силу трав, умела целить болезни и ведала все, о чем вы бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чехов поклоняться богам и приносить им жертвы, а третьей, Любуше, принадлежали суд и управа.

анства некоторые из этих обязанностей были усвоены служителями новой религии. Не останавливаясь на так называемых Божьих судах и заклинательных молитвах, наполняющих старинные служебники, заметим одно, что во все продолжение Средних веков духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частью религиозными обрядами, частью средствами, наследованными от незапамятной старины. Наделяя вещей жен и мужей теми же эпитетами и названиями, какие употреблялись для обозначения облачных духов, присваивая тем и другим тождественные признаки, естественно было породнить и смешать юс за первыми признать стихийные свойства, а последних низвести на землю и поставить в условия человеческой жизни.

Большая часть народных поверий о ведунах и ведьмах представляет такие яркие, знаменательные черты древнейших воззрений на природу, которые не оставляют ни малейшего сомнения, что первоначально они могли относиться только к демонам облачного мира. Таковы поверья:

а) о наслании ведунами и ведьмами грозовых туч, бурных вихрей и града;

¹ D. Myth., 1103; П. С. Р. Л., 181: «~аще кто коли принесяше детищ болен- ли свершен человек, кацем-либо недугом одержим, приходящее в монастырь к слаженному Феодосью — повселеваше сему Двмьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и маслом помазаше и приимаху и(с)целеные приходящие к нему».

б) о скрадывании ими росы, дождей и небесных светил;

с) о их полетах в воздушных пространствах;

д) о сборищах на Лысой горе, неистовых плясках и нечестивых оргиях;

е) о доении ведьмами коров;

ф) о влиянии колдовства на земное плодородие и, наконец,

г) о волшебной силе оборотничества

В Германии ведьмам даются названия: *wettermacherin*, *wetlerhexe*, *nebelhexe*, *sirahlhexe*, *blitzhexe*, *zessenmacherin* (от стар. *zessa* — *sturm*, буря, гроза), что, во-первых, роднит их с валькириями, которые носят на облачных конях и сотрясают на землю росу, во-вторых — сближает их с сербскими вилами, собирательницами облаков, и в-третьих — напоминает греч. *νεφέλη* / *ἑρως*, — один из эпитетов Зевса¹. Славянская «Кормчая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называют чародеев облакопрогонниками²; митрополит Даниил советует налагать запрещение на «глаголемых облакопрогонников и чаровников и паузников и волшебников»³.

¹ D. Myth., 1042 — 3.

² Истор. хрестом Буслаева, 381; Времен, 143.

³ Пам стар, рус лит-ры. IV, 202. В финских рунах колдун называется *Ukon poika* — сын громовника Укко. Учен Зап. Акад. наук, 1852, IV, 514 — 5.

Облака и тучи, содержащие в своих недрах дождь, град и снег, в поэтических сказаниях старины представлялись сосудами, котлами и бочками, в которых изготовлялся и хранился волшебный на-

По немецким актам XVI и XVII столетий, ведьмы собирались около озер и источников, били по воде хлыстами и, когда от летящих брызг поднимался туман, сгущали его в черные тучи; на этих тучах ездили они по воздушным пространствам, направляя их бег в ту сторону, где хотели произвести опустошение. Бросая в колодцы и пруды камни, чародеи могут вызывать грозы, дождин град: поверье, общее германцам с кельтами и финнами. И лоза, и камень — символы молнии. В Греции совершался следующий обряд: когда наступала засуха, Зевсов жрец шел к источнику, посвященному нимфе, творил там жертвоприношение: дубовую веткою касался поверхности вод; думали,

что вследствие этого обряда непременно должны подняться туманы, собраться в облака и напоить землю дождем.

Немецкая сага рассказывает о ведьме, которая из маленького облачка создала большую грозовую тучу и, носясь в ней, словно в воздушном корабле, воздвигла сильную бурю; на ту пору шел по дороге охотник; застигнутый ненастьем, он зарядил свое ружье освященной пулею и выстрелил в самую середину черной тучи, где мрак был сгущен всего больше, и вслед за выстрелом перед ним упала убитая голая женщина; в то же мгновение буря затихла и небо стало проясняться. Сказание это известно и словенцам; смысл его — тот, что облачная жена гибнет от громовой стрелы дикого охотника (Одина).

В Каринтии поселяне стреляют в грозовые тучи, чтобы разогнать злых духов, собирающихся в надземной области держать совет и уготовлять беды. Ветры, сопровождающие полет туч, заставили уподобить эти последние раздувательным мехам. О норвежских чародейках сохранилось предание, что они заключали ветры в мешок (windsack) и завязывали его узлами, а в случае надобности разрешали эти узлы, произнося заклятие: «Wind, ins teufels namen!», и в ту же минуту подымался бур-

¹ Рус Бес 1857, III, 112.

ный вихрь, опустошал землю, волновал море и разбивал корабли.

Норманны и вообще жители северных поморий верили, что колдуны могли продавать ветры морякам, давая им кожаные мешки с волшебными узлами: когда развязывали один узел — начинали дуть тихие и благоприятные ветры, развязывали другой — ветры крепчали, а вслед за разрешением третьего узла — наставала страшная буря. Напомним, что с дующими ветрами фантазия сочетала представление о буйных, неистовых существах, которым удалось вырваться на свободу; в тихое же время они сидят в заключении, окованные и связанные своим владыкою.

Управляя ветрами, колдуны и ведьмы могут не только собирать, сгущать облака, но и прогонять их с небосклона и производить бездождие и засуху, не менее губительные для жатв, как и безвременные ливни и все истребляющий град. В Испании простоллюдины убеждены, что ведьмы как только захо-

¹ D. Myth., 559-560, 606, 1026, 1040-2; Der Ursprung der Myth., 260—1; Библ для Чт, 1842, XI, 56. Фритиоф-сага предлагает следующее свидетельство: сыновья конунга Бели послали за двумя ведьмами, заплатили им деньги и заставили на погибель Фритиофа возбудить морскую бурю. Ведьмы приготовили пары и, взобравшись на утес, вызвали заклинаниями буйные ветры. Море запенилось, за клубилось, и пловцов окружила непроницаемая тьма. — Опыт ист.-филол. трудов Гл. Пед. инстита (1852 г.), 154-9.

То же воззрение на колдовство разделялось и славянскими племенами. По их рассказам, ведуны и ведьмы могут по своему произволу и насылать и отворачать бури, грозы, дожди и град; могут морочить (затуманивать или отводить очи), то есть застилать окрестные места и предметы туманом, и, придавая им обманчивые образы, заставляя человека видеть совсем не то, что есть на самом деле².

В народных сказках колдун и ведьма нередко заступают место дракона или черта и, подобно им, на-

² Киевлян, 1865, 69; Гануш: Дед и Баба, 53; *Zarysy domowe*. III, 150, 166; Москв, 1848, VIII, 71—73; Маяк, XII, 21. На Руси можно услышать рассказы о том, как положили колдуна или ведьму наказывать плетью, а им и горя мало: всем кажется, что плеть бьет по голой спине, а она ударяет по земле или бревну. Мороча людей, колдуны напускают обманчивое наводнение = марево (Н. Р. Ск, V, 16; VI, 21; Чудинск, 24).

192 #

² Поэтому и в народных заклитиях испрашивают защиты «от бабьих зазор, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи, от ведьмы киевской и злой сестры ее — муромской». — Сахаров, 119.

коне. «Пусти, сделай милость!» — «Не пущу!» — «Эй, пусти — не выдержу!» Знахарь приподнял голову и сказал: «Ну, вже ступай, да тилько у той байрак, що за нивою». И вслед за тем град зашумел по байраку¹.

Чехи передают этот рассказ в такой форме: завидя градовую тучу, заклинатель решился отвести ее от засеянных полей на дальние пустынные горы, но из середины тучи раздался голос «Пусти меня! я не в силах сдерживать больше». Заклинатель бросился к соседу своему — судье, выпросил у него позволение провезти груз через его владения, и через несколько минут все судейские поля были побиты градом; прочие же окрестные поля остались нетронутыми.

В бурных, стремительных ветрах поселяне усматривают полет колдуна или ведьмы. По немецкому выражению, колдун ездит на хвосту ветра, как скоро ему понадобится перенестись в дальнюю сторону. Ветер приглашает его: «Selz dich auf meinen schwanz!»³ На Руси существует поверье, что на Благовещение, когда повеет весна, черти проветривают колдунов и с этою целью поднимают их на воздух и держат головами вниз⁴. От малорусов можно услы-

¹ Кулиш, II, 40; М, 1846, XI—XII; критика, 153—4.

² Громанн, 34—35: по другому варианту, колдун велит граду спуститься на поля нечистой бабы.

³ Die Gotterwell, 98; Beitrage zur D. Myth., II, 362.

⁴ Сахаров, I, 52.

шать следующее предание: работал мужик в поле, глядь — прямо на него летит вихрь, мужик выхватил из-за пояса секиру и бросил в самую средину вертящегося столба пыли. Вихрь понесся дальше и увлек за собою топор, вонзившийся в него, словно в дерево. Вскоре случилось этому мужику остановиться на ночлег в одной деревушке; было поздно, когда он вошел в хату, в которой еще светился огонь. В хате лежал больной, и на вопрос прищельца домашние сказали: «То наш батька скалечил себя секирою!» Располагаясь спать, мркий ненароком заглянул под лавку и увидел там свой собственный топор; тотчас узнал он, что ранил колдуна, и в страхе, чтобы не попасться ему на глаза, поспешил из хаты вон¹.

Таким образом, колдун, увлекаемый буйным ветром, подвергается удару топора — точно так же, как в вышеприведенной саге выстрел охотника поражает ведьму, несущуюся в бурной туче. О крутящемся вихре крестьяне наши думают, что это вертится нечистый дух, что это — свадебная пляска, которой предается он вместе с ведьмою; чехи о том же явлении выражаются: *babu saujou*, то есть ведьмы чаруют, поднимают вихрь. Чтобы напугать путников, ведьма нередко превращается пыльным столбом и мчится к ним навстречу с неудержимою быстротою.

¹ Lud Ukrain, II, 100.

По народному поверью, если в столб пыли, поднятый вихрем, бросить острый нож, то можно поранить черта или ведьму и нож упадет на землю весь окровавленный. Канцлер Радзивилл, описывая в своих мемуарах страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждает, что ее произвели ведьмы: так глубоко проникли в народное убеждение заветы старины, что и самые образованные люди XVII века не теряли к ним доверия. Отсюда становится понятною примета, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправлении рыбаков в море; особенно стараются, чтобы она не видела, как забирают и кладут в лодку рыболовные и мореходные снасти, не то ожидай большой беды¹.

Примета эта возникла из боязни морской бури, которую может наслать тайная колдунья, если только сведает про отъезд рыбаков. Желая произвести засуху, ведьма — как скоро покажется дождевая туча — машет на нее своим передником, и туча удаляется с горизонта². С помощью «громовых

¹ Иллюстр, 1846, 332; Полтав. Г. В, 1844, 20; Громанн, 35; Beitrage zur D. Myth, I, 226; D. Myth, 599; Киевлян, 1365, 69: когда ведьма летит, должно воткнуть в землю нож, освященный на Светлое Христово Воскресенье, и она непременно опустится наземь.

² О.З., 1856, XI, ст. Солов, 10.

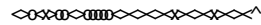
³ Совр., 1852.1, смесь, 122.

⁴ Ворон. Бес, 193.

стрелок» чародейки могут низводить с неба молнии, зажигать дома и поражать людей; словенские вештицы, подобно вилам, владеют губительными стрелами.

Б Малороссии рассказывают, что ведьмы скрадывают с неба дождь и росу, унося их в завязанных кринках или мешках (в облачных сосудах и мехах) и запрятывая в своих хатах и коморах (кладовых). В старые годы похитила ведьма дождь, и во все лето не упало его ни единой капли. Раз она ушла в поле, а дома оставила наймичку и строго наказала ей не дотрагиваться до горшка, что стоял под покутом. Мучимая любопытством, наймичка достала горшок, развязала его, смотрит — внутри не видать ничего, только слышится исходящий оттуда неведомый голос: «Вот будет дождь! вот будет дождь!» Испуганная наймичка выскочила в сени, а дождь рке льется словно из ведра! Скоро прибежала хозяйка, бросилась к горшку, накрыла его — и дождь перестал; после того принялась бранить наймичку. «Если б еще немного оставался горшок непокрытым, — сказала она, — то затопило бы всю Деревню». Рассказ этот передается и с некоторыми отменами: ведьма запретила наймичке входить в одну из своих кладовых, где стояли завязанные кадки; та нарушила запрет, развязала кадки и на-

¹ Мор. сб., 1856, XIV, ст. Чужбинск, 64; Lud Ukrairi, II, 82.

шла в них жаб, ужей, лягушек и других гадов; гады подняли страшный гам и расплозились в разные стороны. И что же? То было ясно, тихо, безоблачно, а тут откуда что взялось — понадвинулась черная-черная туча, подули ветры и полился дождь. Ведьма поскорей домой, посбирала гадин, сложила в кадки, завязала, и только это сделала, как дождь перестал идти.

Принимая дождевые облака за небесные источники, озера и реки, фантазия древнего человека населила их теми же гадами, какие обитают в водах низменного мира: жабами, лягушками и ужами. Если припомним, что сверкающие в тучах молнии уподоблялись змеям и ужам, что самые тучи олицетворялись демоническими змеями (гидрами, драконами) и что исстари представления эти были распространяемы и на других водяных гадов, то для нас будет понятно, почему змеи, рки, лягушки и жабы признаны были созданием нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а их шипенье и кваканье — знамением небесных громов.

Рядом с баснями о гаде-господарике (домовом мзее) удержалось у чехов верование в домовика-лягушку, кваканье которой служит предвестием дождя. По свидетельству народных легенд, адские колодцы, то есть собственно грозные тучи, наполнены змеями, жабами и лягушками; и поныне чехи убеждены, что лягушки падают с неба вместе с дождевыми

ми ливнями¹. Потому-то колдуны и ведьмы и стараются окружать себя всеми исчисленными гадами и пользуются ими как необходимыми орудиями при совершении своих чар. Баба-яга и ведьмы варят в котлах или поджаривают на огне (то есть в грозном пламени) жаб, змей и ящериц, готовят из них волшебные составы и сами питаются их мясом; они нарочно приходят к источникам, скликают гадов и кормят их творогом².

В Германии ведьм обзывают: *inhitzige krotensack!*. Во время ведовских сборищ одна из чародеек обязана сторожить жаб³. И в немецких, и в славянских землях запрещается прясть на рождественские Святки, не то ведьмы напустят в дом жаб, мышей и крыс⁴, — поверье, в основе которого таится мысль, что вслед за изготовлением небесной пряжи (облаков и туманов) зарождаются мифические гады и должна последовать гроза; крысы и мыши являются воплощениями молнии.

В бурных грозах древние племена узнавали битвы облачных духов, и потому как валькирии и вилы помогают сражающимся героям, а ведогони одной страны воюют с ведогонями соседних земель, так и ведьмы (по малорусскому сказанию) слетаются на

¹ *Beitrage zur D. Myth*, II, 463; Громанн, 82.

² *Skult. a Dobsinsky*, 1, 39—42; *Lud Ukrain*, II, 85.

³ *D. Myth*, 1025.

⁴ Ч.О.И.иА, 1865, III, 201.

границе и сражаются одни против других. Вооруженные небольшими мечами, они наносят друг другу удары и при этом приговаривают: «Що втну, то не перегну!» — чтобы удары меча не были смертельными.

Таким образом, ведьмы после каждого поражения восстают снова к битве, подобно воюющим героям валгаллы, которые если и падают бездыханными трупами, то всякий раз воскресают на новые подвиги. В ночь накануне Духова дня ведьмы воруют деревянные мёчики, которыми поселанки трут конопли, затыкают их за пояс и, слетаясь на Лысую гору или пограничные места, рубятся ими как саблями¹. Отсюда объясняется галицкая поговорка: «Коли місяць в серп (то есть ночью, во время новолуния), то чаровниці jпАуп> на гряниці»². Ведьмы не остаются равнодушными и к народным битвам; помогая той стороне, которая прибегла к их чародейной помощи, они напускают на вражескую рать сокрушительные вихри и вьюги. Таково скандинавское предание о Торгерде и Ирне.

Хроника святого Бертина повествует, что Рихильда перед битвою с Робертом взяла горсть пыли и, творя заклятие, бросила ее на воздух по направлению к неприятелю, но пыль упала на голову чаровницы в знак ее собственной гибели. В другой хрони-

¹ Рус. Бес, 1856, III, ст. Максимовича, 90.

² Номис, 4.

ке рассказывается, как некая волшебница, взойдя на зубчатые стены осажденного замка, вызвала своими заклинаниями дождь и бурю и тем самым заставила врагов удалиться из занятой ими области. Подобное предание встречается и у нас

В XVI веке ходила молва, что во время осады Казани (в 1552 г.) татарские колдуны и колдуньи, стоя на городских стенах, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйные ветры и проливные дожди: «...егда солнце начнет восходить, взйдут на град, всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящиеся неблагочинне. Тогда абие востанет ветер и сочииятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такой дождь, и сухие места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над войском, а по сторонам несть»².

Своим заповедным словом колдуны и ведьмы могут давать бранному оружию победоносную силу и неизменную меткость и, наоборот, могут заговаривать его так, что удары и выстрелы его делаются совершенно безвредными; первоначальный смысл этого поверья был тот, что колдуны и ведьмы, возбуждая грозы, посылают разящие молнии, а похищая

¹ D. Myth, 1041.

² Сказания кн. Курбского (изд. 2-е), 27.

Послушные волшебным чарам, тучи сгущаются, закрывают небесные светила и претворяют ясный день в темную ночь. Отсюда возникло убеждение, что ведуны и ведьмы скрадывают солнце, луну и звезды, что их шумные сборища и воздушные полеты происходят обыкновенно по ночам. О ночных поездах ведьм уже свидетельствует Эдда. Злые чародейки, родственные великанкам и дивоженам, называются на Севере *queldridha* (*abendreiterin*) и *myrkridha* (*dunkelreiterin*)³. По русскому и сербскому поверьям, ведьмы летают ночью по воздуху и блестят яркими огоньками, то есть сверкают молниями⁴; особенно любят они носиться в надземных пространствах в непроглядные осенние ночи⁵. Точно так же в ночную пору совершаются и бурно-стремительные поезда дикой охоты или неистового воинства Одина.

Соккрытие небесных светил тучами и астрономические затмения солнца и луны принимались нашими предками за явления тождественные и равно приписывались вражескому нападению демона-

¹ Zarysy domowe, III, 168

² D. Myth., 1006.

³ «Кал Вјенграца лети нопу, она се снја као ватра».

⁴ Срп. р^лечник, 66; *Zarysy domowe*, III, 135; Полтав. Г В, 1844,20.

змея или влиянию злого чародейства. Такое убеждение разделяли все индоевропейские народы. Во время затмений напуганные жители собирались толпами, били в металлические сосуды и заставляли лаять собак; делалось это с двоякою целью: во-первых, чтобы напугать нечистую силу и, во-вторых, чтобы чародейные заклятия, заглушаемые звоном и лаем, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающим там светилам¹. Звон — старинная метафора грома, а собачий лай — завывания бурных ветров; с тем и другим народная фантазия соединила понятие о спасительном средстве, разгоняющем демонов мрака (темные тучи). Наравне с нечистыми духами ведуны и ведьмы боятся собак и не терпят колокольного звона.

Древние греки затмения солнца и луны объясняли похищением их с неба; волшебницы низводили небесные светила на землю и гасили их божественное пламя. В таком похищении преимущественно были подозреваемы фессалийские колдуньи. В «Облаках» Аристофана Стренсиад, объясняя Сократу придуманное им средство не платить долгов, советует ему обзавестись фессалийскою колдуньей: она спрячет луну в коробку, и тогда можно продолжить месячный срок на сколько угодно. У славян верование это и доныне удерживается

¹ 0.3, 1842, VI, 49; Ж.М.Н. II, 1839, III, 309—314.

между поселянами. Болгары во время лунного затмения стараются выстрелами из ружей и пистолетов прогнать ведьм (магесниц), которые, по их мнению, захватили луну и омрачили ее светлый лик¹.

На Руси есть поверье, что ведьмы, скрадывая с неба месяц и звезды, складывают их в горшки и кувшины и прячут в глубоких погребках или опускают в криницы, то есть скрывают (погребают, хоронят) их за дождевыми тучами. Случится ли затмение или густые облака неожиданно заволокут небесные светила, поселяне с наивно-детским, но твердым убеждением обвиняют в похищении их колдунов, ведьм и злых духов, которым во мраке удобнее творить безбожные дела и уловлять в свои сети христиан.

О падающих звездах в Малороссии говорят, что их уносит ведьма и прячет в кувшины. С особенною ревностью занимаются ведьмы скрадыванием месяца и звезд на праздники Коляды и Купал, когда бывают главные ведовские сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу². Было село (рассказывают в Черниговской губернии), в котором проживало до тысячи ведьм, то и

¹ Ж. М. Н. П., 1846, XII, 208.

² Сахаров, II, 3, 70; Рус простонар. праздники, I, 175; Маяк., XIII, 49—58; Lud Ukrain., II, 81; Эгногр. сб., V, библиогр. указ., 8—9; VI, 117.

дело крали они святые звезды и до того довели небо, что «ничим було свитить нашому гришному миру». Тогда Бог послал святого Андрея (замена Перуна), который ударил своею палицею — и все ведовское село провалилось сквозь землю, а на его месте стало болото, то есть удар громовой палицы разбил облачные обиталища ведьм и отверз дождевые источники.

Скандинавскую колдунью El (proclla) называли solar bol — solis pernicies, из чего видно, что в ее обрзе олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свет¹. У нас сохранилось следующее причитанье:

*Красная девица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корки вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее колдунью,
Чур ее ведунью!*

Здесь ведьма, подобно змею и великанам, представляется съедающею солнце, то есть, погружая это

¹ D. Myth., 1043.

² O.3., 1842, VI, 52—53; сравни малорус песни, изд Максимова, 1827, 42.

светило в тучи, она тем самым, в качестве облачной жены, принимает его в свои собственные недра, проглатывает его. В Калевале чародейка Лоухи силою волшебных песен (с помощью диких напевов бури) похищает солнце и месяц и заключает их в медную скалу, то есть в облачные горы, отчего и наступает всеобщая тьма¹.

Распоряжаясь стихийными явлениями природы, двигаясь вместе с грозовыми тучами, ведуны и ведьмы могут переноситься с места на место с быстротою крылатого ветра. Представление колдовства везде неразлучно с полетами и поемами по воздуху, через горы и долины. Обычными орудиями воздушных полетов колдунов и ведьм, по немецким, литовским и славянским рассказам, служат: метла (помело, веник), кочерга, ухват, лопата, грабли и просто палка (костыль) или прут; немцы называют ведьму *gabelreiterin*, *besenreiterin*; чешское изречение «*stare baby na pometlo!*» указывает на полеты старых ведьм на печном венике³.

Верхом на метле или граблях ведьма летает по поднебесью, это не более как поэтическая картина

¹ Эманн, 55.

² Кулиш, II, 38-39; Москв., 1846, XI—XII, 149; Киев. Г. В., 1845, 13.

³ D. Myth., 1001, 1024, 1037-8; *Zarysy domowe*, III, 146; Эгнор. сб, V, стат. о кошубах, 96; *Slov. pohad*, 498—500; Штир. № 3.

ветра, несущего на своих крыльях облачную жену-чародейку. Вир представлялся помелом, потому что метет туманы и тучи и расчищает небо, представлялся граблями, потому что скучивает облака, то есть сгребает их в густые, темные массы: образы, взятые из быта земледельческого народа.

В числе различных мифических представлений молнии она, как мы знаем, уподоблялась карающей палке, лозе или пруту; самая же туча, сверкающая молниями, рисовалась воображению младенческих племен небесною печью, очагом, на котором высочайший владыка огня и верховный жрец (бог-громовник) возжигает свое чистое пламя; вместе с этим громовая палица получила значение кухонного орудия:

а) кочерги, которою мешается жар и разбиваются горящие головни,

б) ухвата и лопаты, с помощью которых сажаются в печь приготовленные яства

В областных говорах кочерга называется «ожог» (ожиг), а печная лопата — «пекло». Вот почему о ведьмах, ночной полет которых сопровождается блестящими огоньками — молниями, народные предания утверждают, что они, садясь на кочергу, ухват, лопату или веник, вылетают в дымовую трубу, следовательно, тем же путем, каким являются ог-

¹ Облсл, 139, 154.

Мифическое представление разящих молний пучком прутьев (*ruthenbiindel*) слилось воедино с сейчас указанным представлением вихря чародейным помелом или веником; в немецких сказаниях веник этот получил характеристическое название *donnerbesen*. По белорусскому преданию, Баба-яга погоняет воздушные силы огненною метлою. У лужичан в ночь главного ведовского сборища (*Walpurgisnacht*) есть обычай бегать по полям с зажженными вениками, что называется: *kuzlarnscje palic* (жечь ведьм)³. Ударяя метлами и вениками по источникам (дождевым тучам) и рассыпая по воздуху брызги воды, ведьмы производят дожди, град и бурю; разъезжая на вениках во время шумных гроз, они начисто выметают небо от потемняющих его туч. В разных местностях России, когда находит дождевая или градовая туча, крестьяне, желая отвести ее от своих зреющих нив, выбрасывают из хаты сковороду (звон сковороды, тазов и прочих металлических сосудов — эмблема грома) и помело, лопату или кочергу⁴. В основе этого суеверного

Чернит. Г. В., 1855, 21; Рус Бес, 1856, III, 85; Вест. Евр, 1830, XV—XVI, 275; Номис, 263, 282.

Желая предаться воздушному полету, ведьмы, по немецкому поверью, готовят волшебную мазь, которою и намазывают себе ноги и плечи: ноги — как орудия движения, скорого бега и плечи — как начало рук, заменяющих собою крылья¹. По русскому поверью, у ведьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вместе с пеплом купальского костра; когда она захочет лететь, то обрызгивает себя этою водою — и тотчас подымается на воздух и мчится, куда только вздумает. С тою же целью ведьма старается добыть траву ти(е)рлич, корень ее варит в горшке и приготовленным снадобьем мажет у себя под мышками и коленками и затем с быстротою молнии уносится в трубу.

² Иллюстр, 1845, 415; *Lud Ukrain*, И, 86—87; Кулиш, II, 38; Сахаров, 143; Иличъ, 291.

seiclh (sieden — кипеть, варить)¹ переходит в значение колдовства: sedhmadhr — колдун, scidhkona, seydhkona — вещая жена, умеющая варить целебные лекарства.

Согласно с метафорическим названием дождя опьяняющим напитком (вином, медом пивом), в собирающихся парах и туманах древние племена усматривали варку небесного пива, совершаемую грозowymi духами и нимфами. Когда перед дождем парит, то есть наступает удушливый жар, в Германии выражаются: «Swerge, wichte, unlerirdische (мифические карлы) Ъгаиен» ИЛИ «Die bergmutter (облачная жена) kocht wasser»; о Брокене, куда обыкновенно слетаются ведьмы отправлять свои шумные празднества, говорят: «Der Brocken braul», как скоро поднявшаяся мгла покроет его вершину туманною шапкою (nebellkarpe).

Ведьмы варят в котлах ядовитые травы и корни и распускают по всему небесному своду клубящиеся пары; на древнесеверном наречии туман называется kerlinga vella (hexengebrau); старинные законодательные памятники указывают на бранное выражение: hexenkesseltrager². Русские ведьмы и Баба-яга носятся по воздуху в железной ступе (котле-туче), погоняя пестом или клюкою

¹ «Seydhr Oder saudhr — dichterisch ein name des siedenden. kochenden feucrs».

² D. Myth., 988,998,1043; Die Gotterwelt, 92.

(громовой палицею) и замата след помелом, причем земля стонет, ветры свищут, а нечистые духи издают дикие вопли; когда они собираются на Лысой горе, там горят огни яркие и кипят котлы кипучие. Таким образом, кипят на грозовом пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, ведьмы совершают свои воздушные полеты и посылают на поля и леса разрушительные бури, с градом, ливнями и вьюгою.

Ведуны и ведьмы обладают и другими баснословными диковинками, слрквившими некогда для поэтического обозначения летучего облака: по свидетельству сказок, они хранят у себя живую и мертвую воду, летают на коврах-самолетах и обуваются в сапоги-скороходы. Немецкие саги утверждают, будто бы черт окутывает ведьму в свой плащ (облачный покров) и носит ее по воздушным пространствам, почему и дается ей прозвание mantelfahrerin³.

Сербская вещица, приготавливаясь лететь, мажет себе под мышками чародейною мазью и восклицает: «Ни о трн, ни о грм, вей на пометно гумно!»³. Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно налететь на терновый куст или дубовое дерево и ушибиться) соответствует нашему эпическому выражению «выше лесу стоячего, ниже облака ходя-

¹ Мор. сб. 1856, XIV, 64; Zarysy domowe, 111, 146.

² D. Myth, 1024,1035.

³ Спн. пјеиННК, 66.

чего» и заклятиям, с какими начинают свой полет немецкие ведьмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!», «fahr hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!». Преследуя сказочных героев, ведьма творит заклятие: «vor mir tag, hinter mir nachtl», то есть, помрачая небо темною тучею, она освещает перед собою путь блестящими молниями¹. По скандинавскому преданию, колдун берет козью шкуру (метафора облака), обвивает ее около головы и произносит: «Es werde nebel und werde zauber und alien wunder, dir hinter die suchen!»

Об индийских колдуньях известно, что воздушному их полету предшествовало произнесение заговора. Каларатри, сотворив волшебное заклинание, поднялась с своими ученицами с крыши коровника и полетела облачною дорогою (auf dem wolkenpfad). Одному человеку посчастливилось подслушать ее вещице слова; он вздумал повторить их и тотчас же последовал за чародейкою — точно так же, как в немецком, сербском и русском сказаниях люди, которым удавалось подслушать заклятие, произносимое ведьмою при ее отлете, и воспользоваться ее волшебным снадобьем, летали вслед за нею на места ведовских сборищ².

Как властелины вихрей, колдуны и ведьмы могут насылать на своих ненавистников и соперников

¹ Сравни в сборн. Гальтриха, № 34.

² D. Myth, 1037.

порчи по ветру, подымать их на воздух и кружить там со страшною, ничем не удержимою быстротою. Так, существует рассказ, что один колдун, из ревности к молодому парню, заставил его целые месяцы носиться в стремительном вихре. Неведомая сила подхватила его на воздух, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодом и жаждою, летел он, сам не ведая куда; отчаянные жалобы его не достигали до людей, никто не видал его жгучих слез, несчастный иссох до костей и не чаял себе спасения. Когда наконец буйный вихрь оставил его, парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему врагу, он отыскал хитрую колдунью и прибегнул к ее помощи. Чародейка запалила в печи зелье — и среди ясного, безоблачного дня вдруг завыл ветер, схватил колдуна и понес его высоко над землею; с той поры кружился он по воздуху в неистовой пляске, а за ним носились стаи крикливых ворон и галок¹.

Когда ведьма пожелает призвать кого-нибудь из дальней стороны, она варит корень терлича, и как только вода закипит — в ту же минуту призываемый «зниметця и полетит як птах»; в своем воздушном полете он томится жаждою и непрерывно повторяет возглас: «Пить, пить!» Чаще всего чародейки пользуются этим средством для призыва своих возлюбленных; заваривая зелье, они приговарива-

¹ Пов. и пред, 76—80.

ют: «Терлич, терлич! мою милого прикличь». Чем сильнее закипает снадобье, тем выше и быстрее он несется; «а як дуже зилля кинить (говорят малорусы) — милий поверх дерева летить; а як не дуже — о половине дерева» — и в этом последнем случае легко может налететь на древесный ствол и ушибиться до смерти¹.

В одной песне девица жалуется, что ее милый далеко, за крутою горою, и по совету матери решается на чару:

*Ураниц (корень) копала,
А в обиди варила,
Козаченька манила;
А ще «розмай» не вкипив,
А вже милий прилетив.
«Ой, що ж тебе принесло —
Чи човничок, чи весло?»
Ни човничок, ни весло,
А дивоче ремесло!»*

Тот, чьи волосы попадутся ведьме, и она запалит их на огне, с произнесением заклятия, также немедленно подымается на воздух и прилетает на ее зов².

Заправляя полетами туч и вихрей, ведуны и ведьмы должны были стать в самые близкие отношения

¹ Кулиш, II, 39; Номис, 5.

² Черниг. Г. В, 1861, 36; Нар. белорус песни Е. П., 32.

³ Lud Ukrain., II, 107—8.

к их мифическим воплощениям в образе различных животных. Если припомним, что темные тучи представлялись небесными волками, а молнии — огненными змеями, то для нас совершенно объяснится то старонемецкое предание, по свидетельству которого ведьмы вечером и ночью ездят по воздуху на оседланных волках, взнуздывая и погоняя их змеями.

По указанию Эдды, на волке, взнузданном змеею, ездила великанка. Шведская песня упоминает о поездках ведьм на медведе; народные же поверья, донные живущие в устах поселян в Германии, утверждают, что колдуны ездят на волках, а колдуньи — на кошках и козлах. Нередко в виде козла является к услугам ведьмы дьявол, на которого она тотчас же садится ^ — и пускается в воздушное странствование. Все эти звери — древнейшие олицетворения грозных облаков. Самые боги и богини, царствующие в воздушных сферах, разъезжали на тех же зверях: так, Фрея носилась во мраке ночи на блистающем щетиною борове или в колеснице, запряженной кошками, сестра ее Hyndla — на волке, а Тор — на козлах¹.

На Руси рассказывают о поездках колдунов на волках². На старой лубочной картине Баба-яга изоб-

¹ D. Myth., 305, 997, 1006—9, 1024; Die Gotterwelt, 277; Симрок, 281.

² Маяк., 1845, XXIII, смесь. 117. В актах XVII столетия встречаем любопытное обвинение, возведенное на одного попа, будто он ездил на медведе (Опис города Шуи, 314).

ражена едущею верхом на свинье¹; в песенный сборник Колляра² занесено следующее причитанье:

*Cemoknaznjk letj
W ohniwem oBІаки,
Sediaci na draku.
Beda tomu lesu.
Kde ho krjdlа nesu;
Beda tomu mestu,
Kadiel wezme cestui*

В сербской сказке колдунья берет трехглавую змею вместо кнута, садится в повозку, хлопает змеей и отправляется в дорогу: предание, напоминающее нам волшебницу Медею, которая улетела на колеснице, запряженной драконами, Деметру, которая снарядила в путь Триптолема и дала ему подобную же колесницу³. Колдунам и ведьмам приписывается умение разводить (плодить) драконов и укрощать их бешеную ярость⁴. Не менее важно для

¹ Изв. Имп. археол. об-ва, т. III.

² Nar. zpiewanky, 1,13.

³ Матер, для изучен, нар. слов, 35, 49; Мифы клас древности, I, 205; Griech. Myth, Преллера, I, 604: Триптолем был послан Деметрою «auf einem geflügelten Schlangenwagen in alle Welt, um den in Eleusis gestifteten Segen unter alien Volkern und Menschen zu verbreiten».

* Фин. вест, 1846, X, 47; Песни разн. нар. в переводе Берга, 503-7.

истории народных верований свидетельство сербской песни, в которой рассказывается о девице-чародейке:

*Она оде у зелену баисчу,
Јелен-рогом шорца оседлала,
А(ь)утом заје змицом заузда,ла,
Још га л(ь)уБ.ом змицом ошибууе,
Сама иде пред цареву войску;
Једну войску буздованом бије.
Кругу войску бритком сабл(ь)ом сече.
Трефру войску на воду натера¹.*

О вилах рассказывают, что они ездят на оленях, взнузданных и погоняемых змеями. Выше было указано, что грозовые облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эдда говорит о воздушных поездах ведьм на быстроногих конях; то же подтверждается и народными поверьями. Кони эти являются перед ними мгновенно, словно из земли вырастая; самая дубинка, на которой летает ведьма, нередко превращается под нею в волшебного коня.

По русскому поверью, ведьмы во время купальского сборища приезжают на Лысую гору не толь-

¹ Перевод: «Пошла она в зеленый сад, оседлала коня оленьим рогом, заузда его лютым змеем, еще лютейшим змеем погоняет...»

² Срп. н. пт'есме, 1,160.

По мнению русского простонародья, волчье сердце, когти черной кошки и змеи составляют необходимую принадлежность чародейных составов, приготовляемых колдунами и ведьмами. Обычное в народной поэзии олицетворение облаков и ветров

² D. Myth, 1014.

Колдуны обыкновенно представляются стариками с длинными седыми бородами и сверкающими взорами; о ведьмах же рассказывают, что это или безобразные старухи незапамятных лет, или молодые красавицы. То же думают немцы о своих hexen². Такое мнение, с одной стороны, согласуется с действи-

² Сахаров, II, 62—63; Рус предан, II, 103—111; D. Myth, 992. «Старая ведьма» — одно из наиболее употребительных в нашем народе бранных выражений.

тельным бытом младенческих племен, ибо в древности все высшее, священное «ведение» хранили старейшие в родах и семьях, а с другой стороны — совпадает с мифическим представлением стихийных сил природы.

Облака и тучи (как не раз было указано) рисовались воображению наших предков и в мркском олицетворении бородатых демонов, и в женских образах — то юных, прекрасных и полногрудых нимф, несущих земле дожди и плодородие, то старых, вражеских баб, веющих стужей и опустошительными бурями. В ночную пору ведьмы распускают по плечам свои косы и, раздевшись догола, накидывают на себя длинные белые и неподпоясанные сорочки (или саваны), затем садятся на метлы, заваривают в горшках волшебное зелье и, вместе с клубящимися парами, улетают в дымовые трубы творить порчи и злые дела или гулять на Лысой горе¹.

По рассказам поселян, когда ведьма собирает росу, доит чужих коров или делает в полях заломы, она всегда бывает в белой сорочке и с распущенными волосами. Своими развевающимися косами

¹ Киев. Г. В., 1845, 13; *Lud Ukrain.*, II, 80; Иличь, 292; D. Myth, 1007. Болгары уверяют, что ведьмы «ходят ночью по рекам раздетые догола и созывают злых духов для совещаний с ними. — Ж. М. Н. П., 1846, XII, 208.

² В заговоре заклиняется баба-ведунья, девка простоволосая. — Сахаров, 118.

и белыми сорочками (поэтические обозначения облачных прядей и покровов) ведьмы сближаются с русалками, вилами и эльфами; наравне с этими мифическими существами они признаются за небесных прях, изготавливающих облачные ткани. В числе различных названий, даваемых немцами ведьмам, встречаем *feldfrau*, *feldspinnerin*; в Южной Германии рассказывают о ведьмах, что они прядут туманы; народное выражение «*die alien weiber schitteln ihren rock aus*», употребляемое в смысле «снег идет»¹, вполне соответствует вышеобъясненному выражению о Гольде, вытрясающей свою перину.

По белорусскому поверью, ведьма, обвиваясь с ног до головы выпряденною из кудели ниткою, делается невидимкою², то есть облекается в туманную одежду (надевает шапку-невидимку, *nebelkarpe*). И ведуны, и ведьмы любят превращаться в клубок пряжи и в этом виде с неувимой быстротою катаются по дворам и дорогам Иногда случается, вдруг раздастся на конюшне страшный топот, лошади начинают беситься и рваться с привязи, и все оттого, что по стойлам и яслям катается клубок-оборотень, который так же внезапно появляется, как и пропадает³.

¹ D. Myth, 1042.

² Пантеон, 1854, VI, ст. Шпилевского.

³ Москв, 1844, XII, 37.

В славянских сказках ведьма или Баба-яга дает странствующему герою клубок; кинутый наземь, клубок этот катится впереди странника и указывает ему дорогу в далекое, неведомое царство¹. Малорусы обвиняют ведьм в покраже тех снарядов, которыми трут лен². По рассказам чехов, ведьмы ездят по воздуху на прялках (kuzly), а по рассказам словенцев, на ткацких «вратилах»³, или катушках, на которые навивается полотно и пряжа. Кроме того, народные предания изображают ведьм небесными прачками. В Баварии уцелели саги, по свидетельству которых ведьмы в лунные ночи белят свои прекрасные холсты, а после дождей развешивают на светлых облаках и просушивают свое белье. У французов существует поверье, что в глухую полночь возле уединенных источников, под сенью развесистых ив, раздаются громкие и частые удары вальков мифических прачек; водяные брызги поднимаются до самых облаков и производят дожди и бурные грозы. Подобно тому и немецкие ведьмы во время своих праздничных сборищ ударяют скалками и трепалами⁴, а русские

¹ Глинск, ГУ, 42: klebekwskazidrozek; то же указание находим и в немецкой сказке — сб. Гримм, I, с 285.

² Накануне Пасхи финны ставят около хлебов серпы против летучих волшебниц, которые собирают тогда шерсть (волну) и уносят ее на высокую гору. — Вест. Евр, 1828, XIII, 9—10.

³ D. Myth, 1038; Иличь, 289.

⁴ Трепало — орудие, служащее для очистки льна от кострики.

вещицы представляются в Томской губернии моющими белье. Эти черты приписываются ведьмам наравне с другими облачными женами. Так, литовские лаумы, сходясь поздним вечером в четверг (день громовника), колотят вальками белье, и притом с такою силою, что их оглушительный стук доносится до самых отдаленных окрестностей. Галицкие и польские лисунки (дивожены) занимаются стиркою белья и вместо вальков употребляют свои большие, отвислые груди.

В некоторых местностях Германии, когда послышится гром, крестьяне говорят: «Unsere Herrgott mangelt»¹. По их мнению, в ясный, солнечный день, наступающий вслед за продолжительными дождями, Гольда просушивает свои покрывала. В Лужицах же существует поверье: когда woclna zona расстилает по берегу вымытое белье, то следует ожидать дождливой погоды и поднятия вод в реках и источниках².

Уподобляя облака одеждам, сорочкам, тканям, фантазия древнего человека стала изображать грозу в поэтической картине стирки белья: небесные прачки (ведьмы) бьют громовыми вальками и полощут в

¹ В Этногр. сб, III, 90, приведен рассказ о ведьме, которая убивала людей, ударяя своими грудями.

² Mangelt — катать на катке.

³ Der heut. Volksglaube, 104; Совр, 1852, I, 78; Этногр. сб, VI, 148; Volkslieder der Wenden, II, 267.

¹ Венгерские ведьмы летают на *korasz teto* (лысая макушка, вершина горы).

⁵ D. Myth, 1003-5; Гануш. 178; Ковенос губ, 575.

Полеты ведьм на Лысую гору обыкновенно совершаются в темные, бурные грозовые ночи, известные в народе под именем «воробьиные»; но главные сборища их на этой горе бывают три раза в год: на Коляду, при встрече весны и в ночь на Ивана Купалу. В эти праздники крестьяне с особенною заботливостью стараются оберегать своих лошадей, чтобы ведьмы и нечистые духи не захватили и не измучили их в быстром поезде. Время ведовских сборищ, совпадая с началом весны и с двумя солнечными поворотами, наводит на мысль, что деятельность ведьм стоит в непосредственной зависимости от тех изменений, какие замечаются в годичной жизни природы. Духи бурных гроз, замирающие на зиму, пробуждаются вместе с рождением солнца, а в половине лета достигают наибольшей полноты сил и предаются самому неистовому разгулу, рождение же солнца старинные мифы сочетали и с зимним его поворотом — на праздник Коляды и с благодатным просветлением его весною.

По указаниям, собранным в народном дневнике Сахарова, с 26 декабря начинаются бесовские потехи: ведьмы со всего света слетаются на Лысую гору на шабаш и сдružаются там с демонами; 1 января ведьмы заводят с нечистыми духами ночные прогулки, а 3 января, возвращаясь с гулянья, задаи-

¹ Иллюстр., 1845, 251.

вают коров; 18 января они теряют память от излишнего веселья на своем пиршестве¹. По знаменательному поверью русинов, на Благовещение (25 марта — день, в который весна поборае́т зиму) зарождаются ведьмы и упыри (гонители и сосуны дождевых туч)²; на Юрьев день (23 апреля), посвященный громовнику — победителю змея и пастырю небесных стад, и в купальскую ночь на 24 июня (празднество Перуну, погашающему в дождевых потоках знойные лучи солнца) ведуны и ведьмы собираются на Лысую гору, творят буйные, нечестивые игрища и совещаются на пагубу людей и домашних животных³; в эту же таинственную ночь они ищут и рвут на Лысой горе волшебные зелья, что, конечно, имеет связь с мифом пламенного Перунова цвета, почка которого зреет и распускается в ночь на Ивана Купалу⁴.

Если ухватиться за ведьму в ту минуту, когда она хочет лететь на Лысую гору, то можно совершить

¹ Рус предан., II, 103—111; Рус. простонар. празд., III, 86; Сахаров, II, 3—4, 7, 70; Терещ, V, 75; Zarysy domove, III, 147.

² Гануш, 103.

³ Lud Ukrain., II, 87; Сахаров, II, 41; Терещ, V, 87; Рус простонар. празд., I, 175; IV, 33—34. Масленицу свою ведьмы отправляют на Лысой горе, что бывает или на первой неделе Великого поста, или накануне Воскресения Христова — Ж. М. В. Л., 1848, XXII.

⁴ Сахаров, 143; Рус простонар. празд., 1, 75; Иллюстр., 1845, 262; Описан. Олонец губ. Дашкова, 190.

Подобный же рассказ есть у сербов: «У Српцему се приповеда да се онамо вјештице највине

228 #

Точно так же и немецкие ведьмы собираются не только на вершинах гор, но и в полях под сенью ду-

229

ба, липы или груши, а ведьмы неаполитанские — под ореховым деревом; на Руси указывают старые дубы, под которыми сходятся ведьмы на свои шумные игрища. Дуб и орех были посвящены богу-громовнику и в народной символике обозначают дерево-тучу.

По свидетельству немецких сказаний, ведовские сборища бывают на рождественские ночи, накануне Великого поста (*fastnacht*), на Светлой неделе, 1 мая и на Иванову ночь. Русскому преданию о полете ведьм на Лысую гору в конце апреля (на вешний Юрьев день) соответствует немецкое — о главном их поезде, совершаемом ежегодно на первую майскую ночь (*Walpurgisnacht*). В этом поезде принимают участие и оборотни, и давно умершие женщины — подобно тому, как в полете неистового воинства участвуют души усопших.

Каждая ведьма является на празднество вместе со своим любовником-чертом Сам владыка демонских сил — Сатана, в образе козла с черным человеческим лицом, важно и торжественно восседает на высоком стуле или на большом каменном столе посредине собрания. Все присутствующие на сходке заявляют перед ним свою покорность коленопреклонением и целованием. Сатана с особенной благосклонностью обращается к одной ведьме, которая в

¹ D. Myth, 1003—5.

круту чародеек играет первенствующую роль и в которой нетрудно узнать их королеву (*hexenkdnigin*), Слетаясь из разных стран и областей, нечистые духи и ведьмы докладывают, что сделали они злого, и сговариваются на новые козни; когда Сатана недоволен чьими проделками, он наказует виновных ударами. Затем при свете факелов, возожженных от пламени, которое горит между рогами большого козла, приступают к пиршеству: с жадностью пожирают лошадиное мясо и другие яства, без хлеба и соли, а приготовленные напитки пьют из коровьих копыт и лошадиных черепов.

По окончании трапезы начинается бешеная пляска под звуки необыкновенной музыки. Музыкант сидит на дереве; вместо волынки или скрипки он держит лошадиную голову, а дудкою или смычком ему слркит то простая палка, то кошачий хвост. Ведьмы, схватываясь с бесами за руки, с диким весельем и бесстыдными жестами прыгают, вертятся и водят хороводы. На следующее утро на местах их плясок бывают видны на траве крути, как бы протоптанные коровьими и козьими ногами. Любопытного, который пришел бы посмотреть на их игрища, ведьмы схватывают и увлекают в вихрь своих плясок, но если он успеет призвать имя Божие, то вся сволочь мгновенно исчезает.

Потом совершается сожжение большого козла, и пепел его разделяется между всеми собравшимися.

ся ведьмами, которые с помощью этого пепла и причиняют людям различные бедствия. Кроме козла в жертву демона приносится еще черный бык или черная корова. Гульбище заканчивается плотским соитием, в которое вступают ведьмы с нечистыми духами, при совершенном погашении огней, и затем каждая из них улетает на своем помеле домой — тою же дорогою, какою явилась на сборище.

Вся эта обстановка, все эти подробности суть мифические образы, живописующие весеннюю грозу. Полет ведьм и демонов на Лысую гору — это та же несущаяся по воздуху дикая охота или неистовая рать, только представленная в поэтической картине праздничного поезда. В Сатане узнаем мы демонический тип бога-громовника, являющегося во мраке черных туч и в шуме опустошительных бурь; по другим сказаниям, присутствуя на празднике ведьм, он не занимает высокого седалища, а лежит под столом, прикованный на цепь, подобно хитрому Локи. Козел — животное, посвященное Тору и Вакху, то есть зооморфическое представление дождевой тучи; сожжение его указывает на грозное пламя.

Горящие факелы, освещающие ведовское сборище, также метафора небесных молний. Соответственно уподоблению дождя опьяняющим напиткам, а облаков — различным животным лошадям

быкам, коровам, баранам и козлам, в грозе древние племена видели пиршество, в котором стихийные духи и жены варили, жарили и пожирали яства (ясрать и гореть — речения тождественные) и опивались амритою (живою водою, небесным медом и вином), употребляя вместо сосудов коровьи копыта и лошадиные черепа

Колдуны и чародейки владеют такими музыкальными инструментами, звуки которых всех и каждого увлекают в быструю пляску; от их волшебных песен дрожат земля и небо и волнуются глубокие моря. На Блоксберг прилетают ведьмы «den schnee wegzutanzen», то есть, кружась в полете стремительных вихрей, они сметают и разбрасывают снег. Ночные песни и пляски нечистых духов и ведьм сближают их с эльфами; на такое сближение указывают и другие тождественные черты.

Подобно эльфам, ведьмы давят сонных людей, ездят на них по горам и долам, похищают детей, боятся колокольного звона и также легко проникают в замочные скважины и дверные щели: это последнее свойство свидетельствует об их воздушной (бестелесной) природе. Любодейная связь демонов с ведьмами объясняется из древнего воззрения на грозу как на брачное сочетание бога-громовника и грозных духов с облачными девами, которых они насилуют молниеносными фаллюсами и заставляют проливать на землю оплодотворяющее семя дождя.

Крутящиеся вихри до сих пор называются дьявольскою свадьбою: черт женится на ведьме, и нечистая сила, празднуя их брак, вертится в неистовой пляске и подымает пыль столбом. Так как семя дождя признавалось за вдохновительный напиток, надеяющийся дарами мудрости и предвидения, то с его пролитием — или, что то же, с лишением вещей нимфы ее девственности — она теряет свою чародейную силу. Так, валькирия Брунгильда, отдаваясь после долгого сопротивления мужу, шепчет ему: «Я побеждена! делай со мною, что тебе угодно; с девством я потеряла все и стала такою же простою женщиной, как и все другие».

В народных преданиях и старинных памятниках черт является к избранной им любовнице в виде статного, красивого и сладострастного юноши, увлекает ее с собой на ночное гульбище и вводит в сообщество колдуний и нечистых духов; там она принимается в ведьмы, причем ее заставляют отречься от Бога, нарицают ей новое имя и острым уколом налагают на ее тело особенную метку; сохранилось еще предание, будто новопринятой ведьме черт втыкает в зад горящую свечу¹.

Древнейшее свидетельство о плотской связи ведьмы с чертом встречается в памятнике 1275 года; но особенно обильны подобными указаниями акты ве-

¹ «Eine solche angehende hexe stent der teufel auf den kopf und sleckt ihr ein licht in der after»

довских процессов XVI — XVIII столетий. По мнению французов, демон не может заключить договора с девственницею. От смешения ведьм с нечистыми рождаются существа эльфические, называемые *dinger, elbe, holden* и принимающие различные образы: то мотылька, то червя или гусеницы, то оборотня (*larvengestalt*); ведьмы насылают их на людей и животных, которые вслед за тем чувствуют болезненное расстройство¹.

Смысл приведенного предания — тот, что эльф — малютка-молния рождается из недр тучи во время грозы, этого брачного торжества облачной жены с демоном. У сербов находим соответственное представление о смертоносном духе, излетающем из вещицы бабочкою; по немецкому поверью, люди со сросшимися бровями выпускают из-под них эльфа-бабочку, а по русскому поверью, вий поражает своим пламенным взором как скоро подняты его длинные веки, то есть как скоро вылетает зоркая молния из-за темных облачных покровов. Сверх того, и самый любовник ведьмы, соединяющийся с нею чрез молнию, нередко является в виде эльфа или мотылька.

Та же обстановка дается ведовским сборищам славянскими и литовскими преданиями. Слетаясь на Лысую гору, ведьмы предаются дикому разгулу и любовным наслаждениям с чертями, обедают,

¹ D. Myth., 1003, 1009.-1018, 1022-1030, 1039; Der heut Volksglaube, 92—93.

² Сахаров, 1,58.

³ Иллюстр., 1845, 203; 1846, 345; Рус. предан, II, 103; Киев. Г. В., 1845, 13.

«Эта мне рука ненадобна.
 Трепала она Змея Горынчища!»
 А второе ученье — нош ей отсек:
 «А и эта где нога мне ненадобна,
 Оплеталася со Змеем Горьснчищем!»
 А третье ученье — губы ей обрезал и с носом
 прочь:
 «А и эти где губы- ненадобно мне!»
 Четвертое ученье — голову ей отсей
 и с языком прочь:
 «А и эта голова ненадобна мне,
 И этот язык ненадобен —
 Знал он дела еретические!»

Старинная повесть о бесноватой Соломонии (XVII в.) основана на глубоко укорененном народном веровании в возможности любодейного смешения жен с злыми духами: «В девятый день по браце, по захождении солнца, бывши ей в клеще с мужем своим на одре, восхотеста почити, и внезапно виде она Соломония демона, пришедша к ней зверским образом, мохната, имущи когти, и ляже к ней на одр. Она же вельми его убоясь — иступи ума. Той же зверь оскверни ее блудом., и с того же дни окаяннии демони начата к ней приходить, кроме великих праздников, по пяти и по шти человеческим зраком, якоже некотории прекраснии юноши, и тако напа-

¹ Кирша Данилов, 65—71.

даху на нее и скверняху ее и отхождаху, людем же ничто же видившим сегда..» Нечистые увлекали ее в воду, и от связи с ними она родила нескольких демонов¹.

Подобные рассказы и доньше обращаются в нашем простонародье. Если послушать бывалых людей, то черт нередко принимает на себя вид умершего или отсутствующего мужа (любовника) и начинает посещать тоскующую женщину; г той поры она сохнет, худеет, «словно свеча на огне тает»².

Под влиянием этих мифических представлений, поставивших ведунов и ведьм в самые близкие и родственные отношения с демоническою силою, естественно, что на них должны были смотреть с робкою боязнью и подозревать их во всегдашней наклонности к злобе и нечестивым действиям. Со своей стороны христианство окончательно утвердило эти враждебные воззрения на колдовство, чародеев и чародеек.

По народному убеждению, всякий колдун и всякая ведьма заключают с дьяволом договор, продают

¹ Пам. стар, рус лит-ры, 1,153—5. Чтобы Соломония могла избавиться от водяных духов, ей было сказано: «и ты у них не яждь, не пей и ничтоже не отвещай, и они помучат да и отпустят». То же условие возврата из подземного, адского царства встречаем и в сказаниях греков и других индоевропейских народов.

² Н. Р. Ск., V, с. 45; VIII. с 449; Этногр. сб., VII, 143—4.

ему свои **іреіііНбіе** души и отрекаются от Бога и вечного блаженства; договор этот скрепляется распискою, которую прибегающие к нечистому духу пишут своею собственною кровью, и обязывает первых творить чары только назло людям, а последнего — помогать им во всех предприятиях¹.

На Руси ходит много рассказов о том, когда, как и при каких обстоятельствах отчаянные грешники продавали дьяволу свои души; названия «еретик», «еретица» в различных местностях употребляются в смысле злого колдуна, упыря и колдуньи; сравни: ворог — знахарь и враг — черт². Все чудесное и страшное колдуны творят бесовским содействием. Они — и властелины, и рабы демонов: властелины — потому что могут повелевать нечистою силою; рабы — потому что эта последняя требует от них беспрестанной работы, и если колдун не прищет для нее никакого занятия, то она тотчас же замучивает его самого. Во избежание такой опасности колдуны придумали заставлять чертей, чтоб они вили из песку и воды веревки, то есть, по первоначальному смыслу предания, чтобы они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи³.

¹ Иллюстр., 1845,184; Сахаров, 1,52; 0.3.1840, II, смесь, 42; D. Myth, 1031.

² Обл сл, 28,54; Доп. обл. сл, 47.

³ Абев, 73; Укр. песни Максимов, 91.

Умирая, колдун и ведьма испытывают страшные муки; злые духи входят в них, терзают им внутренности и вытягивают из горла язык на целых пол-аршина; душа колдуна и ведьмы до тех пор не покидает тела, пока их не перенесут через огонь и пока они не передадут своего тайного знания кому-нибудь другому¹. Вся природа тогда заявляет невольный трепет: земля трясется, звери воют, от ворон и воронов отбою нет; в образе этих птиц слетаются нечистые духи, теснятся на кровлю и трубу дома, схватывают душу умершего колдуна или ведьмы и со страшным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносят ее на тот свет².

По свидетельству народных сказаний и стиха о Страшном суде, чародеи и ведьмы идут по смерти в «дьявольский смрад» и предаются на казнь Сатане и его слугам³. Напомним, что, по древнейшим верованиям, тени усопших возносились в загробный мир в полете бурных гроз, преследуемые и караемые адскими духами. Трясение земли и звериный вой — метафорические обозначения громовых раскатов и завывающей бури; хищные птицы — олицетворения стремительных вихрей.

¹ Могилев. Г. В. 1851,19; то же рассказывают и в Нижегородской губернии.

² Сахаров, II, 45—46; Иллюстр, 1845,415; Москв, 1853, V, ст. Шпилевского, 16.

³ Чт. О. И. и Д., год 3, IX, 1961 Lud Ukrain, II, 85; Н. Р. Ск, VIII, 16, Ъ.

В предыдущих главах объяснено нами, что старинные религиозные игрища и богослужebные обряды возникли из подражания тем действиям, какие первобытные племена созерцали на небе. В силу этого и ведовские сборища (шабаши, сеймы) должны представлять черты, общие им с древнеязыческими празднествами как по времени совершения, так и по самой обстановке тех и других. И в самом деле полеты ведунов и ведьм на Лысую гору совпадают с главнейшими праздниками встречи весны, Кольяды и Купалы, на которые сходились некогда роды и семьи устанавливать общественный распорядок и совершать общественные жертвоприношения, игры и пиршества.

У германцев долгое время удерживались в обычае майские народные собрания и майские суды. Сходки бывали на местах, истари признаваемых священными: среди тенистых лесов и на высоких горах. Кипучие котлы и горшки, в которых ведьмы варят свои волшебные составы и опьяняющий напиток, заклание, сожжение и пожирание ими небесных животных (козла, коровы, коня), в которых олицетворялись дождевые облака, соответствуют жертвенным и пиршественным приготовлениям, действительно совершавшимся во время народных праздников.

Ведьмам, по народному поверью, необходимы для чародейства нож, шкура и кровь (символы мол-

нии, облака и дождя)¹, следовательно, все то, без чего немислим обряд жертвоприношения; нож и шкура употребляются ими при оборотничестве, с помощью ножа они доят облачных коров и допрашивают вихри о будущем урожае.

Ведуны и ведьмы собираются на Лысую гору для общей трапезы, веселья и любовных наслаждений. Все эти характеристические черты были неизменным условием языческих празднеств, которые обыкновенно сопровождались песнями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгул, при излишнем употреблении крепких напитков, и поклонение оплодотворяющей силе Ярилы придали этим празднествам нецеломудренный характер и превратили их в оргии, «срамословие и бесстыдие».

Летописцы, проникнутые духом христианского учения, смотрели на них как на крайнее проявление разврата и нечестия. Ведьмы являются на свои сборища с распущенными косами, в белых развевающихся сорочках или звериных шкурах (оборотнями) и даже совсем обнаженные. Согласно с этим, распущенные косы, белые сорочки и звериные шкуры признаны были необходимыми атрибутами для всех жен и дев, принимающих участие в религиозных игрищах и обрядах. Так, при обряде опа-

¹ Иллюстр., 1845, 415.

Со времен Нестора и до наших дней встреча с попом, монахом и монахиною признавалась и признается несчастливою: она предвещает неожиданную беду, потерю, неуспех в начатом деле, — поэтому простолюдины, повстречав священника или монаха, спешат воротиться домой или триж-

244 JjC

Одно из любопытнейших преданий старины представляют народные рассказы о доении ведьмами коров. На рождественские Святки, по мнению наших крестьян, не должно выпускать из хлевов домашнего скота, чтобы предохранить его от колдунов, ведьм и нечистой силы. Третьего января голодные ведьмы, возвращаясь с гульбища, задаивают коров, для охраны которых поселяне привя-

² Ворон Г. В., 1851, И; Абеу, 79; Пузин, 8; Совр. 1852, 1, смесь, 122; Громанн, 220; Лет. рус лит-ры, т. V, 97; D. Myth, 1077—9. В числе темных лиц, способных изурочивать (портить), в наших заговорах упоминаются поп и попададя, чернец и черница, схимник и схимница — Рыбник, IV, с XXX.

зывают к воротам свечу; накануне Крещения с тою же целию они пишут мелом кресты на скотных избах.

В день святого Власия (11 февраля) кропят хлева, лошадей, рогатый скот и овец крещенскою водою; в это время, по словам малорусов, вовкулаки, обратившись в собак и черных кошек, сосут молоко у коров, кобыл и овец, душат лошадей и наводят на рогатый скот падеж¹. На вешний Юрьев день колдуны и ведьмы превращаются в телят, собак или кошек и высасывают у коров молоко; крестьяне втыкают тогда в коровьих стойлах освященную вербу и страстные свечи — в том убеждении, что этим прогоняются ведьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающие портить скотину, сверх того, они окропляют святою водою и окуривают ладаном все хлева и загоны. На Зеленые Святки, или Троицу, коровы также небезопасны от нападения ведьм

В день Агриппины-купальницы крестьяне собирают крапиву, шиповник и другие колючие растения в кучу, которая служит заменою горящего костра; через эту кучу скачут сами и переводят рогатый скот, чтобы воспрепятствовать ведьмам, лешим, русалкам и нечистым духам доить у коров молоко, которое после такого доения совсем высыхает (про-

¹ Терем, VI, 38; VII, 39; Сахаров, II, 4.

падает) в их сосцах. На ночь разводят огни — для предохранения стад от порчи, потому что в купальскую ночь ведьмы и вовкулаки бывают особенно страшны для коров: прокрадываясь в скотные загонь, они высасывают у коров молоко и портят телят. Осторожные хозяева втыкают по углам хлевов ветви ласточьего зелья, на дверях вешают убитую со-року или прибивают накрест кусочки сретенской свечи, тут же при входе кладут вырванную с корнем осину², а по стойлам — папоротник и жгучую *крапиву*. Телят на Иванову ночь не отделяют от дойных коров, а лошадей запирают на замок. Тридцатого июля ведьмы задаивают коров до смерти и, опившись молоком, сами обмирают от чрезмерного пресыщения³.

Из приведенных поверий видно, что доение ведьмами коров совпадает по времени с ведовскими полетами на Лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевые облака, по древнеарийскому воззрению, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молоком; молния, разбивая тучи, проливает из них живительную влагу дождя, или, выражаясь языком священных гимнов Ригведы, Индра доит (облачных) коров молниями и молоко их ниспосылает на землю

¹ Иногда ставят осиновый прут над воротами.

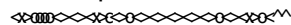
² Тереш, V, 73—75, 87; VI, 28—30; Молодик, 1844, 94; Сахаров, II, 41, 45; Zarasy domove, III, 154.

Принимая во внимание эти данные и зная, что ведьмы и до сих пор обвиняются в похищении дождей и росы, нельзя сомневаться в мифическом значении предания о доении ведьмами коров — предания, которое, при забвении старинных метафор, необходимо должно было перейти на обыкновенных дойных животных. В устах народа хранится много отрывочных воспоминаний, наглядно

² Сличи в D. Myth, 1045 – о змее, сосущей коров (snackr).

На Востоке верили, будто во время затмения луна проливает амриту, которую боги собирают в свои сосуды. Как ярко блистающее солнце уподоблялось нашими предками светильнику, наполненному горящим маслом, так «бледная, холодная» лу-

¹ Ж. М В. Д, 1848, ч. XXII, 132 (из Киев. Г. В.); Учен. зап. 2-го отд. Акад. наук, VII, 2,30.

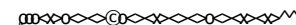
на представлялась чашею молока¹; согласно с этим, затмение луны должно было рассматриваться как утрата ею молока-света, скрадываемого нечистою силою мрака. Но рке в глубочайшей древности затмение солнца и луны и сокрытие их светлых лиц темными тучами признавались явлениями тождественными и равно приписывались злобному нападению демонов; поэтому в приведенном нами болгарском поверье хотя и говорится о затмении луны, но речь, собственно, идет о потемняющем ее облаке, из которого ведьмы доят молоко-дождь.

В Галиции уцелела поговорка: «Солнце свитить, дощик крапить, чаровница масло робить»; у поляков: «Deszczyk pada, sionce swieci, czarownica maslo kleci»²; у сербов: «Сунце гри-је, кишпа (дождь) иде, взештице (или: паволи) се легу»³, то есть падают поражаемые громом. Приготовление ведьмами чародейного масла объясняется из древнейшего уподобления грозы взбиванию масла. Бог-громовник сверлит тучи своею молниеносною палицею; вращая ее в облачной кадке или бочке, наполнен-

¹ Шварц (Sonne, Mond и Sterne, 9) указывает еще, что древние пастушеские племена видели в полной луне изготовленный круг сыра; еще теперь есть местности, где месяц называть kas-laib; то же воззрение встречаем и в сербской сказке. — • Срп. к. прилов, 50.

² Номис, 4; Уч. зап. 2-го отд. Акад. наук, VII, в. 2, 32.

³ Срп. послов, 296.

ной млеко дождя, он творит то же на небе, что делали на земле люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этим способом приготавлилось в старину масло.

Еще ныне в Швеции *donnerkeile* называется *smordubbar* (*butterschlager*), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, к их сосцам прикладывают «громовую стрелку». Поселяне думают, что чародейки, мешая палкою воду в источнике, подобно тому как взбивается молоко в маслобитне (*buaerfass*), тем самым похищают у соседей коровье молоко и масло. Раз одна девочка взяла шест и начала им взбалтывать в колодце; на вопрос, что она делает, девочка отвечала: «Так взбалтывает моя мать, когда хочет, чтобы настало ненастье»¹. Первоначально поверья эти относились к дождевым источникам возмущая их воды, ведьмы производят непогоду и проливают (выдаивают) небесное молоко. Масло, изготовляемое ведьмами, может заживлять раны, следовательно, ему присваивается та же целебная сила, что и весеннему дождю.

По свидетельству народных сказок, колдуны и ведьмы хранят у себя живую и мертвую воду. В Южной России ведьмам приписывают приготовление сыру (творогу): надоенное и налитое в кувшины молоко они ставят в глубоко вырытых ямах

¹ Die Gotterwelt, 195; 208; Beitrage zur D. Mylh, I, 67; II, 365.

и погребях (там же, где прячут чаровницы похищенные ими дожди и росы), а потом делают из него волшебную мазь или сыр к своей Масленице, то есть к началу весны. Кто пожелает сведать, какие из деревенских баб занимаются чародейством, тот должен в последний день Масленицы взять кусочек сыру, завязать его в узелок и носить при себе во все время Великого поста; в ночь перед Светлым Воскресеньем к нему явятся ведьмы и станут просить сыра¹.

С приходом весны пробужденный от зимнего сна бог-громовник выгоняет на небо облачные стада, несущие в своих сосцах благодатное молоко дождя, подобно тому как в ту же пору выгоняют поселяне коров и овец на покрывшиеся зеленью пастбища. Сближая свои земные заботы с творческим подвигом громовника, пастушеский народ в первом весеннем выгоне деревенских стад признал религиозное дело, обставил его теми же обрядами, какие, по его мнению, соблюдались тогда на небе, и самый день совершения этих обрядов стал праздновать как посвященный верховному владыке гроз.

В Германии первый выгон скота в поле бывает в мае ранним утром, когда еще не обсохла на траве роса; передовой корове привязывают к хвосту куст или ветку, называемую *dausleipe* — *thauschleppe*: эта вет-

¹ Черниг. Г. В. 1842, 37; Ж. М В. Д., 1848, т. XXII.

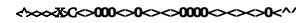
ка — эмблема громовой метлы (*donnerbesen*), которая, ударяя по корове-туче, сотрясает на землю росу и дождь.

Привязанная к хвосту коровы, майская ветка волочится по траве и сбивает с нее утреннюю росу, вследствие чего, по народному убеждению, все стадо наделяется хорошим и обильным молоком¹. На Руси стада выгоняются впервые на Юрьеву росу, то есть на рассвете 23 апреля, в день, когда празднуют Егория Храброго, на которого перенесены древние представления о Перуне; при этом коров ударяют освященной вербою, что символически знаменует удары громового бича или прута, низводящего на поля и нивы молоко-дождь². От Вербного воскресенья и до Юрьева дня, а нередко и в продолжение целого года во всякой избе сберегается освященная верба; уверяют, что если в Великую субботу зажечь ее в печи, то непременно явится ведьма и станет просить огня, который, как символ грозового пламени, необходим ей для доедания коров³.

¹ D. Myth., 746—7; Der heut. Volksglaube, 123.

² Терещ., VI, 28—29

³ Lud Ukrain, II, 86. Точно так же если на Чистый четверг, во время так называемого стоянья, за каждым церковным звоном бросать в печь по одному полену и потом на Велик день запалить эти двенадцать поленьев, то ведьмы придут за огнем Четверг — день громовника, звон — метафора производимого им грохота.

Чехи выгоняют коров метлой или вербою на рассвете 1 мая (на *kravske hody*); а на второй и третий дни Светлой недели у них в обычае ходить по домам с помлазкою и ударять хозяев, чтобы велась у них скотина. Слово *pomlazka* (сравни: серб, *млаз* — струя молока, какую можно выдоить за один раз; от корня *млѣз* = санскр. *мардж* — доить) означает орудие, делающее коров молочными; так называют ветку вербы или хлыст, сплетенный из нескольких лоз (вербовых, ивовых, виноградных), иногда даже из ремней и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припев выражается о помлазке: «*Ргоигек се otoci, korbel piva* (небесного напитка) *paioši!*»

У сербов и хорватов на Юрьев день многие расчетливые хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала соседских, а потом своих коров и надеются, что вследствие этого молоко от первых перейдет к последним. В Германии и Швеции, когда наступает пора, в которую коровы доятся трижды в день, их ударяют веткою рябины или другого посвященного громовнику растения. Этот обряд в Вестфалии обозначается словом *quiken*, то есть делать коров сильными, бодрыми, давать им новую жизнь¹. У чехов соблюдаются и другие знаменательные обряды. Накануне 1 мая они украшают

¹ Археол. вест. 1867, IV, 152; Иличь, 127.

одну из своих коров зелеными ветками, покрывают ее чистою пеленою и выводят в поле на перекресток; там, сотворив обычное моление, снимают с нее покрывало, расстилают его по траве и хлебным всходам, смоченным небесною росой, и, когда оно делается мокрым, снова возлагают его на корову.

По возвращении домой вешают это покрывало в избе и выжимают из него росу в нарочно поставленный сосуд, наблюдая при этом, чтобы означенная ткань представляла подобие коровьего вымени с четырьмя сосцами. Добытая таким образом роса приเมшивается к коровьему пойлу, отчего, по мнению крестьян, коровы в продолжение целого года пользуются вожделенным здоровьем и дают много молока. Тою же росой умываются девицы, чтобы стать здоровыми и красивыми — что называется, *кровать* с молоком!

Рано поутру, перед солнечным восходом, чехи отправляются на поля, стряхают с хлебных колосьев росу в подойники и потом этою собранною росой омывают у коровы сосцы и вымя; некоторые косят с соседних полей росистую траву и кормят ею свою скотину с полным убеждением, что у соседней коровы будут давать дурное молоко, а у них — хорошее. Подобными же средствами пользуются и ведьмы. Аля того, чтобы отымать у чужих коров молоко: по чешскому поверью, «*carodejne baby chodi pfed*

На Руси рассказывают, что в ночь перед Юрьевым днем и на утренней его зоре ведьмы выходят в поле, расстилают по траве холст и дают ему намокнуть росой; этим холстом они покрывают коров и делают их тощими и недойнными³; вместе с тем как высыхает роса, собранная на холст, высыхает, то есть утрачивается, и молоко у коровы. Пелена или холст — эмблема облачной ткани: когда чаровница упустит нечаянно звезду, то не иначе может поймать ее, как плахтою, через которую процеживалось молоко (Черниговская губерния), то есть она ловит звезды, закрывая их дождевою тучею. На рассвете Иванова дня ведьмы бродят по полям, засеянному рожью, и выбирают из росы содержащееся в ней молоко⁴. Малороссияне коровье молоко и масло называют Божьей росой.

В Киевской губернии существует поверье, что ведьма моет юрьевской росой педилку (ситечко для

¹ Рядно, плахта.

² Громанн, 131—2; Гануш, 143; *Nar. zpiewanku*, I, 429; Иличъ 291; Ч. О И. и Д, 1865, IV, 290.

³ Сахаров, Ц, 24; Маяк, XI, 16; Терещ., VI, 30.

⁴ Киевлян, 1865, 71.

процеживания молока), и потом когда станет ее вы-
давливать, то вместо росы потечет молоко, а сосед-
ские коровы останутся с пустыми сосцами¹; в Литве
накануне Иванова дня хозяйки варят цецилку в свя-
той воде, взятой из трех костелов, и это, по их сло-
вам, заставляет чародейку возвращать коровам выдо-
енное молоко: подобно тому, как из цецилки льется
роса или святая вода, так из коровьего вымени долж-
но политься молоко².

Ведьма может выдаивать чужих коров на далеком от них расстоянии, употребляя для того и другие чародейные способы: стоит только ей воткнуть нож в соху, столб или дерево — и молоко тотчас же потечет по остирию ножа, между тем как в ближайшем стаде начинает реветь корова и остается с пустым выменем. Накануне Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу ведьмы ходят по ночам голые, отворяют в крестьянских дворах ворота и двери и срезают с них по нескольку стружек, собранные стружки они варят в подойнике и тем самым похищают у соседей молоко. Поэтому в означенные дни каждая хозяйка считает обязанностью осмотреть свои ворота и двери, и если заметит где новую нарезку, то немедленно замазывает ее грязью, после

¹ Киев. Г. В. 1851, 20.

² Черты литов. нар, 94.

³ Lud Ukrain. II, 81; Могилев. Г. В. 1851, 19; Ч. О. И. и Д, 1865, IV, 291.

чего, по мнению поселян, ведьма лишается возможности отбирать у коров и овец молоко. Тогда же взлезают ведьмы на деревянные кресты, что стоят по дорогам, и стесывают с них стружки, которые употребляют так же, как и срезанные от ворот, или берут деревянный клин (нередко колок от бороны), вбивают его в скотном хлеву в столб и начинают доить, словно коровий сосок; молоко льется из этого клина, как из крана бочки, и наполняет большие ушаты и ведра¹.

Те же поверья встречаем и в Германии: ведьмы стряхают с травы росу, чтобы повредить чужим коровам, и уносят ее на свои поля, чтобы собственным стадам доставить более сочный и обильный корм в Остфрисланде колдунов и ведьм называют *daustriker* (*thaustreicher*). Немецкие *hexen* втыкают нож в дубовый стол или врубают топор в дверной косяк — и тотчас же из сделанного в дереве разреза начинает струиться молоко; кроме того, они умеют доить молоко из веретена и повешенного полотенца. Когда коровы дают водянистое (синеватое) или смешанное с кровью молоко — эту порчу приписывают ведьме, которой, в числе других названий, присваивают и следующие: *milchdiebin*, *milchzauberin*,

¹ Иллюстр., 1845, 415; Москв., 1846, XI—XIII, 150; *Zarysy domowe*, III, 162. Когда ведьма доит коров и хозяин подкараулит ее, она силою своих заклятий заставляет его сидеть неподвижно на одном месте до тех пор, пока не окончит своего дела.

rnolkenstehlerin, *molkentoversche* в лужицком наречии чаровница — *khodojta*, от глагола доить, с приставным в начале звуком к (сравни: *kosydlo* вместо *osydlo*, *kedzba* вместо *dzba* и др.). *Milchdieb* и *molkentoversche* означают также мотылька, что служит новым указанием на связь ведьм с эльфами; как молниеносные духи, эльфы летают легкокрылыми бабочками и высасывают у коров молоко¹.

И по русским, и по немецким рассказам, ведьмы часто показываются с подойниками на головах; в ненастную погоду старая *Hulda* (*Huldra*) надевает на голову подойник и гонит через лес стадо черных коров и овец — поэтическая картина дождевых туч, гонимых буйными ветрами. Нож и топор — символы Перуновой палицы (*donneraxt*), доящей небесных коров; дубовое дерево (столб, дверной косяк, деревянный крест), из которого ведьмы с помощью ножа или топора извлекают молоко, знаменует дерево-тучу; полотенце — облачная ткань, а веретено — орудие, которым готовится для этой ткани пряжа; в приведенном нами поверье оно (наравне с клином, вбиваемым в дерево) принимается в значении молниеносной стрелы (*donnerkeile*); наконец, сохе и бороне дано участие в суеверных сказаниях о ведовском доении, потому что небесная гроза

¹ Учен. зап. 2-го отд. Акад наук, VII, в. 2, 32; *D. Myth*, 1025 — 6; *Beitrage zur D. Myth*, 1, 227; *Germ. Mythen*, 371.

² *D. Myth*, 1032; *Die Gotteiwett*, 306; Киевлян, 1865, 71.

Любопытно, что те же атрибуты, которыми ведуньи и ведьмы творят свои волхования, могут быть обращаемы и против них самих — как предохранительные средства от их злого влияния. По своему демоническому характеру ведуньи и ведьмы, подобно чертям и великанам, боятся разящих стрел молнии и потрясающих звуков грома, а потому все орудия и обряды, какие исстари служили символическим знаменем небесной грозы, заставляют их поспешно удаляться. Так, в некоторых местностях уверяют, будто ведьма боится ножей, вотпугутых под верхнюю доску стола; а если приставить к дверям кочергу загнутым (железным) концом вверх, то колдун до тех пор не уйдет из хаты, пока не будет принята эта неодолимая для него преграда

По немецким поверьям, если бросить в оборотня освященный нож или огниво, то сила превращения мгновенно уничтожается и колдун или ведьма предстает в своем настоящем виде, то есть молния снимает с оборотня звериную шкуру (облако). В хлев держат огниво, чтобы предохранить домашний скот от болезней и порчи; огниво, положенное в колыбель младенца, защищает его от злого очарования — точно так же, как и молот, завернутый в пеленки¹, или

¹ «Malleum, ubi puerpera decumbit, obvolvunt linteo».

крест, подвешенный над детским изголовьем Напомним, что в большинстве случаев, при которых в древности считался необходимым молот, после водворения христианства стали употреблять крест; такая замена, как известно, условливалась крестообразною формою старинных молотов.

Победоносное орудие громовника — молот огораживает человека от поедучей ведьмы. В Германии в первую майскую ночь, а у нас накануне Крещения на всех дверях и окнах видны начертанные мелом кресты. В Чехии, когда хозяин купит новую корову, он тотчас же кладет на порог своего хлева топор или огниво и затем уже вводит ее в стойло. Другие символы молнии: верба, осиновый кол, папоротник и плакун-трава — также предотвращают от человека и домашних животных пагубные замыслы ведунов и ведьм. Осина есть вернейшая оборона от блуждающих упырей; осиновым колом поражают змея — похитителя дождей, прогоняют Коровью Смерть и снимают хлебный «залом» или «закрут», совершаемый чародеями на бесплодие нивы¹.

Ту же предохранительную силу дает поверье и прутьям колючих растений (терн, шиповник и др.),

¹ Кто на Светлое Христово Воскресенье пойдет к заутрене с осиновою палкою или вербю и через эту палку или вербу станет смотреть на собравшийся народ, тому все колдуны и ведьмы покажутся стоящими головами вниз, а ногами кверху (Полтавская губ.).

и жгучим травам, какова, например, крапива. У нас употребительно выражение: крапива жжется, жалит; серб.: коприва жаре, польск.: pokrzywa parzy, чеш.: korfiva zaha, ziha, pali; в областных говорах крапиву называют жижка, жигучка, хорут. же(и) гавица, чеш.: zahavka, zagavka; сравни: лат. urtica, нем bren-nessel и литов. noteres, natres от санскр. nath — urere¹. Накануне Иванова дня крестьяне собирают крапиву и кладут на окнах и порогах домов, чтобы удалить от себя ведьм, леших и нечистых духов.

При первом выгоне стад на пастбище чехи обвязывают коров красными платками, а в хлевах кладут терновые ветки, что, по общему убеждению, предохраняет скотину от порчи. Если бы у кого заболела корова и стала доиться молоком, смешанным с кровью, тот должен срезать свежую ветку орешника или шиповника и бить ею испорченную корову по голове и вымени; другие советуют кипятить самое молоко и ударять по нему тою же веткою. По народному поверью, ведьма — доительница чужих коров чувствует эти удары на своем собственном теле и впадает в тяжкий недуг.

Подобные же муки испытывает ведьма и тогда, когда бочку, в которой пахтается масло, начинают

¹ Ч. О. И. и Д., 1865, IV, 306; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., 1,571.

бить терновым прутом или когда заваривают в горшке под дымовую трубу ветви боярышника и терна. Лужичане думают, что если у порога избы положить веник — туда рке не осмелится войти ведьма, а если веником ударить собаку (оборотня) — эта последняя непременно зачахнет. Корову, у которой опухнет вымя, немцы лечат веником, связанным на рождественские Святки; этот же веник они кладут на пороге хлева, когда выгоняют свои стада в поле. Зажженная свеча и огонь домашнего очага служили знамениями небесного пламени, возжигаемого в тучах богом-громовником. Ничто так не устрашает ведьм, как четверговая (страстная) свеча; где горит она, там бессильны их чары и волхования; хлебный залом поджигают благовещенскою свечою; сложенные накрест восковые свечи прогоняют ведьм от коровников и конюшен.

На Рюгене соблюдался обычай бегать по полям с зажженными лучинами — для предохранения дойных коров от злых волшебниц В Германии думают, что горящая головня, кинутая в колдуна или ведьму, разрушает их козни. У нас с целью противодействовать ведьмам заговаривают дымовые трубы, забивают под князек заостренные колья и посыпают на загнетке золу, взятую из семи печей. По народному поверью, ведьмы боятся домового, который, как представитель очага и семейного благосостояния,

призван оберегать хозяйское добро¹. Звон — метафора грома, а святая вода, кровь и смола (вар. д-готь) — дождя.

Звуки колоколов нестерпимы для ведьм и нечистых духов; они разгоняют их сборище, мешают их неистойой пляске и не дают совершиться их злобным намерениям. Немецкие *hexen* называют колокола лающими псами (*bellende hunde*). Шведы рассказывают, что ведьмы подтачивают перекладыны, на которых висят колокола, и, сбрасывая их с высоких башен, восклицают: «*Nie soli meine seele Gott naher kornmen, als dieses erz wieder zur glocke werden!*» Словенцы во время грозы звонят в колокола и стреляют на воздух, чтобы прогнать собравшихся ведьм. Кто желает исцелиться от «порчи», тот должен ударить колдуна или ведьму правой рукою наотмашь, прямо по переносице — так, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенце и сжечь на огне². Как удар молнии, проливая дождь, обессиливает облачного демона, так в настоящем случае с

¹ D. Myth., 1056—7; *Bitrage zur D. Myth.*, 1,219,226; II. 274; Ч. О. И. и Д., 1865, IV, 282, 304; *Neues Lausitz. Magazin*, 1843, III—IV, 342; Громанн, 133—9; Рус. простонар. празд., IV, 33; Сахаров, 1,44; И. 7; Ворон. Г. В. 1850,20; Кулиш, II, 37; Н. Р. Сис, VII, 36 б.

² D. Myth., 1039—40,1057; Рус. Бес, 1857, III, ст. Клуна.

³ D. Myth., 1056; Могил. Г. В. 1851,19; Памяти, книжка Архангельской губернии. 1864,92; то же поверье слышали мы и в Воронежской губернии.

пролитием крови уничтожается губительная сила колдуна или ведьмы.

Лужичане, оберегая дойных коров, мажут на дверях хлебов дегтярные кресты; и черт, и ведьма, как скоро будут настигнуты серебряною пулею (молнией), тотчас же разливаются смолою¹. На все исчисленные предохранительные средства суеверный народ наложил христианское клеймо: свеча берется страстная или благовещенская, вода — святая или крещенская, верба и нож — освященные в храме.

Когда бог-громовник доит облачных коров, он это делает, чтобы напоить дождем я<ая<душую землю и возрастить засеянные нивы; наоборот, ведьмы, согласно со своим демоническим характером доят этих коров с тою же целью, с какою высасывают их мифические змеи, то есть они иссушают облака, скрадывают росу и дожди и тем самым обрекают землю на бесплодие. Им приписываются и летние засухи, и зимнее бездождие. Ведьмы доят и высасывают коров не только летом но и зимою. По русскому поверью, ведьма, опиваясь молоком обмирает (впадает в зимнее оцепенение), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей пятки², то есть необходимо развести грозное пламя. Во все продолжение зимы творческие силы природы, по выражению сказочного эпоса, бывают заколдованы. Ведьмы щедрты только на

¹ *Vollcslieder der Wenden*; II, 223; Этногр. сб., III, 90.

² Припомним выражение «душа в пятки ушла!».

Низводя древнемифические сказания с небесных высот на землю, предки наши стали верить, что ведьмы доят и сосут обыкновенных коров, которые вследствие этого лишаются молока, спадают с тела и в скором времени издыхают — точно так же, как чахнут и гибнут лошади, на которых ездят ведьмы на свои буйные сборища. Таким образом, доение ведьмами коров признано было нечестивым делом, влекущим за собою скотский падеж, иссылание дождевых источников и повсеместный неурожай. В духовной песне грешная душа, обращаясь к своему телу, говорит «Пойду я в муку вечную, бесконечную, в горячи огни». «Почему ж ты, душа, себя угадываешь?» — спрашивает тело.

266 *

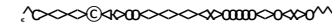
ifc 267

спорынью, производить неурожаи и голод. Такое действие необходимо должно было казаться самым страшным грехом. Закликая корову, ведьма, по указанию стиха, доит ее, выливает молоко на землю и забивает в то место осиновый кол, с которым связывается идея омертвления: как засыхает срубленная осина — так у коровы должно иссохнуть вымя.

У всех индоевропейских народов град, бури, холода и засухи, действием которых истребляются зеленеющие и созревающие нивы, приписывались колдовству. Греческие эвмениды (название, объясняемое в старинных немецких глоссариях словом *hazasa* = *hexe*) уничтожали своею слюною (дождевыми ливнями) и градом жатвы и овощи. Определено наказание тому, «*qui fruges excantassit*» или «*alienam segetem pellexerit*» (кто околдовывал плоды и творил заклятие на чужую ниву)¹. Агобард, лионский епископ первой половины IX века, записал следующее любопытное предание: «*Plerosque autem vidimus et audivimus tanta dementia obrutos, tanta stultitia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in nubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestalibus pereunt, vehantur in*

¹ Мертвецы, пронзенные осиновым колом, уже не могут вставать из гробов.

² D. Myth., 1040.

*eandem regionem, ipsis videlicet nautis aereis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges*².

По свидетельству буллы Иннокентия VIII, множество людей обоего пола не боялись вступать в договоры с адскими духами и посредством колдовства делали неплодными брачные союзы, губили детей и молодой скот, истребляли хлеб на нивах, виноград и древесные плоды в садах и траву на пастбищах. В 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокруг, две женщины, признанные виновницами такого бедствия, были осуждены и преданы смерти³. И германцы, и славяне обвиняли ведьм в похищении благоприятной погоды, дождей, изобилия и в наслании болезней, скотского падежа и мора, всегда сопровождавших голодные годы; с этим согласно и старинное убеждение, что затмения, обыкновенно производимые ведунами и ведьмами, бывают «к гладу и мору».

На Украине до сих пор верят, что ведьмы задерживают дождь, низводят град и посылают неуро-

¹ Перевод: «Мы видели и слышали многих одержимых таким безумием, такою глупостью, что веруют и утверждают, будто есть некая страна, именуемая Магония, из которой приходят на облаках корабли; воздушные пловцы забирают зерновой хлеб и другие плоды, побитые градом и вихрями, уплачивают за них чародеям, вызывающим бури, и увозят в свое царство».

² Germ. Mythen, 466; Моск. Наблюд., 1837, XI, кн. 2, 125—6.

жаи. На всем пространстве, какое ведьма в состоянии обнять своим взором, она может и произвести голод, и отнять у коров молоко: сближение многозначительное!¹ По мнению болгар, ведьмы похищают урожай с чужих нив и передают его своим любимцам; поэтому крестьяне выходят весною на поля и произносят заклятие: «Вражья душа! бегай от нас»². Русские поселяне также убеждены, что колдуньи скрывают у себя большие запасы хлеба³.

В Германии рассказывают, что ведьмы катаются голые по нивам, засеянным льном и житом, что они не только умеют вредить посевам, но и могут присваивать себе плоды чужих трудов, скрадывая с соседних полей зерновой хлеб или овощи и наполняя ими свои закрома, — поверье, известное уже римлянам. Так, идучи виноградниками, ведьма потрясает шесты, около которых вьются виноградные лозы, и тотчас же зрелые гроздья переносятся с чужого участка на ее собственный. Один старый колдун дал своей внучке палку, которую она должна была воткнуть на указанном месте посреди нивы; наступившая

на дороге дождем, девочка остановилась под ветвистым дубом и воткнула возле него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на полях деда густые кучи дубовых листьев.

В темные ночи колдун раздевается догола, привязывает к ноге серп и, творя заклятия, направляет путь через нивы своих соседей; вслед за тем на этих нивах не остается ни единого полного колоса; все зерно, какое только уродилось, попадает в закрома и овины заклинателя. Старинная метафора, уподобившая молнии острым зубам мышей, придавала этим зверькам мифическое значение. Аполлон, с лука которого слетали убийственные стрелы заразы, в гневе своем творил все истребляющих мышей (Apollo Sminthcus); немецкая клятва «dass dich das mauschen beisse!» употребляется в том же смысле, как славянская «бодай ты ясна стрела ранила!» или «пусть тебе Перун покажет свои зубы!». Параличущий удар, наносимый по древнему воззрению карающей рукою бога-громовника, у чехов называется mys (нем hexenschuss).

Поэтические сказания о небесных мышках, являющихся во время бурных, опустошительных гроз, впоследствии были перенесены на обыкновенных полевых мышей, которые нередко целыми стаями нападают на хлебные поля, скирды и житницы и поедают зерно. Чрезмерное размножение полевых мы-

¹ «На сколько забачнла свиту, стилько и вкинула голоду» или «стильно и молока одибрала».

² Вест. Р. Г. О., 1853, VI, 88; Кулиш, II, 37; Пантеон, 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Киевлян, 1865, 69.

³ Сообщено Каравеловым

⁴ Чародеи могут допрашивать вихрь о будущем урожае и допрос свой совершают, ударяя крутящийся вихрь острым ножом и держа в руках петуха — Иллюстр., 1845, 505.

⁵ D.Mtlh, 443-4, 1043.

По свидетельству нидерландской саги, чародейке стоит только подбросить несколько глыб земли, чтобы в то же мгновение все поле закопошилось мышами¹. Чехи считают мышь созданием черта. При начале мира, когда выросла и созрела первая жатва, черт сотворил этого хищного зверька и приказал ему истребить весь хлеб, а Бог, чтобы разрушить дьявольские козни, тогда же сотворил кошку. В чешской хронике по поводу многочисленных мышей, явившихся в 1380 году, замечено, что современники думали, будто мыши эти зародились от грозы: «Ze by ty mysi se zrodily z povetfi porusenehe».

¹ D. Myth, 1044; Гануш: Дед и Баба, 59.

Кроме плодов земных ведьмы могут скрадывать и другие припасы, необходимые для благосостояния человека; так, они уносят мед из ульев, загоняют к себе рыбу и забирают птиц и зверей, за которыми ходят на промысел охотники. Скрадывание меда объясняется уподоблением дождя медовому напитку, а захват рыбы, птиц и лесного зверя — мифическими представлениями грозы рыбною ловлею и дикою охотою.

¹ Громанн, 59—63,75,232; Beitrage zur D. Myth, 1,172.

² Кулиш, Ц, 41; D. Myth, 1026. -

ной охотою; и на лове, и на охоте братья не знали неудачи: закинут ли сети — а они уж полнехоньки рыбою, возьмутся ли за ружья — зайцы сами бегут на выстрелы. Дело в том, что мать у них была ведьма. Раз братья решились ее испытать: взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идут ловить рыбу. Что же? Раскинули тенета — и вместо зайцев полезли в них окуни, караси да щуки!¹ Еще от XI века донеслись до нас интересные летописные свидетельства о подобных обвинениях, взводимых на тех женщин, в которых подозревали ведьм. В 1024 году, говорит летописец, восстали в Суздале волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволу научению и бесованию, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятеж велик и голод по всей той стране. Слышав же Ярослав... изымав волхвы, расточи, а другыя показни, и рек сице: Бог наводит по грехом на куюждо землю гладом, или мором, или вёдром (засухою), ли иною казнию, а человек не весть ничтоже».

Под 1071 годом находим следующее известие: «...бывши бо единою скудости в Ростовстей области, всташа два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве сведе (мы ведаем) — кто обилье держит. И поидоста по Волзе; кде придут в погост, ту лее нарицаху лучшие (добрые) жены, глаголюща, яко си жито держать, а си мед, а си рыбы, а си скору². И приво-

¹ Кулищ, II, 36-37; Москв, 1846, XI—XII, критика, 150-1.

² Мягкую рухлядь, звериные меха.

жаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавше за плечем, выимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имение их отымашета собе». Наконец волхвы пришли на Белоозеро; за ними следовало до трехсот человек. В это время Ян собирал на Белоозере княжескую дань. «Повелоша ему белозерци, яко два кудесника избил а уже многы жены по Волтсьве и по Шексне». Ян потребовал от них выдачи волхвов; но белоозерцы «сего не нослушаша». Ян решился действовать против волхвов собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросил: «Что ради погубиста толико человек?» Волхвы отвечали: «Яко ти держать обилье; да аще избиевех сих — будет гобино; аще ли хоцещи, то перед тобою выни меве жито, ли рыбу, ли ино что. Ян же рече: по истине лжа то!»¹ Итак, по словам летописи, волхвы обвиняли старых женщин в том, что они производили голод, скрадывали обилье (гобино), то есть урожаи², и делали безуспешными промыслы рыбака и охотника.

Вера в возможность и действительность подобных преступлений была так велика в XI веке, что родичи сами выдавали на побиение своих матерей,

¹ П. С. Р. Л., 1,64,75.

² Карамзин, И. Г. Р, II, примеч. 26; Обл сл, 132. Обилье — в Архангельской губернии всякий немолочный хлеб, в Псковской губернии — огородные овощи.

жен и сестер; жители не только не хотели сопротивляться волхвам, но и следовали за ними большою толпою. Обвинение «старой чади» в бедствиях голодных годов вполне соответствовало грубому и суеверному взгляду тогдашнего человека на природу, и волхвы (даже допуская с их стороны обман и своекорыстные расчеты) только потому и действовали так открыто и смело, что опирались на общее убеждение своего века¹. Все физические явления предки наши объясняли себе как действия богов или демонов, вызванные мольбами, заклятиями и чарами вещих людей. Позднее, после принятия христианства, та же сила властвовать и управлять природою была

¹ Г. Мельников (Рус. Вест, 1867, IX, 245—7) описывает мордовский обряд сбора припасов для общественного жертвоприношения и склонен видеть в нем тот факт, однородный с тем, какой занесен в летописное сказание о волхвах. В назначенный для сбора день замужние мордовки обнажают свои груди и плечи и, становясь задом к дверям избы, закидывают за спину холщовые мешки с мукою, медом, маслом и яйцами; янбед (помощник главного жреца) колет их слегка в голые плечи и спины жертвенным ножом, потом перерезывает тесемки, на которых висят мешки, и забирает приготовленные припасы. Мы, с своей стороны, не усматриваем в этом описании ничего общего с летописным рассказом: в мордовском обряде укол ножа представляет не более как символическое действие, и самый обряд этот имеет целью собрать припасы для общественного жертвоприношения, какое совершается в благодарность за дарованный урожай; летопись же говорит о действительном избиении жен, заподозренных в похищении гобина.

распространена и на представителей нового вероучения.

Бывали примеры, что народ обвинял духовных лиц в засухах и других физических бедствиях. Так, в 1228 году новгородцы, напуганные тем, что «тепло стоит долго», прогнали своего владыку, «акы злодея пыхающе»¹. Женщин, заподозренных в чародействе и обвиняемых в похищении дождей и земного плодородия, преследовали в старину жестокими казнями: жгли, топили и зарывали живыми в землю. Против этого обычая резко протестовал Серапион, епископ Владимирский (XIII в.): «Мал час порадовался о вас, чада! видя вашу любовь и послушание... А еже еще поганского обычая держитесь, волхованию веруете, и пожигаете огнем невинные человеки и наводите на весь мир и град убийство. Аще кто и не гтричастися убийству, но в соньми быв в единой мысли — убийца же бысть, или мога(и)й помощи, а не поможе — аки сам убити повелел есть. От которых книг или от ких писаний се слышасте, яко волхованием глади бывають на земли, и паки волхованием жита умножаются? То аже сему веруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, и дары приносите им, ать (пусть) строить мир, дождь пушают, тепло приводить, земли плодити велять. Се ныне по три лет(а) житу рода несть — не токмо в Руси(и), но (и)

¹ П. С. Р. Л., III, 44.

в Латене: се влхове ли створиша? аще не Бог ли строите(ъ) свою тварь, яко же хоцет, за грех нас томя?— Молю вы: отступите дел поганьских. Аще хоцете град оцестити от незаконных человек, радуясь тому; оцещайте, яко Давид-пророк, «который судил в страхе Божиим и по правде; вы же осуждаете на смерть по вражде и ради прибытка, жажда пограбить. Правила Божественнаго(ья) повелевают многими послух(и) осудити на смерть человека; вы же воду послухом поставите, и глаголите: аще утопати вачистъ — неповинна есть, аще ли поплочеть — волховъ¹ есть. Не может ли дьявол, видя ваше маловере, поддержати да не погрузится, дабы вьврещи в душыгубство; яко оставыше послушство бо(го)твореного человека, идосте к бездушну естеству»².

По своим стихийным свойствам ведуны и ведьмы могут свободно носиться посреди облачных источников, и потому в народе составилось убеждение, будто они ходят по поверхности рек и озер и не тонут в глубине вод. На Украине до позднейшего времени узнавали ведьм по их способности держаться на воде. Когда случалось, что дождь долго не орошал полей, то поселяне, приписывая его задержание злым чарам, собирались миром схватывали заподозренных баб и водили купать на реку или пруд. Они скручивали их веревками, привязывали им на шею

¹ Женская форма от слова «волхв»; сравни: свекровь.

² Ист. Хрестом Буслаева, 496—7.

тяжелые камни и затем бросали несчастных узниц в глубокие омуты: неповинные в чародействе тотчас же погрркались на дно, а настоящая ведьма плавала поверх воды вместе с камнем Первых вытаскивали с помощью веревок и отпускали на свободу; тех же, которые признаны были ведьмами, заколачивали насмерть и топили силою¹. Квитка в письме своем к Плетневу (1839 г.), по поводу рассказа «Конотопская ведьма», замечает: «Топление ведьм при засухе — не только бывалое, со всеми горестными последствиями, но, к удивлению и даже ужасу, возобновленное помещицею соседней губернии»². Гуцулы топили ведьм в 1827 году³. Обычай этот известен и между сербами: когда пронесется молва «на i<оју же-ну да је *Vjettnia*, онда је вежу и бацеу воду да виде: може ли потонути; јер кажу да Vjeinmga неможе потонути. Ако жена потопе, а они је извуку на поље и пустё; ако ли не могбуде потонути, а они је убщу, јер је VjemTHna»⁴.

Подобное испытание водою («суд Божий») в Германии называлось *hexenbad*⁵. По уверению г. Даля⁶,

¹ *Lud Ukrain*, II, 82—83; *Zarysy domove*, III, 166; Кулиш, II, 37; Киевлян., 1865, 71.

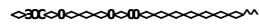
² Основьяненко, соч. Г. Данилевского, 91.

³ Пантеон, 1855, V, 48.

⁴ Срп. р'ечник, 67; Путешеств. в Черногорию А. Попова, 223.

⁵ D. Mylh., 1028.

⁶ Иллюстр., 1845, 415.

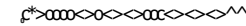

на Украине ходит рассказ, заимствованный из судебных актов, как одна злая и пьяная баба, поссорясь со своей соседкою, обвинила ее в скрадывании росы; обвиненную объявили ведьмою и предали сожжению.

В половине прошлого столетия управляющий имением графа Тышкевича в Литве писал к нему «Ясневельможный пане! с возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов святую воду и буду на ней варить кисель; говорят, непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда еще будет мне работа! Вот и г. Эпернети, по нашему примеру, сжег женщину и мужчину... этот несчастный ни в чем не сознался, зато женщина созналась во всем и с великим отчаяньем пошла на тот свет»¹.

Сожжение колдунов и ведьм засвидетельствовано многими старинными памятниками. В Грузии при всяком общественном бедствии хватали подозрительных старух, истязали в присутствии князей и духовенства и выпытывали у них сознание во мнимых

¹ Моск. Вед., 1858,60.

сношениях с нечистою силою. В 1834 году, во время бывшего неурожая кукурузы и гомии, в некоторых грузинских деревнях бросали колдунов в воду или вешали на деревьях и прикладывали к их обнаженному телу раскаленное железо¹. Поступая так, народ не только думал удовлетворить чувство своего мщения, но и был убежден, что казни эти суть единственные средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородие. Такое убеждение возникло из древнемифической основы.

Облачные жены, похищающие росу, дождь и урожай, только тогда возвращают эти сокрытые ими блага, когда сторают в небесном пламени молнии или купаются и тонут в разливе дождевых потоков. Позднее, когда в засухах и бесплодии почвы стали обвинять смертных жен, народ уверовал, что сожжение и потопление их непременно должно возвратить земле дожди и плодородие — точно так же, как обливание водою «додолы» признается сербами за лучшее средство против летней засухи. Но, с другой стороны, так как гроза, пожирающая *тучи*, нередко сопровождается разрушительной бурей и градом, то отсюда родилось верование, что ведьмы, желая произвести непогоду, град и буйные вихри, рассеивают по полям дьявольский пепел (пепел демона градовой тучи).

¹ Сборник газеты «Каиказ» 1847,1-е полугодие, 22.

Я. Гримм приводит из одного старинного памятника любопытное свидетельство о чародейке, которая, покавшись перед смертной казнью, просила снять ее труп с виселицы, сжечь огнем и пепел высыпать в воду, а не развеивать по воздуху, дабы не постигли страну град и засуха¹.

Губительное влияние ведунов и ведьм распространяется на все, обещающее приплод, рождение. По народным поверьям, они делают баб неплодными, отымают у жениха мужскую силу, присаживают ему килу, а у невесты скрывают половой орган. При всякой свадьбе необходимо соблюдать особенные предосторожности для охраны новобрачных и поезжан от злого очарования; в некоторых деревнях там, где празднуется свадьба, нарочно затворяют двери и затыкают трубы, чтобы не влетела ведьма (Арзамасский уезд). Ведьмы глазят беременных женщин и выкрадывают из них зачатых младенцев.

Существует примета: если на дворе стрекочет сорока, то беременная баба не должна выходить из-под крова избы, оберегаемой священным пламенем очага, иначе ведьма, которая любит превращаться сорокою, похитит из ее утробы ребенка; самый ребенок, еще до появления своего на свет, легко может быть испорчен колдуном или ведьмою. Народный стих наряду с другими ведовскими грехами: доени-

¹ D. Myth., 1026, 1041.

ем коров и отыманьем у хлеба спорыньи — указывает и на порчу детей в утробе. В старину рождение уродов признавалось следствием волшебства или дьявольского наваждения². Древний метафорический язык допускал выражение «замкнуть, завязать плодородие».

Ведьмы, потребительницы земных урожаев, держат росу и дожди в покрытых и завязанных сосудах, и пока сосуды эти не будут развязаны, до тех пор ни единая капля живительной влаги не упадет с неба на жаждущие поля. Подобно тому как зимние холода и летние засухи запирают плодотворное семя дождей, так точно с помощью волшебства можно замкнуть силу плодородия в обвенчанной чете. Германцы приписывают ведьмам такую чару над молодыми супругами: во время свадьбы ведьма запирает замок и забрасывает его в воду, и пока замок не будет найден и отомкнут, супружеская чета делается неспособною к соитию. Чара эта называется *schloss-schliessen* и *nestelkniipfen* (*nest* — шнурок, ремешок, *kniipfen* — завязывать)³.

В Сербии враги, желающие, чтобы у новобрачных не было детей, украдкою завязывают одному из них

¹ Абев, 74; Иллюстр, 1045, 415; *Zarysy domove*, III, 163; Лет. рус лит-ры, кн. II, отд 2, 155; Поли. собр. зак, V, № 3159 — 60.

² D. Myth, 1027; *Beitrage zur D. Myth*, I, 215: «*_nadeln, mit welchen ein todtenhemd genaht worden, dienen zum nestelknupfen**»; такая игла зашивает и вместе омертвляет силу чадородия.

узлы на платье; а лужичане с тою же целью запирают, при совершении венчального обряда, замок — в ту самую минуту, когда священник произносит слова «плодитесь и множитесь»². Интересна жалоба, занесенная в протокол стародубского магистрата 1 января 1690 года. Тимошка Матвеев бил челом на Чернобая, который во время свадьбы обвязывал его неведомо для чего ниткою-портняжкою, и с того-де часу он, Тимошка, уже два года не имеет со своею женою никакого сполкования (*spolkowanie* — соитие), а портняжку Чернобай забросил и рассказывает, что без нее пособить беде не умеет.

В приведенных чарах узлы производят плотское бессилие, точно так же как закручивание колосьев (ржи, овса, конопли и проч.) на ниве может, по народному поверью, отнимать у хлеба спорынью и вместе с тем производить гибель скота и людей — обычные следствия неурожая и голода в старину, когда не знали благоразумной расчетливости и не делали запасов на будущие года. Неурожай, голод и поварные болезни бывали, по свидетельству летописей, всегда неразлучны.

Закрут (залом, завиток), до сих пор наводящий ужас на целые села, не должно смешивать с завиваньем колосьев на бороду Волосу; это последнее возникло из уподобления связанных созревших колосьев

¹ Потебня, 139.

² *Neues Lausitz, Magazin*, 1843, III—IV, 316.

завитой бороде древнего бога, имело значение жертвенного приношения и донныне совершается явно и с добрыми пожеланиями — на урожай и обилие. Напротив, закрут завивается тайно из жажды мщения, из желания причинить хозяину нивы зло и сопровождается заклятием на гибель плодородия; он совершается так: злобный колдун берет на корню пучок колосьев и, загибая книзу, перевязывает их суровою ниткою или заламывает колосья и крутит (свивает) на запад — сторона, с которою соединяется понятие смерти, нечистой силы и бесплодия; в узле залом находят иногда распаренные зерна и могильную землю: и то, и другое — символы омертвления.

В старинных требниках встречаются молитвы, которые следовало читать над таким очарованным местом после установленного молитвословия священник выдергивал закрут церковным, крестом и тем отстранял его зловредное влияние. Теперь для снятия закрута приглашают знахаря, который вырубает осиновый кол, расщепливает его надвое и этим орудием выдергивает зачарованные колосья; затем закрут сожигается благовещенскою свечою, а на том месте, где он стоял, знахарь вбивает в землю осиновый кол, что, по мнению поселян, причиняет колдуну нестерпимые муки¹.

¹ Сахаров, I, 53; Иллюстр. 1845, 538; Обл сл., 60, 95; Моста, 1844, XII, ст. Якушк, 35—36. В Курской губернии срезают однолетние осиновые прутья и кладут их накрест возле нивы, на которой сделан залом.

Во многих местах во время трудных родов просят священника отворить Царские врата в храме, а повивальная бабка читает при этом «Сон Пресвятой Богородицы»³. В Курской губернии страждущую родильницу переводят троекратно через порог избы, чтобы ребенок скорее переступил порог своего заключения и явился на свет из утробы матери⁴. В Германии уверяют, что сложенные вместе руки и поставленные одна на другую ноги мешают родильнице разродиться. Мнение это разделяли и древние греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то

⁴ Этногр. сб., V, 20.

На Руси, чтобы помочь в тяжелых родах, читают следующий заговор: «Пресвятая Мати Богородица! соходи со Престола Господня и бери Свои золотые ключи и отпирай у рабы Божьей (имярек) мясные ворота и выпускай младенца на свет и на Божью волю»³. Как обвязанный вокруг тела пояс замыкает чадородие женщины, так, по свидетельству норвежской сказки, королевский сад потому не приносит плодов, что вокруг его зарыта трижды обведенная золотая цепь⁴.

⁴ Ск. норв, II, 18; Germ. Mythen, 683.

Круговая, то есть со всех сторон замкнутая, линия получила в народных верованиях значение наузы, столь же крепкой, как и завязанная веревка или запертая цепь. Начертанная ножом, зажженной лучиной или углем (знамения разящей молнии), линия эта защищает человека от зловредного действия колдовства и покушений нечистой силы. Через круговую черту не может переступить ни злой дух, ни ведьма, ни самая Смерть; против чумы и других повальных болезней опахивают кругом деревни и села; при добывании кладов и цвета папоротника, при совершении различных чар и произнесении заклятий очерчивают себя круговой линией для охраны от демонского наваждения¹.

На Украине дети, завидя полет диких гусей, причитывают: «Гуси-гуси! завяжу вам дорогу, щоб не втрапили до дому» или «Гуси-гуси! колесом, червоним поясом» — и думают, что от этих слов гуси закружатся на одном месте². У лужичан, чехов и русских перед Рождеством дают курам корм, окружая его цепью или обручем, чтобы они клали яйца дома: этот обряд замыкает птицу в границах хозяйского двора³. В Ярославской губернии в пламя пожара бро-

¹ Этногр. сб., I, 53; Абеу., 149—150; Зам. о Сибири, III Н. Р. С, VIII, с 646.

² Номис, 7.

³ Volkslieder der Wenden. II, 259; Ч. О. И. и А, 1865, II, 61; Новгор. сб, 1865, I, 287; то же делают и в Германии. — Beitrage zur D. Myth, 1, 228.

сают обруч с квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился в одном месте и не распространялся дальше¹. В Моложском уезде не обводят новобрачных вокруг стола, чтобы молодая не была бесплодна, то есть чтобы не замкнуть ее плодородия круговой чертою².

Содействуя стихийным демонам, насылая неурожай, бескормицу и голод, ведуны и ведьмы тем самым порождают между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Вследствие их чар, вместе с холодными выюгами и продолжительными ливнями, появляются простудные болезни, а вместе с знойным дыханием лета и повсеместною засухой подымаются вредные испарения и настанет моровая язва. В тех же кипучих котлах, в которых ведьмы заваривают бурные грозы и град, готовят они и мучительные недуги, несущиеся в удушливых парах по направлению ветров.

В финской Калевале Kivutar, дочь олицетворенной болезни (kiri, род. kivun — болезнь), соответствующая нашим и немецким ведьмам, всходит на гору и варит в котле скорби, немощи и язвы³. По

¹ Чтобы вор не мог убежать, должно взять нитку из савана, смерить мертвеца и обойти с ней трижды около дома и амбаров, приговаривая: «Как мертвец не встает и не выходит из могилы, так бы не вышел и вор из этого круга». — Библ. для Чт, 1848, IX, 56.

² Этногр. сб, 1, 50.

³ Ж. М. Н. П, 1846, III, ст. Гримма, 183.

мнению русских поселян, колдуны и колдуньи напускают на людей и домашний скот порчу, то есть томят их, сушат, изнуряют болезненными припадками. Испорченные колдовством люди называются кликушами, это — несчастные, страдающие падухою или другими тяжкими болезнями, соединенными с бредом, пеною у рта и корчами; они издают дикие вопли и под влиянием господствующего в народе суеверия утверждают, будто злые вороги посадили в них бесов, которые и грызут их внутренности.

Силою страшных заклятий колдуны и колдуньи насылают нечистых духов по воздуху: послушные им ветры несут и навевают на людей неисцелимые недуги, называемые стрелами, икотою, поветрием или заразою. По свидетельству Боплана, колтун приписывали на Украине чародейству старых баб. Эту и все прочие болезни, постигающие людей, домашних птиц и животных, кашубы до сих пор считают следствием околдования.

Опасно принимать из рук ведуна какой бы то ни было напиток: вместе с чаркою вина, предложенною на пиру, он может поднести злую немочь. Выпивая это вино, человек проглатывает сестер-лихорадок или иных мучительных демонов, которые превращаются в его утробе в разных гадин: змей, жаб, лягушек и мышей, они сосут его кровь, терзают кишки и печень, раздувают живот и наконец доводят свою жертву до

преждевременной кончины. Несчастный, которым овладела болезнь, носит ее с собою везде, куда бы ни направил свои стопы. Такая неотвязность болезни выразилась в поверье, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больного (делают его бесноватым) или разъезжают на его спине; налегая на человека страшной тяжестью, они заставляют его возить себя, изнуряют, ломают и трясут его. То же представление соединяется с ведьмами: в ночные часы они являются в избы, садятся на сонных людей, давят их и принуждают носить себя по окрестностям; нередко ведьма оборачивает доброго молодца конем и скачет на этом коне по горам и долам до тех пор, пока он не потеряет сил и не упадет от усталости. Рассказывают еще, будто ведьма ездит ночью на думе спящего человека, который хотя и не сознает, что с ним делается, но тем не менее, пробуждаясь на следующее утро, чувствует во всем теле полное изнеможение¹.

¹ Иллюстр., 1845, 184, 203; 1846, 345; Абев., 222, 270—1; Могилев. Г. В. 1851, 19; 17—18; Ч. О. И. и А, год 3, III, словотолковн. Макарова, 106; Описание Украины Боплана, 83; Этногр. сб, V, 73 (стат. о кашубах); Памяти кн. Арханг. губ. 1864, 92; Громанн, 199; Н. Р. Ск, V, 50: колдун подает ендову пива, от которого выскакивают глаза и выпадают все зубы.

² Н. Р. Ск, VII, 36; сб. Валявца, 59, 245—6; Гальтрих, 29; Совр, 1856, XII, 197.

³ Москв, 1846, XI—XII, критика, 150. Подобные поездки приписывают и нечистому; на Украине говорят. «И на мудрим дидько на лысу гору [издить]». — Номис, 126.

Колдуны и ведьмы собирают ядовитые травы и коренья, готовят из них отравное снадобье и употребляют его на пагубу людей; в областных говорах «отрава» обозначается словами «порча», «портёж», а колдуна и колдунью называют «порчельник» (портёжник) и «порчельница»; для всех одуряющих зелий существует общее, собирательное имя «бесиво»¹. Народные песни говорят о девах-чаровницах, приготавливающих отравный напиток: по край моря синего, по зеленым лугам,

*Тут ходила-гуляла душа красная девица,
А копала она коренья — зелье лютное;
Она мыла те коренья в синем море,
А сушила коренья в муравленой печи,
Растирала те коренья в серебряном кубце,
Разводила те коренья меды сладкими,
Рассылала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга..}*

По указанию другой песни, задумала сестра из-быть постылого брата:

*Брала стружки красна девица.
Бравили стружки, на огонь клала,*

¹ Обл. сл, 19,171-2.

² Кирша Данилов, 303; Сахаров, I, 206; Терещ, V, 172;я 0.3,1840, II, смесь, 27.

Вариант:

*Натопила она коренья в меду в патоке,
Напоила добра молодца допьяна.*

*Все змей пекла, зелье делала,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.*

Зелье было страшное: едва

*Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорелась.*

Колдуны и ведьмы могут причинить недуги прикосновением, дыханием, словом, взглядом и самою мыслию; в них все исполнено губительной чародейной силы! Выше было объяснено, что под влиянием древнейшего метафорического языка, который уподобил гром вещему слову, веяние ветра дыханию, блеск молний — сверкающим очам, а все душевные движения сблизил с стихиями, возникли суеверные убеждения, заставившие наших предков чувствовать страх перед всяким проявлением души человеческой. Недобрая мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекут за собою несчастье для того, кто возбудит их в чародее; высказанное колдуном злое пожелание действует так же неотразимо, как заговор или клятвенная формула; своим взглядом он может сглазить, а своим дыханием озевать человека, то есть наслать на него порчу.

¹ Сахаров, 1,202.

Русская сказка возлагает на ведьму ту же самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою де-вою: в глухую полночь она является в белой одежде, просовывает руку в окно избы, кропит волшебными соками и всю семью — от старого и до малого — усыпляет навеки смертельным сном⁴. По уцелевшим на Руси преданиям, в старину при всякой повальной болезни и скотском падеже обрекали на смерть женщину, заподозренную миром в злом волшебстве

⁴ Н.Р.Ск, У11,36а

В некоторых деревнях на том месте, где пала первая зачумленная скотина, готовят яму и в этой яме зарывают падаль, привязав к ее хвосту живых собаку, кошку и петуха. Хозяина издохшей скотины община вознаграждает за потерянную шкуру². В Нижегородской губернии от сибирской язвы вбивают на перекрестках осиновые колы и посыпают улицы пеплом нарочно сояженной собаки³. Иногда для отвращения заразы крестьяне с вечера загоняют весь деревенский скот на один двор, запирают ворота и караулят до утра а с рассветом начинают разбирать коров; если бы при этом оказалась лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова, то ее принимают за Коровью Смерть, вваливают на поленницу и сжигают живь-

³ Север. Почта, 1868, №180.

ем¹. Тот, кто прежде всех заболевает эпидемическою болезнью, рассматривается как пособник нечистой силы и проводник Смерти; от него начинается зараза и быстро переходит на все окрестное население. Тот же взгляд прилагается и к первой зачумленной скотине.

Вселяясь в человека или корову, демон смерти заставляет их носить себя по белому свету и чрез их посредство распространяет свое тлетворное дыхание между людьми и стадами. Поэтому первые жертвы заразы подлежат такой же очистительной каре, как и ведьмы, изобличенные в напугании мора. Сожжение, потопление или зарытие ведьмы в землю исторгает из нее злого демона (нечестивую душу) и удаляет его из здешнего мира в мир загробный (в подземное царство Смерти); петух, кошка и собака, как мифические представители грозного пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тени усопшего, призванными сопровождать ее на тот свет.

В образе коровы издревле олицетворялась черная молниеносная туча, а с этою последнею были нераздельны представления нечистой силы и смерти. Из свидетельств памятников и народных преданий известно, что в отдаленной языческой древности вместе с трупом покойника сжигались корова, собака и

¹ Иллюстр., 1846, 262; Терещ., VI, 42; сравни: D. Myth, 1140.

петух. Впоследствии этот погребальный обряд получает характер уголовного возмездия и совершается только в исключительных случаях, с целью увеличить позор смертной казни за особенно важные преступления. Когда вайделотка, хранительница священного огня, теряла свое девство, литовцы зашивали ее в кожаный мешок с кошкою, собакою и змеею, вывозили на паре черных коров на место казни и зарывали в землю или топили в воде². В дополнительных статьях к Судебнику сказано: «Кто убьет до смерти отца или мать или кто хотя сродича своего убьет, и тому дати сыну муку: в торгу его возити и тело его клещами рвати и по тому посадити на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вместе собравши с ним в воде затопить. А которая дочь отца убьет или мать — и указ тот же». Литовский статут за означенное преступление постановляет: «Всадити в мех скуранный с псом, курем, ужом, кошкою и зашить»³.

У германцев мать-детоубийцу завязывали в мешок вместе с собакою, кошкою и змеею и топили в воде; та же кара у римлян постигала убийцу отца или матери, но кошка заменялась обезьяною³. С колдовством нераздельно понятие о превращениях Ве-

¹ Ж. М. Н. П., 1844, IV, ст. Борнчевск, 20.

² Архив ист.-юр. свед, II, полов. 1,83—84,116—7.

³ Deutsche Rechtsalt, 697; сравни: свидетельства о повешении преступников с волками и собаками. — Ibid, 685—6.

ра в превращения или оборотничество принадлежит глубочайшей древности; источник ее таится в метафорическом языке первобытных племен. Уподобляя явления природы различным животным, называя те и другие тождественными именами, древний человек должен был наконец уверовать в действительность своих поэтических представлений, как скоро обозначающие их слова и выражения потеряли для него свою первичную прозрачность. Вначале способность превращений исключительно связывалась с существами стихийными, принадлежащими миру фантазии и мифа.

— Ходячие по небу, дышащие ветрами, дождевые, градовые и снежные облака олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рысчущими волками, медведями, кошками, рысями, дойными коровами, козами, овцами и так далее. Рядом с этим облака, тучи и туманы, как темные покровы, застилающие собой ясное небо¹, представлялись руном или звериными шкурами, в которые облачаются, одеваются бессмертные владыки надземных стран. Бог-громовник и сопутствующие ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются в облачных нарядах и, следовательно, переодетыми или превращенными в птиц и зверей.

¹ До сих пор о туманном, облачном небе говорится: заволокло; в областных говорах называется: наволока.

Язык и предания ярко засвидетельствовали тождество понятий превращения и переодевания: слова «оборотиться», «обернуться» (обворотиться, обернуться) означают, собственно, окутаться, покрыть себя платьем, а «превратиться» — переодеться, изменить свою одежду (свой внешний вид), надеть ее наизувет; в позднейшем переносном смысле малоросс, перевертень, серб, превртльнь, превршага — человек изменчивый, непостоянный.

Созерцая в полете грозных туч толпы оборотней, то есть демонов, облачившихся в животные шкуры, и переводя это воззрение в символический обряд, предки наши допустили в своих религиозных игрищах участие окрутников. Окрутниками называются все замаскированные, наряженные по-святочному, одетые в мохнатые шкуры или вывороченные тулупы — от слова «крутить», которое от первоначального значения «завивать, плести» перешло к определению понятий: одевать, наряжать (округа — женское нарядное платье и вообще одежда, окрутить — одеть, окручаться и окрутиться — наряжаться, маскироваться) и в этом смысле явилось синонимом глаголам облача(и)ть и оборотить (обворотить), точно так же как слово «округа» — одежда тождественно по значению с словом «облако»

¹ Обл. сл., 140.

(облачение). Очевидно, что и колдуны, и ведьмы, по своей тесной связи с облачным миром, должны были усвоить себе чудесную способность превращений.

Одно из названий, знаменующих волшебные чары, кудеса в Новгородской губернии, служит для обозначения обрядового ряжения, скручивания мохнатые шкуры: кудес — замаскированный человек (кудесник, кудесница), кудесниться — маскироваться; сравни: лат. *larvo* — околдовать, обворожить и *larva* (нем *larve*) — личина, маска, привидение; боги, духи, вещие люди и сильномогучие богатыри (представители стихийных сил природы, низведенные с течением времени на степень народных героев) превращаются в различные образы, надевая на себя шапку-невидимку, то есть окутываясь облаком¹.

Согласно с демоническим характером колдунов, одно из главнейших их превращений есть превращение в волка, ибо этот хищный, лукавый зверь выступает в старинных мифах как воплощение мрачных туч, разрушительных бурь и зимней стужи, как демон, пожирающий небесных коров (дождевые облака), и чрез то наводящий на землю неурожай и мор. Рядясь в волчьи шкуры, колдуны рыщут голодными, жадными волками и получают

¹ Обл. сл., 140.

² D. Myth., 903.

название вовкулаков. Славянская Кормчая книга сохранила драгоценное указание, что в этих оборотнях народ видел некогда стихийных духов, нагоняющих на горизонт темные тучи, а не простых смертных: «облакыгонештеи от селян влодлаци нарицаются», что совпадает с вышеприведенным названием ведунов и чародеев облакопрогонниками.

Волкодлак (малоросс, вовкулак, вовкун, белорус вавкалак, польск. *wilkolak*, *wilkolek*, чеш. *wlkodlak*, серб, вукодлак, далм *valtudluk*, рагуз. *vukolak*, транс. *vacodlac*; у болгар и словаков удержалась более древняя форма *vrkodlak*; у латвий *wilkats* от *wilks* — *lupus*) — слово сложное: из волк, санскр. *vrka* и длака (*dlak*) — шерсть, руно, клочок волос — и означает существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Предания о волках-оборотнях известны у всех индоевропейских народов и тем ясно указывают на свое незапамятно давнее происхождение. У немцев вовкулак — *verwolf* (англосакс *verevulf*, англ. *werewolf*, гот. *vairavulfs*), то есть *mannwolf*, волко-люд, греч. *Xvx&vvpamos*; первая часть слова *ver* = гот. *vairs*, англосакс *ver*, лат. *vir* — муж, человек. Замечательно, что в Митиле и на побережьях Малой Азии греки до настоящего времени называют волчьих оборотней именем буквально тождественным с нашим вовкулаком: *pr̥t̥xolad*, и самые сказания о

Древнейшее свидетельство о вовкулаках находим у Геродота², который упоминает, что нуры, или невры (народ, признаваемый Шафариком за славянское племя), почитались у греков и скифов чародеями и что про них рассказывали, будто бы каждый из невов единожды в году обращается на несколько дней в волка, а потом снова принимает свой человеческий облик³. Время такого превращения, вероятно, совпадало с колядским праздником, когда на Лысой горе гуляют ведуны и ведьмы вместе с нечистыми духами и оборотнями, а в деревнях и селах бегают по улицам ряженные.

¹ Москв., 1853, V, 3; D. Myth., 1048; Zeitschr. für D. IV, 195.

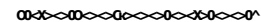
² Кн. IV, гл. 105.

³ Слав. Древности, т. I, кн. 1, 323, 327; Поэт, возр., I, 381.

⁴ Срп. р|ечник, 79.

Любопытны славянские предания о волчьем пастыре: под этим именем разумеется владыка бурных гроз, которому подвластны небесные волки, следующие за ним большими стаями и в дикой (грозовой) охоте заменяющие собою гончих псов. В германской мифологии это — Один, в услугах которого состоят два славные волка; на Руси волчьим пастырем считается Егорий Храбрый, наследовавший подвиги и заботы древнего громовника. Позабыв о мифических волках-тучах, народ отдал ему во власть волков обыкновенных, лесных. Так как бог-громовник является очам смертных в облачном одеянии, то создалось представление, что он сам рядится в мохнатую шкуру волка, принимает на себя образ этого зверя и становится вовкулаком.

¹ Zeitsch. für D. M., IV, 196–7.

гонится, в сопровождении лающих собак, за лесными нимфами. По хорутанским преданиям, *vucji pastir* выезжает верхом на волке, имея в руках длинный бич, или шествует впереди многочисленной стаи волков и усмиряет их дубинкою (громовою палицею). Он то показывается в виде старого деда, то сам превращается в волка, рыщет по лесам хищным зверем и нападает на деревенские стада. Народные приповедки рассказывают, как этот оборотень, останавливаясь под тенистым деревом, превращается из зверя в старца, собирает вокруг себя волков, кормит их¹ и каждому определяет его добычу: одному волку приказывает зарезать корову, другому заесть овцу, свинью или жеребенка, третьему растерзать человека и так далее. Кого назначит он в жертву волка, тот, несмотря на все предосторожности, уже не избегнет своей судьбы: в урочный час зверь настигнет и пожрет его.

Чтобы охранить стадо от хищничества волков, крестьяне приносят в дар их пастырю молоко².

¹ Zeitsch fur D. т., IV, 196—197.

² По свидетельству одной приповедки, он раздавал волкам по небольшому куску хлеба и сыра и такую же долю отдал встречному путнику, который, вкусив этой пищи, в продолжение двух недель не чувствовал ни малейшего голода.

³ Сб. Валявца, 92—98. Согласно с олицетворением туч то различными зверями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка (*ibid*, 103) упоминает еще пастырей птичьего и рыбьего, а сказки русские говорят о трех вещих старухах, из которых

У французов ходят рассказы о волчьих вожатых — вещих людях, обладающих тайною силою покорять волков, которые ласкаются к ним, как смиренные собаки. По русским поверьям, вовкулаки бывают двух родов: это или колдуны, принимающие звериный образ, или простые люди, превращенные в волков чарами колдовства

Колдуны рыщут волками обыкновенно по ночам (то есть во мраке, наводимом черными тучами), днем же снова воспринимают человеческие формы; они состоят в близких сношениях с нечистыми духами, и самое превращение их в волков совершается при помощи дьявольской. По словам барона Гакстаугзена³, в Армении существует поверье, что некоторые женщины (ведьмы) за тяжкие грехи свои превращаются в волчиц на семь лет (то есть на семь зимних месяцев); то же число лет назначают хорутанские сказки для волчьего пастыря: семь лет бега-

одна властвует над лесными зверями, другая — над воздушными птицами, а третья — над морскими рыбами и гадами. — Н. Р. Ск, VII, 4, 6, 7; Лет. рус лит-ры, кн. V, 11; сравни: сб. Валявца, 104—6; Штир, 10—11. Валахская сказка дает власть над зверями и птицами св. Недельке (фрее), которая играет в свирель (заводит грозную песню), и, послушные могучим звукам, бегут к ней из лесов и полян звери и спускаются с воздушных высот птицы.

¹ Совр. 1852, 1, ст. Жорж Санд, 74—75.

² Моста, 1853, V, 11; Вест. Евр, 1828, V — VI, 90; Моею Телеграф, 1830, XIX, 416.

³ Закавказ. край, II, 61.

Раз кто-то забрел в пещеру, в которой была спрятана волчья шкура; он тут же развел огонь и бросил в него шкуру. Вдруг с жалобным воплем прибегает баба и бросается спасать свою звериную одежду; попытка ее не удастся, волчья шкура сгорает и баба оборотень исчезает вместе с клубящимся дымом. Так гибнет облачная жена в грозовом пламени, пожигающем ее волчью «длаку», то есть черную тучу. И по немецким поверьям, превращение в волка совершается чрез набрасывание на себя волчьей сорочки (шкуры, *ulfahamr* = *wolfhemd*) или волчьего пояса (*wolfgurtel*).

ведуны, ведьмы, упыри и оворотни

```
000000<><>000000000000<>0<><^
```

Ведуны и ведьмы могут обращаться и во всех других животных, в формах которых фантазия младенческих народов любила живописать облака, тучи и туманы. Они или разъезжают по воздуху на мифических зверях, птицах и гадах, или — что совершенно тождественно — сами принимают их образы и блуждают по свету различными оборотнями.

О'вовкулаках великорусские поселяне, позабыв коренной смысл означенного названия, рассказывают, что это — колдуны, одаренные способностью превращаться в волков или медведей². Известный писатель прошлого столетия Татищев в одном из примечаний к своей «Российской истории»³ говорит: «Я невесьма давно от одного знатного, но нерас- судного дворянина слышал, якобы он сам несколько

² Облсл, 27.

³ D.Mylh,!038,1041.

времени в медведя превращался, что слышавшие до-вольно верили».

Скандинавская старина также допускала пре-вращение в медвежий образ, и в Норвегии до сих пор существует убеждение, что подобным чаро-дейным искусством обладают лапландцы, а дат-ская песня упоминает о железном ошейнике (eisenhalsband), надевая который человек делается медведем. Ведьмы часто превращаются в коров и кобылиц, а колдуны — в быков и жеребцов, и от этих животненных образов удерживают они неко-торые особенности даже в то время, когда являют-ся в человеческом виде. Так, ведьму народ наш изображает с хвостом, которого она не в силах скрыть ни в одном из своих превращений, а колду-на — с рогами¹. Сходно с этим, человека-вовкулака легко узнать по шерсти, растущей у него под язы-ком².

Когда ведьма превращается в кобылицу, черт под-ковывает ее и заставляет носить себя по воздуху. На-родные сказки повествуют о добрых молодцах, ко-торым удавалось накидывать на ведьму узду, и она

По германским сказаниям, богиня Perchta носит коро-вью шкуру, Huldra имеет коровий хвост, а предводительница неистового воинства наделяется в Норвегии кобыльим хвостом и называется Ryssarofa (hryssa — лошадь, rofa — хвост). — Die Gotterwelt, 27.

² Тереш, VI, 102; Lud Ubain, II, 80; Рус. пред, II, 103 и дал; Киев. Г. В., 1845, 16.

тотчас же оборачивалась кобылою; молодец подко-вывал эту кобылу, садился на нее верхом и, ударяя ее осиновым поленом, скакал по горам и долам. На другой день на руках и ногах у ведьмы оказывались прибитые гвоздями подковы³. Пугая по ночам лю-дей, ведуны и ведьмы бегают в виде свиней, собак и кошек. На Украине ходят рассказы, будто ведьмы превращаются в огромных, чудовищных сук с длин-ными сосцами, которые волочатся по земле — «аже телепаютця»: эта последняя черта объясняется из древнего представления дождевых туч матерински-ми грудями.

фантазия наделяет облачных жен длинными, от-вислыми грудями и сохраняет за ними эту особен-ность при всех животненных воплощениях. Расска-зывают еще, что ведьмы вместо двух имеют три со-сца³. Кошка — одно из любимых воплощений ведьмы, равно известное у славян и немцев; в Герма-нии ведьм называют wetterkatze, donnerkatze, и там существуют поверья, что кошка, когда проживет двадцать лет, становится ведьмою и что чужим кош-кам не следует причинять вреда, а то ведьмы будут за них мстить³. Чехи убеждены, что черная кошка через семь лет делается ведьмою, а черный кот —

¹ Н. Р. Ск., VII, 36, с; Иличь, 290; Germ. Mythen, 711.

² Москв., 1844, XII, 40; Иллюстр., 1846, 134; Укр. мелодии., 112; Полтав. Г. В., 1844, 20; Киев. Г. В., 1845, 13.

³ D. Mytk, 1042, 1051.

дьяволом, что через них совершаются волшебные чары и что колдуны постоянно держат с ними совет¹.

По русским поверьям, в кошек и собак входят во время грозы нечистые духи; ведьмы же, превращаясь в этих животных, высасывают у коров молоко. В Мазовии есть рассказ о ведьме, которая в образе кошки отымала у коров молоко; раз ночью захватили эту кошку на промысле и прежде, чем она успела скрыться, обрубили ей два пальца на передней лапе, а наутро оказалось, что именно двух пальцев недоставало на руке у одной вражьей бабы².

Как превращение в звериные образы совершается при посредстве мохнатых шкур, надеваемых на себя человеком, так точно превращение в птицу условливается набрасыванием на человеческое тело окрыленной птичьей шкурки³, или так называемой пернатой сорочки. Народные предания, немецкие и славянские, рассказывают о прекрасных нимфах, которые, облакаясь в лебединые и голубиные сорочки, летают по воздуху белыми лебедями и голубками, а снимая с себя эти сорочки, становятся девами.

Локи выпросил у Фрей ее соколюю одежду (*valshamr* = *falkengewand*) и полетел быстрым соколом

¹ Громанн, 56 — 57, 201.

² *Zarysy domowe*, III, 172 — 3.

³ Рыбник, IV, 229 — 230.

а великан Тиасси, нарядившись в одежду орлиную, преследовал его как орел; одна из валькирий, предаваясь воздушному полету, набрасывала на себя *krahengewand*¹. Сказка, занесенная в сборник Боричевского², упоминает о превращении ведьмы в огромного сокола В Германии уверяют, что колдуны оборачиваются в воронов, а ведьмы — в ворон; в областных русских говорах каркун означает и ворона, и завистливого человека, который может сглазить, изурочить; карга — ворона и бранное название злой бабы или ведьмы («ах, ты старая карга!»). Наконец, вешица — не только ведьма, но и сорока⁴.

Согласно со своими демоническими наклонностями, ведьмы по преимуществу обращаются в зловещих, темноперых и ночных птиц: лат. *strix*, род. *strigis* (от *gruē*) — ночная птица, сова, привидение и колдунья, занимающаяся порчею детей; чеш. *striha*, словац. *stryga*, польск. *strzyga* — ведьма, хорут. и хорв. *strigon* — упырь⁵. Напротив, о голубе существует в Воронежской губернии поверье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна ведьма не в силах воспринять ее образа⁶. Больше все-

¹ Germ. *Mythen*, 691.

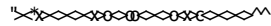
² Пов. итгред, 107 — 111.

³ D. *Myth.*, 1052.

⁴ Обл. сл., 34, 80; Вятск. Г. В., 1847, 45.

⁵ D. *Myth.*, 992, 1088; Дифенбах, II, 343.

⁶ Ворон. Г. В., 1850, 20.

го ведьмы любят превращаться в сорок. О происхождении этих последних рассказывают на Руси, что в стародавние годы обернулась некая ведьма сорокою, да так навсегда и осталась птицею; с тех пор и явились на белом свете сороки¹.

По свидетельству народной песни, Марина Мнишек (признанная современниками за чародейку) в ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетела из царских теремов². В Олонецкой губернии сохраняется предание, будто один старик поймал сороку за хвост, но она вырвалась и улетела, а в руках старика осталась женская рубашка: пойманная им сорока была ведьма³. Народная сказка говорит о ведьме, которая прилетала к своему любовнику птицею и, снимая с себя перья, являлась перед ним страстною женщиной⁴. В Томской губернии думают, что для такого превращения ведьме необходимо бучное корыто: намек на поэтическое представление грозы стиркою облачных тканей в дождевом щелоке. Ложась под это корыто, она тотчас же выпархивает оттуда сорокою, причем руки ее преобразуются в крылья⁵.

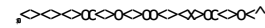
¹ Дух христиан, 1861—2, XII, 270.

² Кирша Данилов, 104.

³ Описание Олон. губ. Дашкова, 190—1.

⁴ Н.Р.СсVIII, 16а.

⁵ Этногр. сб, VI, 148.

Любопытен рассказ Татищева: «В 1714 году (говорит он) заехал я в Лубны к фельдмаршалу графу Шереметеву и слышал, что одна баба за чародейство осуждена на смерть, которая о себе сказывала, что в сороку и дым превращалась, и она с пытки в том винулась. Я хотя много представлял, что то неправда и баба на себя лжет, но фельдмаршал нисколько мне не внимал». После долгих увещаний баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кроме лечебных трав, она ничего не ведает; казнь была отменена, и несчастную знахарку сослали в монастырь под начало¹. По словам простолюдинов, в Москве потому не видно сорок, что в былое время в виде этих птиц прилетали сюда ведьмы, и одна из них похитила частицу святого причастия, а митрополит Алексей проклял за это сорок и запретил им приближаться к первопрестольному граду².

Чтобы напугать ведьм, крестьяне убивают сороку и вешают ее возле коровников и конюшен. Кроме того, ведуны и ведьмы могут превращаться и в некоторые неодушевленные предметы: в клубок ниток, в снежный ком камень и копну сена³, что, без сомнения, стоит в связи с уподоблением скученных облаков пряже, скалам, стогам и копнам

¹ Ист. Росс, 1, 110—1.

² Иллюстр. 1845, 415.

³ Абев., 79.

Народный эпос любит останавливаться на таинственной науке оборотничества и нередко заставляет своих героев

*По темным лесам летать черным вороном,
По чисту полю скакать серым волком,
По крутым горам тонким, белым горностаем,
По синим морям плавать серой утушкой¹.*

Богатырь Волх Всеславьевич, имя и подвиги которого указывают на его чародейное значение (когда он родился — сотряслось все царство Индийское), с детства учился трем премудростям: оборачиваться ясным соколом, серым волком и гнедым туром — золотые рога; далее былина рассказывает, что он оборачивался горностаем и мурашкою. Царь Афромей, по свидетельству былины об Иване Годиновиче,

*Скоро вражду (ворожбу) чинил:
Чистыя поля туром перескакал,
Темныя леса сободем пробежал,
Бьюпрыя реки соколом перелетал.*

¹ Рыбник. 1,434; IV, 95—96.

² Кирша Данилов, 47, 50—51, 142. В одной из великорусских песен (0.3, 1860, V, 110) девица, отданная замуж в чуждальную сторону, прилетает оттуда на родину горемычною кукушкою, а в другой сестры идут искать своего милого брата:

*Как и старшая сестра в море жукою,
А середняя сестра в поле соколом,
А меньшая сестра в небе звездочкою.*

Слово о полку замечает о князе Всеславе, что у него вещая душа была в теле, что он «в ночь влком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур (до петухов) Тмутороканя, великому Хрьсови¹ влком путь гтрерыскаше»², то есть достигал Тмутаракани до рассвета, предупреждая восход солнца.

В зимние месяцы небо и царствующие на нем светила помрачаются густыми туманами, бог-громовник перестает разить демонов и заключается в окованные стужей тучи; таким образом, все светлые боги облакаются в темные облачные покровы и теряют свою благодатную силу — или, выражаясь мифически, надевают мохнатые одежды, делаются оборотнями и подчиняются злой чародейке — зиме. В ту печальную пору колдуны, ведьмы и демонические духи овладевают небесным царством, набрасывают на богов волчьи и другие звериные шкуры, превращают их в мифических животных, в образах ко-

¹ О значении Хорса см статьи Бодянского в Ч. О. И. и Д. год первый, II, 8—11, Срезневского — в Ж. М. Н. П., 1846, VII, 49—51 и Прейса — ibid, 1841, II, 31—37. Имя Хоре (Хърсь, Хръсь) встречается во многих старинных памятниках (П. С. Р. Л., I, 34; Изв. Акад. наук 1853, 118; Лет. рус лит-ры, кн. V, 5; т. IV, 89, 92—99, 104; Оп. Румян, муз., 228; Пам стар, рус лит-ры, III, 119; Щапов, 8); исследователи признают его тождественным Дажьбогу: в санскр. солнце — sflrya (ведаич. sur, sura) = svarya от svar — свет, небо: слову svar в зендском соответствует hvare, род huro — солнце, перс chur, hor, ose chur (Пикте, II, 667).

² РусДост., III, 196—200.

торых и пребывают они до начала весны. Такое невольное превращение в сказаниях индоевропейских народов называется околдованием, зачарованием, заклятием

Одно из таких сказаний — сказка о заклятых детях. «Если б Иван-царевич взял меня замуж (говорит красная девица), я бы родила ему сыновей — по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» или: «Во лбу красное солнце, на затылке светел месяц, по косицам частые звезды». Иван-царевич взял за себя девицу; пришло время, родила ему царевна сыновей — таких ненаглядных, каких обещала; но злая ведьма (иногда ее заменяют завистливые сестры: пряха, что с помощью одного веретена может одеть все царство, и искусная ткачиха, обещающая выткать ковер-самолет, то есть вещицы жены, изготовительницы облачных тканей, и вместе с тем злые парки) подменяет их щенками и котятками, а настоящих детей прячет в подземелье возле старого дуба.

Родила еще царевна сына-богатыря и успела скрыть его от ведьмы за пазухой; между тем ее осудили, посадили в смоленную бочку, оковали железными обручами и пустили в океан-море глубокое, а Иван-царевич женится на дочери хитрой волшебницы. Долго носило бочку по морю и наконец прибило к далекому берегу, а тем временем сын-богатырь растет не по дням, а по часам, как тесто на

опаре всходит; вырос, потянулся — и вмиг бочку разорвало, железные обручи поспадывали. Мать с сыном выходит из бочки; богатырь с помощью кремня и огнива, топора и дубинки (эмблемы молнии) строит славный дворец, добывает разные диковинки (мельницу, которая сама мелет, сама веет, пыль на сто верст мечет, кота Баюна, который пески поет, сказки рассказывает, и золотое дерево с певчими на нем птицами) и освобождает из подземелья братьев.

Доходит о том слух до Ивана-царевича, он приезжает посмотреть на диковинки — тут все изобличается, ведьму предают казни, и царевич берет к себе прежнюю жену. Интересен вариант, записанный в Пермской губернии: молодая царица родила трех чудесных младенцев; Баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взамен их подложила простого крестьянского мальчика. Царь разгневался на жену, велел посадить ее вместе с ребенком в бочку и пустить в сине море. Бочка пристает к пустынному берегу и разваливается; царица и подкидыш выходят на сухое место, молят Бога даровать им хлеб насущный, и по их молитве превращается вода в молоко, а песок в кисель. Проходили мимо нищие и немало дивились, что вот живут себе люди — о хлебе не думают: под руками река молочная, берега кисельные; пришли к царю и рассказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успел на

другой жениться — на дочери Бабы-яги. Услыхала те речи новая царица, выскочила и крикнула: «Экое диво рассказывают! у моей матушки есть получше того: кувшин о семи рожках — сколько ни ешь, сколько ни пей, все не убывает». Этими словами она отуманила царя: то хотел было ехать, на диво посмотреть, а то и думать перестал. Когда сведал про это подкидыш, тотчас же собрался в путь и унес у Бабы-яги заветный кувшин. Снова заходят к царю нищие, рассказывают про реку молочную, берега кисельные и кувшин о семи рожках. Ягинишна выскочила «Нашли, — говорит, — чем хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый сад, в том саду птицы райские, поют песни царские».

Подкидыш отправился сад добывать, обошел вокруг него и, произнеся заклятие «как дует ветер, так лети за мною зеленый сад!», заиграл в дудочку — и тут же минутой деревья двинулись с места и последовали за своим вожатым. Тогда Ягинишна стала похвально зеркальцем: «У моей матушки есть почище того: чудное зеркальце — как взглянешь в него, так сразу весь свет увидишь!» Подкидыш заказал кузнецу сковать три прута железных да щипцы, пришел к Бабе-яге, поймал ее за язык щипцами, начал бить прутьями железными и заставил отдать себе зеркальце.

Принес зеркало домой, царица глянула в него и увидела своих деток волчатами — на чистой поляне,

промеж густого орешника, по травке-муравке валяются. Подкидыш вызвался на новое дело: он пришел на поляну и, пока волчата спали, развел костер и связал у них хвосты в один крепкий узел да как крикнет зычным голосом: «Не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бежать в разные стороны — волчьи шкуры с них миглом слетели, и явились три добрых молодца, три родных братца.

Подкидыш схватил волчьи шкуры и бросил в огонь; когда они сгорели, братья воротились к матери. Услыхал царь про царицу и царевичей, не вытерпел, поехал к ним и узнал все, что было; в тот же день он приказал расстрелять Бабу-ягу вместе с ее дочкой. Сказка эта передается еще со следующими отменами: царица породила двух сыновей и третью дочь-красавицу, которая когда улыбалась — розы сыпались, а когда плакала — вместо слез алмазы с бриллиантами падали.

При самом рождении дети подменяются щенками да котятами; впоследствии царевичи были превращены в камни, а царевна добывает птицу-говоруню, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращает братьев к жизни, колдовство рушится, и правда торжествует над злобою¹. В немецкой редакции поющее дерево названо *sonnenbaum*, а живая

¹ Н. Р. С, VI, 68—69; VIII, 553—6.

вода — sprinpande wasser; на солнечном дереве красуются золотые плоды, и блеск их так силен, что прогоняет ночную тьму.

Подобные сказки составляют общее наследие индоевропейских народов¹. Внимание наше прежде всего останавливается на тех чудесных приметах, с какими рождаются на свет царевичи: во лбу красное солнце, на затылке светел месяц, по бокам (или косицам) часты звезды; по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре; волосы у них золотые или на каждом волоске по жемчужине; сымая свои шапочки, они все вокруг себя освещают яркими лучами. Такие приметы указывают, что это — не простые смертные, а светлые боги, представители высокого неба и тех блестящих светил, которые присвоены им как всегда присущие атрибуты.

Красное солнце во лбу напоминает глаз Одина, месяц на затылке — лунный серп, венчающий голову Дианы, частые звезды по телу — многоочитого Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтичес-

¹ Slov. pohad, 470—7; Пантеон 1854, V, смесь, 1—4; Матер, для изучен, нар. слов, 32—33, 57—72; Ган, 69; Рус. Вест, 1857, V, 32 (о древнефранцузской поэме «Le chevalier au Cygne»; Вольф, 168—177); Zeitschr. fur D. Myth, 1, 453—8.

² Н. Р. Ск, VI, 62; Худяк, III, с 131; Приб. к Изв. Акад наук, 1853, 167; сб. Валявца, 124; Шлейхер, 10; Срп. припой, с, 74: «чадо златоруко и златокосо», с 128; дева со звездой на правом колене; D. Myth, 364; сказ. Гримм, I, с 56; Шотт, 16, 23.

кие обозначения солнечных лучей. Сестрою этих сказочных героев является прекрасная дева Зоря, рассыпающая по небу розовые цветы и роняющая алмазные слезы в утренней и вечерней росе. В соответственной новогреческой сказке¹ прямо указано, что царицею были рождены Солнце, Луна и Денница.

Рождение Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачивает на лето; но этот поворот совпадает с самыми сильными морозами, вьюгами, метелями и самым неистовым гульбищем нечистых духов и ведьм. Злая колдунья Зима тотчас же овладевает светоносным героем и его братьями и обращает их в волчат (на языке Эдды зима — wohzeit); подмен новорожденных щенками и котятами обозначает ту же мысль: боги ли превращаются в зверей или звери заступают их место — это только различные формы выражения, суть же остается неизменною. Сверх того, фантазия воспользовалась и другими метафорическими выражениями: ведьма прячет новорожденных в темные подземелья (в мрачные вертепы туч) и даже подвергает их окаменению.

Но с приходом весны владычество темных сил оканчивается: бог-громовник, заключенный в бочку-облако, несется по воздушному океану, разрывает

¹ Ган, II, с 40.

В числе других диковинок (чудесная мельница и летучий сад) бог-громовник отымает у ведьмы слав-

Сила околдования или заклятия обращает сказочных героев различными зверями (волком, медведем, рысью, конем, собакою, козлом и бараном), чудовищными змеями и гадами (жабою, лягушкою и проч.)¹, и во всех этих метаморфозах главное значение принадлежит шкуре животного. В Белоруссии для тех оборотней, которые являются в виде жаб, лягушек и кошек, употребительны названия «жабалака» и «кошкалачень», названия, образовавшиеся наподобие слова «вовкулак» и буквально означающие жабую (лягушечью) и кошачью длаку². По свидетельству народной сказки, Царевна-лягушка освобождается от заклятия после сожжения ее лягушечьей кожины; точно так же предаются

² МОСКВ., 1853, V, 6.

На Руси хранится такое предание: красавица, превращенная мачехой-ведьмою в рысь, прибежала к своему осиротелому ребенку, сбрасывала с себя звериную шкуру и кормила его материнскою грудью, а накормив, снова оборачивалась рысью и удалялась в дремучий лес; муж красавицы, улучив удобную минуту, захватил звериную шкуру, спалил ее на огне и тем самым освободил свою подругу от волшебного очарования. В норвежской сказке¹ один из королевичей, превращенных в жеребят, говорит своему избавителю: «Возьми этот старый меч, в день твоей свадьбы ты должен отрубить нам головы и сиять лошадиные кожи; тогда мы опять сделаемся людьми. Злой тролль набросил на нас эти кожи — и мы стали жеребятами». Подобное указание встречается и в сказках немецких и славянских²; меч — метафора молнии, которая, нанося удар оборотню, совлекает с него облачный покров.

1 IU.

³ H.P.CK,VI,68CL

Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является в той же роли избавительницы, какую в вышеприведенной сказке исполняет богиня Зоря. Белоснежка выросла и отправилась искать братьев; после долгого странствования ей удалось достигнуть своей цели. «Для того чтобы избавить нас, — сказали ей королевичи, — ты должна набрать пуху с цветов одуванчика, расчесать этот пух, выпрясть, выткать и сшить нам двенадцать сорочек и столько же шапочек и шейных платочков; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смеяться». Белоснежка согласилась, и братья повели ее на широкий луг, на котором пестрели одуванчики. Всякий день она собирала

² Н.Р.Ск,И,З.

мягкий пух и долго сидела за пряжею, дожидаясь братьев.

Однажды, когда прекрасная королева собирала пух с цветов, вблизи того места охотился молодой король. Он увидел Белоснежку и, пораженный ее красотой, остановился и повел было речь, но дев¹ упорно молчала. Король посадил ее на коня и увез к себе, вместе с мешком, в котором лежала начатая ею работа. Вскоре он задумал на ней жениться, но его мачеха была против этого брака «Смотри, — говорила она, — чтоб не взять, за себя ведьмы! ведь недаром же она все молчит, не плачет и не смеется». Король не послушался и женился. Белоснежка и после свадьбы продолжала шить братнины сорочки.

До истечения года она родила сына; но злая мачеха, войдя ночью в спальню, унесла ребенка и бросила его в змеиную яму, потом разрезала свой палец, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «Ступай посмотри: твоя жена съела свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простил ее. На другой год Белоснежка опять родила сына, а на третий — дочь; старая королева выкрала и этих детей. Тогда раздраженный отец отдал приказ сжечь свою жену на костре. Приготовили костер, зажгли и повели Белоснежку; она захватила с собой и свое рукоделье: только сорочка младшего брата была не дошита, все остальное было готово.

Вдруг послышался шум в воздухе — прилетело двенадцать диких уток, всякая ухватила свое платье в носик и накинула на себя, и в ту же минуту все двенадцать превратились в королевичей; только у меньшего брата вместо левой руки осталось утиное крыло. Срок испытания кончился; Белоснежка могла говорить, плакать и смеяться; истина открылась, и злоба мачехи была наказана¹. С первого взгляда свидетельство этой сказки как бы противоречит сделанным нами выводам: не совлечение, а, напротив, накладывание верхних покровов возвращает превращенным королевичам их настоящие образы. Но взглянемся ближе, и мы увидим, что никакого противоречия не существует.

По древнему представлению, тело есть одежда (lik-hamr), в которую облачается бессмертный дух в известное время; это — та жизненная сорочка, изготавливаемая девами судьбы, в какой является на божий свет новорожденное дитя. Отсюда возникло верование, что душа может менять свой телесный покров, воплощаться то в одну, то в другую форму.

Вот почему как набрасывание мохнатой шкуры или пернатой сорочки (то есть звериной или птичь-

¹ См. подобные же сказки в собрании Гримм, 9, 25, 49, 93; Вольф, 217—224; Zeitsch. für D. M., 310—5; Westsl. March. 112—6; Slov. pohad., 275—295; сб. Валявца, 218—221; «Mati rակlela sine na gavrane».

ей телесной оболочки) превращает человека зверем и птицею, так точно набрасывание людской одежды (korperhemd, fleischgewand) должно возвращать оборотню образ и подобие человека¹. По народному убеждению, если унести человеческое платье оборотня, то он уже не в силах будет восстановить свой прежний образ и останется навсегда зверем; оттого-то ведун, снимая одежду — с целью перекинуться в зверя, — старается запрятать ее так, чтобы никто не мог найти и овладеть ею.

В старинной французской повести (Lai du Bisclavaret — XIII в.) рассказывается об одном рыцаре, проживавшем в Бретани; каждую неделю он уходил от своей молодой жены, раздевался донага, прятал снятое платье и, превращаясь в волка, в течение трех дней оставался в лесу. Коварная жена выпытала от мужа тайну и похитила его платье; с тех пор он рыскал волком и не прежде сделался человеком, как получив обратно свою похищенную одежду².

¹ Germ. Mythen, 691: «Da nannte hamaz das Gewand umziehen, die Verwandlung hiess hamaskipti».

² Как-то охотился король; собаки напали на Биславарета и страшно его искушали. Увидя короля, волк подбегает к нему, целует его ноги и просит знаками о пощаде. Король взял волка с собою и держал в своей опочивальне; волк был кроток, как ягненок, и только однажды обнаружил зверское бешенство, бросившись на королевском празднике на свою бывшую жену и откусив у нее нос. Это возбудило подозрения: произвели допрос, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратить рыцарю его платье. — 0.3, 1860, X, 680—2; D. Myth, 1050.

Возвращаемся к Белоснежке и ее братьям — восстановление человеческого образа совершается при посредстве тонкой, вытканной из пуха цветов сорочки. В немецкой редакции героиня, чтобы избавить братьев, превращенных ведьмою в лебедей, приготовляет для них сорочки из цветов sternenblumen¹; а в хорутанской редакции братья-вороны требуют от сестры рубашек «iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim casom dok bude ove rubace delala, z nikem se ne bu spominjala»². Эти сорочки тождественны с теми чудесными нарядами, блистающими как солнце, месяц и звезды, о которых упоминают другие народные сказки.

Одетые во время зимы в животные шкуры, небесные боги просветляются с возвратом весны, рядятся в блестящие, светозарные одежды и с тем вместе снова обретают те прекрасные человекоподобные формы, в каких обыкновенно олицетворяла их фантазия. Этот счастливый исход возможен только под условием, чтобы сказочная героиня не плакала, не смеялась и не говорила целые семь лет³, то есть освобождение наступает не прежде, как по истечении семи зимних месяцев, в продолжение которых дева Зоря (царевна Несмеяна) не плачет — не роняет росы и не смеется, не рассыпает розовых, золотистых лучей;

¹ Сказки Гримм, 49.

² Сб. Валявца, 219.

³ D. Myth, 1052.

На Украине и в Белоруссии таких невольных оборотней называют вовкулаками, потому что всего чаще их представляют в виде волков. Это — более страждущие, чем зловередные существа; они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий смысл и почти никогда не нападают на деревенские стада; только нестерпимый голод может понудить их искать себе поживы. Нередко бродят они возле родного села и, когда завидят

Другая ведьма оборотила волком своего соседа, который впоследствии, когда освободился от заклятия, рассказывал, что, будучи оборотнем, он подружился с настоящим волком, ходил с ним на добычу и хотя чувствовал себя человеком, но не мог выражать своих мыслей словами, а выл по-волчьи¹. Выше указано, что в летних грозах древний человек созерцал свадебное торжество, брачный союз, в который бог-громовник вступал с облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая ведьма Зима накидывала на них волчьи шкуры,

¹ Москв, 1846, XI—XII, 152; Кулиш, II, 35-36; Приб. к Ж. М. Н. II, 1846, 8-9; Рус Вест, 1842, V—VI, 123; Совр, 1856, XII, 194; Пов. и пред., 91—96.

то есть оцепеняла стужею и лишала плодотворящего семени дождя. Отсюда родилось поверье, что колдуны и ведьмы всего чаще оборачивают в волков или собак новобрачную чету и свадебных поезжан¹. В числе ведовских грехов народный стих упоминает:

*По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьям оборачивала².*

У белорусов сохраняется предание, что некогда праздновалась свадьба — и вдруг неожиданно-негаданно среди шумного веселья жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков, женщины — в сорок, а невеста — в кукушку, с той самой поры эта горемычная кукушка носится следом за своим сиротенком и роняет несчетные слезы; там, где она пролетает, текут ручьи и растет трава, известная под названием «кукушечьи слезы»³. Скандинавская мифология заставляет волков сопутствовать богу побед, а потому шведы появление вовкулаков связывают с военной грозой. Когда во время последней войны Швеции с Россией около Кальмара появилось множество волков, то между окрестными жителями пронесся слух, что эти волки суть шведские пленники, превращенные чарами неприятеля в зверей и посланные опустошать свое соб-

ственное отечество⁴. По указанию старинной былины, чародейка Марина, любовница Змея Горыныча, превратила девять богатырей быками, а десятого, Добрыню, гнедым туром — золотые рога⁵.

Средства, употребляемые колдунами и ведьмами для превращения людей в животные образы, сходятся с теми, силою которых они сами становятся оборотнями. Средства эти следующие.

а) Набрасывание звериной шкуры. Крестьяне уверяют, что в старые годы случалось, снимая шкуру с убитой волчицы или медведицы, находить под нею бабу в сарафане. Есть рассказ, что на охотничьей облове убили трех волков и когда стали снимать с них шкуры, то под первую нашли молодого жениха, под вторую — невесту в ее венчальном уборе, а под третьей — музыканта со скрипкою⁶. Однажды пристала

¹ Zeitsch.für D. Myth., IV, 197.

² При этом Марина похвалялась: «А и нет меня хитрее, мудрее». Но сыскалась волшебница похитрее ее. «Я не хвастаю, — сказала она, — а хочешь — оберну тебя сукою!». — Кирша Данилов, 66—69; Нар. сказ. Сахарова, 30—36.

³ Семеньск, 142; Абев, 80; Иллюстр., 1845, 415; Н. Р. Лег, XI: медведь, говорят поселяне, был прежде человеком. Когда-то в старину странствовали по земле св. Петр и св. Павел. Случилось им проходить через деревню около моста. Злая жена и муж согласились испугать святых путников, надели на себя вывороченные шубы, притаились в укромном месте, и только апостолы стали сходить с моста — они выскочили им навстречу и заревели по-медвежьи. Тогда апостолы сказали: «Щоб же вы ривили отныни и до вика!» С той самой поры и стали они медведями.

¹ Иллюстр., 1845, 183; Киев. Г. В., 1845, 16.

² Лег. рус лит-ры, к. II, 156.

³ Иллюстр., 1846, 149.

на дороге к извозчикам черная собака — такая умная, что всем на диво, что ни скажут ей — все понимает, только говорить не умеет. «Уж не оборотень ли это?» — подумали извозчики и показали собг знахарю. Тот сейчас узнал, что собака не простая, и говорит им: «Истопите баню как можно жарче и тащите туда черного пса, положите на полки и парьте так, чтобы шкура долой слезла; слезет шкура — человек будет!» Извозчики так и сделали: ошпарили оборотня, шкура слезла — и стал перед ними знакомый парень из соседней деревни; начали его расспрашивать и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья¹. Рассказ этот любопытен как отголосок древнего представления, что облачные шкуры исчезают в потоках дождя — в грозовой бане.

б) Волшебная пауза. Чтобы превратить свадебное сборище в стаю волков, колдуны берут столько ремней или мочалок, сколько нужно оборотить лиц; нашептывают на них заклятия и потом этими ремнями или мочалами подпоясывают обреченных, которые тотчас же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе может получить прежний человеческий образ, как разве в том случае, когда чародейный пояс изотрется и лопнет; но и после избавления долгое время бывает дик, сумрачен и не скоро привыкает людской речи.

¹ Чудинск., 115 — 6; сравни Н. Р. Ск., VIII, с. 678 — 9.

² Ворон. Беседа, 195; Пов. и пред, 178 — 9; Lud Ukrain, II, 229.

В подляшской Руси рассказывают, что ведьма, с целью обратить свадебный поезд в волков, скрутила свой пояс и положила его под порог избы, где праздновалась свадьба, и все, кто только переступил через пояс, оборотились волками. По другому рассказу, она крутила для этого липовые лыки, варила их и приготовленным отваром обливала поезжан. Через три года ведьма покрыла каждого оборотня тулупом (человеческой одеждою — *lihhamo*), и в ту же минуту все они сделались людьми, только у жениха уцелел волчий хвост, потому что случайно не попал под тулуп, наброшенный ведьмою.

По указанию славянских сказок, ведьма оборачивает доброго молодца конем накидывая на него узду. Немецкие предания говорят о волчьем поясе и медвежьем ошейнике, чрез посредство которых совершается превращение в волка и медведя; на шведских островах новобрачные, превращенные в волков, узнаются по кольцам надетым на их шеи. В «Мифологии» Гримма приведен рассказ о гусе-оборотне, который однажды покусался с другою птицею, и та сорвала ему с шеи волшебную повязку (*tuchlein*); едва повязка упала — как в то же мгновение гусь превратился в человека. Наконец, сами колдуны и ведьмы, желая преобразиться в зверей, набрасывают на себя кольцо или кувыркаются через обручи. Польск *przedziergnac* — перевязать узлом *przedziergnac sie* (*przedzierzgnac-siej* — преобразиться, принять иной вид.

По древнейшему воззрению, душа, облекаясь в телесную одежду, соединяется с нею таинственной связью; как скоро эта связь (веревка, цепь или кольцо) будет разорвана, душа покидает тело и остается на свободе до нового воплощения в ту или другую материальную форму. Вот почему всякая метаморфоза человека (воплощение его души в звериное или птичье тело) скрепляется наложением волшебной наузы, а восстановление человеческого образа требует ее снятия.

По другим же сказаниям, колдун или ведьма не прежде может превратить человека в зверя, как снявши с него пояс, то есть разрешив ту связь, которая существует между его душою и человеческим телом. В романской и немецкой средневековой литературе встречаем предание о рыцаре-лебедь. Молодой витязь женился на вещей красавице (валькирии), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всех мальчиков на шеях было по золотому ожерелью.

Злая свекровь велела подменить детей щенятами. Обманутый муж зарывает невинную жену по пояс среди двора; над головой ее поставили лохань, в которой дворочная челядь мыла свои руки и отирала их прекрасными волосами несчастной женщины. Так пробыла она целые семь лет. Между тем детей ее приотил некий пустынный, а робкая лань вскормила их своим молоком. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять с них золотые ожерелья;

слуга пришел на реку: шестеро братьев, в виде лебедей, плавали и резвились по воде, а сестра сидела на берегу; тут же лежали и золотые цепи. Слуга захватил цепи и принес в замок; свекровь приказала сковать из них кубок.

Но кузнец употребил в дело только одну цепь, а прочие спрятал. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельев, уже не могли восстановить свои человеческие формы; они полетели на озеро, к замку своего отца, а вслед за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются так, что отец узнает своих детей, освобождает красавицу жену и карает преступную мать. Отданные кузнецом ожерелья возвращают пятерым сыновьям их человеческие образы, и только шестой, ожерелье которого было уничтожено, остался навсегда лебедем¹.

с) Народные сказки свидетельствуют еще, что колдуны и ведьмы превращают людей различными зверями и птицами, ударяя их зеленым прутиком, палкою или плетью (кнутом-самобоем)². Такое верование разделялось и греко-италийским племенем

¹ Потебня, 140; Н. Р. Ск., VII, 36; Иличъ, 290; Germ. Mythen, 693—6; D. Myth., 399—401, 1049—1052; Nord Marchenbuch, 107; O.3., 1860.X, 649.

² Так колдун и его любовница превращают мужика в кобеля, дятла, воробья и черного ворона; тем же способом сам колдун был превращен в жеребца, а его любовница — в козу и кобылицу. — Н. Р. Ск., VIII, 22, 26.

С каждым дуновением ветра, с каждым извивом молнии и раскатом грома в облаках тучи меняют

² Lud Ukrain, II, 228; Семейск., 142—3.

В ближайшем родстве с ведунами, ведьмами и оборотнями стоят упыри или вампиры. Название это, упоминаемое в Паисьевском сборнике («а пе-

¹ Н. Р. Ск, V, 22; VI, 45; Труды Моек археол общ, I, в. 2, 241-2.

реже того клали требу упирем и берегиням»), и доныне известно почти во всем славянском мире. У нас поверья о злобных, блуждающих упырях преимущественно уцелели на Украине и в Белоруссии; это — мертвецы, бывшие при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Впрочем, и в губерниях великорусских не совсем исчезло воспоминание об этих загробных выходах.

По указанию словарей, упырь — колдун, превращающийся волком, человек с хвостом¹. По мнению малорусов, упыри нарождаются от блудной связи вовкулака или черта с ведьмою², и народная пословица утверждает: «Упир и непевний усим видьмам родич кровний»³. В глухую полночь выходя из могил, где лежат они нетленными трупами, упыри принимают различные образы, летают по воздуху (Харьковская губерния), рыщут на конях по окрестностям, подымают шум и гам и пугают путников или проникают в избы и высасывают кровь из сонных людей, которые вслед за тем непременно умирают; особенно любят они сосать кровь младенцев. Если сложенные накрест руки

¹ Обл сл., 239; Труды Об-ва любит, рос слов, III, 320.

² Маркевич, 78—79.

³ Номис, 4.

упыря окоченели и он не в состоянии их развести, то прибегает к помощи зубов; а зубы у него — словно стальные клыки и сокрушают всякие преграды. Прогрызая двери, он прежде всего бросается к зыбке, высасывает кровь ребенка и потом уже нападает на взрослых.

Предраcсветный крик петухов заставляет упыря мгновенно исчезать или повергает его окровавленного наземь — в совершенном бесчувствии. Посыпая пол около постелей мелкою солью, замечают поутру следы ног, оставляемые ночным гостем, а раскапывая его могилу, находят в ней мертвеца с свежим румянцем на щеках и с запекшеюся на устах кровью⁴.

В Тамбовской губернии⁵ можно услышать следующий рассказ: ехал мужик мимо кладбища, а рк стемнело. Нагоняет его незнакомец в красной рубахе и новом полушубке. «Остановись! — говорит. — Возьми меня в попутчики». — «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому: хоть ворота и настезь, а незнакомый говорит: «Заперто!» — потому что на тех воротах кресты выжжены. Подходят к крайнему дому, ворота на запоре и замок в полпуда висит, но креста нету — и во-

⁴ Иличь, 294; у вукодолаков железные зубы.

⁵ Маркевич, 78—79; 0.3, 1848, IV, 146; Москв, 1853, V, 14; Zeitschr, fur D. Myth, IV, ст. Маннгардта, 264.

⁶ Тамб.Г.В., 1857, 4.

рота сами собой отворяются. Вошли в избу; там на лавке спят двое: старик да молодой парень. Незнакомец взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас спина открылась и полилась алая кровь; нацедил полное ведро и выпил. Затем другое ведро крови нацедил он из старика, утопил свою зверскую жажду и говорит мужику: «Уж светает! пойдем теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели — и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень, и старик — оба померли.

По другому рассказу¹, колдун-мертвец является на свадьбу, вынимает два пузырька, ранит шильцем руки жениха и невесты и точит из них горячую кровь. Болгары убеждены, что по смерти злодеев, грабителей и вообще людей с порочными наклонностями в тела их вселяются нечистые духи и они становятся вампирами. Уверяют еще, что если кошка перепрыгнет через покойника, когда он лежит в избе, то умерший непременно сделается вампиром; поэтому во все время, пока не похоронят покойника, при нем находится один из родичей и заботливо оберегает его от такого несчастья.

Спустя сорок дней после кончины человека злой дух, поселившийся в его трупе, начинает выходить

¹ Н. Р. СК, V, 30d

из могилы, бродит по домам и сосет кровь из ушей младенцев и взрослых. Как только пронесется молва о загробном выходе, поселяне собираются на ночь по несколько семейств в одну избу и двое из мужчин поочередно караулят до самого рассвета: если кто-нибудь во сне станет сильно храпеть или стонать от удушья, то стоящие на страже немедленно будят всех и принимаются искать вампира. Этот злой мертвец нередко появляется в образе варколака, бросается на женщин и вступает с ними в блудную связь; рожденные от него дети бывают без хряща в носу (отличительный признак и самого варколака) и обладают способностью видеть духов.

Чтобы избавиться от вампира, его заклинают войти в кувшин; после заклятия горло кувшина затыкают пробкою и затем отправляются на избранное место; там зажигают несколько возов дров и дерну и бросают кувшин в середину пламени: когда сосуд раскалится и лопнет с сильным треском, «народ успокаивает себя мыслию, что вампир уже сгорел»¹.

Точно так же и сербы отождествляют вампира с вукодлаком. По словам Караджича, вукодлаком называется человек, в которого спустя сорок дней после его кончины входит дьявольский дух и оживляет

¹ Н. Р. СК, V, 30 d

его бесчувственное тело («повалшири се»). Вставая из гроба, он бродит по ночам одетым в саван («с покровом на рамену»), прокрадывается в избы, давит спящих людей и пьет из них кровь, отчего эти несчастные не только умирают, но и сами становятся вампирами (кровососами). Каждый покойник может «повампириться», если через него перелетит птица или перескочит какое-нибудь животное¹; потому сербы и считают священной обязанностью наблюдать чтобы ничего подобного не случилось с их усопшим родичем

Упитанный человеческой кровью, вукодлак лежит в могильной яме — тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлак является к своей овдовевшей жене (особенно если она молода и красива) и спит вместе с нею; говорят, «да оно Ајере нема костцу², ісоје се роди с вукодлаком». Вампир может проникать в дома сквозь всякую щель, и потому запирать от него двери так же бесполезно, как и от ведьмы³. Словенцы и кашубы называют упырей вещими (vicszy), то есть признают их ведунами и ведьмами; а соседние с кашубами немцы дают им прозвания begierig, unbegier и blutsauger.

«Вещий» — это человек, рождающийся на свет с зубами или в сорочке; когда он умирает, лицо его со-

¹ Ж. М. Н. П., 1846, XII, 206-8.

² Не имеет костей.

³ Срп. рје-шак, 79; Вест. Евр, 1829, XXIV, 254—5.

храняет яркий румянец, а левый глаз остается открытым К покойникам, у которых заметят эти признаки, простолюдины относятся с чувствами невольного страха и озлобления.

На Руси и в Германии существует примета, по которой открытые очи мертвеца высматривают, как бы увлечь кого-нибудь в могилу; оскаленные зубы мертвеца и румянец на его щеках указывают в нем вампира. По рассказам кашубов, зарытый в землю вампир, пробуждаясь от могильного сна, начинает грызть свои руки и ноги, и покуда он грызет, один за другим заболевают и умирают сперва его родственники, а потом и другие обыватели.

Когда вампир изложет свое собственное тело, он встает в полуночный час из гроба, отправляется в стадо и губит 1фестьянский скот или взбирается на колокольню и принимается звонить, всякий, кто услышит этот звон, делается добычею смерти. Но чаще всего вещие мертвецы являются ночью в дома, подступают к сонным людям и высасывают из них кровь, а насытившись, возвращаются в могилы. Тот, кого сосал «вещий», уже не пробудится больше: поутру находят его в постели мертвым, с маленькою, едва заметною ранкою на левой стороне груди, прямо против сердца, или с очевидными знаками укушения на левом грудном соске.

Если разрыть могилу вампира (хотя бы через год после его погребения), то легко убедиться, что за-

ключенный в ней мертвец не подвергается тлению, что руки и ноги его страшно изгрызены, а губы обогрены свежеею кровью¹. Подобные басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (польск. *upior*, *upir* и *upierzysa*, чеш. *upir* и *uperice*); марлаки и далматинцы рассказывают о вакодлаках, сосущих кровь младенцев; истрияне называют упыря *slrigon*; по лужицкому поверью, когда мертвец принимается жевать свой саван или сосать собственную фудь, то вслед за ним сходят могилу и все его родственники; поляки также приписывают упырям пожирание погребальных оде и покровов².

Предания о вампирах не составляют исключительной принадлежности славян; они распространены почти у всех индоевропейских народов и должны быть возведены к древнейшей эпохе племенного единства. Валахи знают вампиров под именами *murony* и *priccolitsch*. *Murony*, по их мнению, — Д' умерщвленного вампиром или существо, рожденное от любодейной связи; днем покоится он в могиле, а ночью прилетает к людям, питается их кровью и принимает различные образы, превращаясь в собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососных насекомых

¹ Zeitsch. fur D. Myth, IV, 259—264; Этногр. сб, V, ст. Гильфердинга, 69—70, 133.

² Вест. Евр, 1823, XXIII—IV, 200; Москв, 1853, V, 14.

³ Zeitsch. fur D M, IV, 265—9.

(вошь, блоху, клопа, паука), Разрывая его могилу, находят в ней цельный, неистлевший труп, из глаз, ушей, носа и рта которого струится свежая кровь, а на руках и ногах видны недавно выросшие ногти. *Priccolitsch* — оборотень, являющийся в образе собаки; в ночное время он рыщет по лесам, пастбищам и селам умерщвляет своим прикосновением лошадей, коров, овец, коз, свиней и уливается их кровью.

Новые греки смешивают вампиров с вовкулаками. Злые демоны, овладевая трупами усопших под церковным проклятием, одушевляют этих мертвецов, делают их оборотнями ((Зоирхблахес,) и чрез их посредство распространяют повсюду свое губительное влияние. *РоирхбХахес*. бегают ночью по улицам стучатся в двери домов и выкликают имена местных жителей; кто отзовется на их оклик — тот немедленно умирает, подобно тому, как, по славянским преданиям, все отозвавшиеся на голос Моровой девы гибнут от заразы.

В Германии существует поверье, что с кончиною ребенка рожденного с зубами во рту, начинается всеобщая, повальная смертность; существуют также сказания о мертвецах, которые, лежа в могилах, грызут свое собственное тело и одежды, а по ночам выходят из гробов, давят сонных и насылают на окрестное население мор¹. Чудовищный

¹ Zeitsch. fur D. — M, IV, 270—6, 279—282; Шотт, 297—8.

Грендель, о котором упоминает поэма о Беовульфе и который приходил ночью сосать кровь из жил спящих воинов, вполне соответствует жадным вампирам и вовкулакам; мать Гренделя носила прозвание волчицы. Яков Гримм указывает подобное же свидетельство в одной из древнесеверных саг¹.

Слово вампир — упырь (упир, впир, женск. — вампёра, упирица, упирина, uiparja) доселе не объяснено надлежащим образом; исследователи сближают его с литовским wempti — пить (*aiiu* wempti — потягивать брагу, wempti, wampiti — ворчать, бурлить, бормотать) или производят от корня pi (пить), с приставкою у — av, va Если принять это производство, то вампир будет означать опойцу, существо, которое впивается в живое тело и сосет из него кровь, как пиявка Хорутане именуют вампира rija-wisa; о человеке с красным от опьянения лицом сербы выражаются: «црвен као вампир»; и сербы, и словаки горького пьяницу обзывают vlkodlak'oM². Это существенное, характеристическое свойство упыря роднит его со змеем (смоком), высасывающим из своих жертв молоко и кровь, и с великаном Опивалою.

¹ D. Myth, 969.

² Изв. Акад. наук I, ст. Микучк, 113; Zeitsch. fur D. — M, IV, 197—201; Часопись чеш. музея 1840, III, 242; Москв, 1853, У, 6.

Первоначально под именем упыря предки наши должны были разуместь грозового демона, который сосет тучи и упивается дождевою влагою, ибо в древнейших мифических сказаниях дождь уподоблялся крови, текущей в жилах облачных духов и животных. Очевидно, высасывание крови вампирами есть то же самое, что высасывание ведьмами и вовкулаками молока из небесных кобылиц и коров; меняются только поэтические краски, основная же мысль и там, и здесь — одна

Зимний холод, оцепеняющий дождевые тучи, повергает творческие силы природы усыплению, смерти, проклятию; бог-громовник и молниеносные духи — сосуны дождей — скрываются в облачных подземельях и засыпают в гробах-тучах. Но эта смерть — временная; с возвратом весны они пробуждаются, встают из гробов и начинают сосать молоко или кровь, то есть живительный дождь, из облаков, усыпленных чарами зимы. Сосут они по ночам, то есть во мраке грозowych туч, которые, облекая со всех сторон небо, претворяют светлый день в темную ночь; с возгласом петуха (знамение утреннего рассвета и громовых ударов, рассеивающих тучи) духи эти немедленно исчезают.

Вампир может высасывать жизненные соки (питаться кровью) не только являясь в дома и нападая на сонных; той же цели достигает он, терзая соб-

ственное тело острыми, железными зубами или принимаясь жевать свой саван, а по кашубскому поверью — и тогда, когда ударяет в колокол Саван в данном случае есть туманный, облачный покров, облегающий молниеносного духа, то есть телесная риза, в которой пребывает пламенная душа усопшего; железный зуб есть метафора молнии, а звон — громовых раскатов.

Таким образом, пробужденная молния начинает грызть облако, как свое тело или свой саван, и точить из него живую воду дождя, или, выражаясь поэтически, упивается горячею кровью. Замирая на зиму, духи-вампиры лежат в гробах-тучах нетленными мертвецами — подобно тому, как в действительности трупы усопших, покоясь в земле, охваченной зимнею стужей, не разлагаются до наступления теплой весны.

В русском народе доныне удерживается суеверное убеждение, что колдуны, ведьмы, опойцы и вообще люди, предавшиеся злему духу, проклятые или отлученные от церкви, по смерти своей не гниют, что мать сыра земля не принимает их, что они выходят по ночам из гробов, бродят возле прежнего своего жилища и являются к родным и соседям; поэтому и называют их полуночниками.

Существует рассказ о матери, которая прокляла своего сына, и труп его оставался нетленным целые сто лет; наконец его откопали, старуха мать,

которая еще продолжала жить, изрекла прощение — и в то же мгновение мертвец рассыпался прахом¹. Болгары через каждые три года разрывают могилы, и если найдут неистлевшие трупы, то, признавая этих мертвецов состоящими под родительским или священническим проклятием, снова отпевают их и возносят за них заупокойные молитвы².

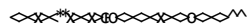
По древнему воззрению, в шуме весенней грозы праздновался брачный союз дьявола или вовкулака с ведьмою; плодом этого союза была летучая молния — упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно проникающее и потому, по мнению народа, рождаемое без костей³. Отсюда возникли сказания: во-первых, о плотском смешении вовкулаков с женщинами и, во-вторых, о появлении упырей на свадьбах и высасывании ими из жениха и невесты крови.

Рядом с этими мифическими представлениями необходимо поставить сербское предание о духе, излетающем из ведьмы. «Взештица, — говорит Караджич, — има у себи некакав паволски дух, kojn y сну из нѣе изи/ле и створи се у лепира, у кокош или у

¹ Статист, описание Саратов, губ., I, 59, 60; Тульск. Г. В, 1852, 26; 0.3., 1848, IV, 148; Маяк., VII, 72.

² Приб. к Ж. М. Н. П., 1846, 80 — 84.

³ Иличь, 294; Часопись чеш. музея 1863, I, 12: в «Mater verborum* vilkodlaci истолковано: incubi.

Їурку, па лети по куйама и јеае лѹде, а особито малу щецу; кал напе појејеКа гАје снава, а она га удари не каквом шинком гтреко АНЈеее сисе те му се отво преј док извади срце и из'еде, па се онда преј опсрасту. Неки тако из]едени лѹди одмах умру, а нек живе више времена, колико је она одсудила кад ј ерце јеАа, и онаковом смрти умру, на какову она бу де нашфнила... Кад у каквом селу помре много Ајене или лѹдии, и кад сви повичу на **Коју** жену да је вдештица и да их је она поЈАеа» — ту связывают и ведут на публичную расправу¹.

Этот кровососный дух называется јеАогоиба и признается существом, тождественным вампиру². Когда в семье умирают дети, то вновь народившегося ребенка мать нарицает Буком (валком): имя это дает она под влиянием мысли, что детей у нее поела злая вещица, «а на вука да не **he** CMЈera ударити»³.

¹ Срп. рјечник, 66—67. Перевод: «Вещица имеет в себе некий дьявольский дух, который выходит из нее во время сна, превращается в бабочку, курицу или индейку, летает по домам и поедает людей, особенно младенцев. Находя спящего человека, вещица ударяет его прутом в левый сосок, открывает ему грудь, достает и съедает сердце, после чего грудь опять срастается. Некоторые из этих лишенных сердца людей тотчас же умирают, а другие продолжают жить столько времени, сколько присудила им поедучая ведьма, и потом погибают назначенною от нее смертию».

² Ibid, 251.

³ Ibid, 78.

В одной из сербских песен спящий мальчик, которого будит сестра, отвечает ей:

*«Нет и, сејо, не могу;
Вештице су ме изеле:
Мајха ми срце вадила,
Стрина јо) лучем светлкла»¹.*

Итак, упырь есть порождение ведьмы, плод ее чрева (облака) или, по другому представлению, он — вечно живая, бодрствующая душа, исходящая из тела вещей жены во время ее глубокого, непробудного сна

Но сон — эмблема смерти, и в русском народе существует убеждение, что когда человек обмирает (лежит в летаргическом сне), то душа его, вылетая на свободу, странствует на том свете, созерцает рай и ад, и потом снова возвращается в свое покинутое, бездыханное тело². Отсюда очевидно тесное сродство упырей и ведьм с душами-эльфами или марами; подобно этим стихийным карликам, они незаметно проскользают сквозь щели и замочные скважины, налегают на сонных людей и причиняют им удушье. Падающие звезды и метеоры, связь кото-

¹ Срп. н. щесме, I, 162; Иличь, 291—3. Перевод: «Не могу, сестрица! вещицы меня изъели: мать вынула мое сердце, тетка ей лучиной светила».

² Иллюстр., 1846, 262.

рых с представлением души человеческой достаточно объяснена выше, в Харьковской губернии принимаются за ведьм, поспевающих на бесовские игрища.

Малорусы ведьму называют марою; чехи упырям и волкодлакам дают названия *moru*, *týgu*, *murasi* (сравни: волошск. *muruny*). Появляясь ночью, тйгу нападают на спящих, давят их и сосут кровь из сердца и молоко из женских грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своих детей от злой мары, заклиная ее не приближаться к своему ложу: «Мигу, тйгу! *ne pristupij k t e t i lozi, pokud nespocitas pisek v mosi, hvezdy na nebi, cesty na zemi*». По свидетельству Илича, *mora* — старая баба, которая по ночам превращается в муху или бабочку, прилетает в избы и душит людей¹.

Эльфические существа, известные в Малороссии под именем мавок, защекочивают парубков для того, чтобы упиваться их кровью²; о навах летопись сохранила любопытное известие, что они избивали народ — губили его моровою язвою. Излетающий из ведьмы кровососный дух принимает образ птицы, ночного мотылька или мухи и открывает грудь обреченного на смерть человека ударом прута, то есть

¹ Часопись чеш. музея, 1863, I, 11—12; Громанн, 25—26; Иличь, 298.

² Семеньск., 124; Маяк, XV, 31—35.

молнии, что вполне согласуется с русским поверьем, будто упырь прокалывает свою жертву острым шильцем, и с поверьем кашубским, будто умерщвленный вампиром имеет на груди маленькую рану. По немецким и славянским поверьям, колдуны и ведьмы выпускают эльфа-бабочку из-под своих густых, сросшихся вместе бровей, то есть молния разит как пламенный взор, сверкающий из-под нависших облаков.

О вовкулаке рассказывают, что когда он показывается в человеческом образе, то отличительного его примету бывают сросшиеся вместе брови¹. Птица, мотылек и муха — общеизвестные у арийских племен представления души, разлучившейся с человеческим телом. То же значение придавал миф и летучей мыши; замечательно, что слово «вампир» употребляется не только в смысле загробного выходца, полуночника, но и в смысле летучей мыши², которая обыкновенно прячется днем и показывается уже по закате солнца, почему и была названа нетопырем — *uvxherCs*, *vespertilio*. Сверх того, как существо стихийное, душа наравне с дующими ветрами и грозовым пламенем олицетворялась собакою и кошкою.

Отсюда создалось поверье, что мертвец тотчас же оживает и делается вампиром, как скоро через труп

¹ D. Myth., 1050.

² Москв, 1851, V, ст. Срезнев, 62.

его перепрыгнет собака, кошка или перелетит птица; на Украине же думают, что человек, которого овеет (одушевит) степной ветер, становится упырем. Подобно сербским вещицам, греко-италийские стриги, нападая на сонных, вынимают трепещущее сердце, жарят его и съедают, а взамен кладут в раскрытую грудь солому или полено, после чего человек продолжает жить без сердца¹. Румыны верят, что чародеи могут обвить сердце человеческое клубком ужей или змей, которые не перестают сосать его до тех пор, пока не высосут всю кровь до последней капли².

Могучий двигатель крови и необходимое условие жизни — сердце издревле принималось за вместилище души и ее способностей: мысли, чувства и воли³. Поэтому выражение «ведьма съедает сердце» следует понимать в том смысле, что она похищает у человека жизнь, извлекает из него душу, обращает его в бескровный труп. Такое объяснение вполне оправдывается поверьями, отождествляющими ведьм с нечистыми духами повальных болезней и с боги-

¹ Часопись чеш. музея, *ctnacty rocnyk* в III, ст. Вагилевича: «o upřech a wid'mach», 238.

² D. Myth., 1035.

³ Телескоп, 1833, VIII, 504.

⁴ У нас говорится: человек с сердцем, с душою, с чувством, сердечный это ему по сердцу (по желанию); Бог проникает в глубину сердец, Он знает: у кого что на сердце; сердать — гневаться, и т. д.

нею смерти (Моровою девою). Но сверх этого указанное выражение могло применяться и к стихийным явлениям природы: как «высасывание крови» относилось первоначально к пролитию дождя, так «съедание сердца» могло обозначать мысль о молниеносном духе, терзающем внутренности, сердце-вину¹ дождевой тучи. В этом отношении народные сказания о ведьмах и вампирах сближаются с древненемецким преданием о драконе Фафнире и греческим мифом о Прометее.

Зигурд, победитель Фафнира, вынимает из него сердце, жарит на огне и съедает и чрез то самое обретает высокий дар предвидения, то есть герой громовник разводит грозное пламя, пожигает дракона-тучу или (что то же) пожирает его внутренности и упивается вещим, вдохновительным напитком дождя. Миф о Прометее изображает этого титана похитителем небесного огня; разгневанные боги приковали его к скале и послали орла — носителя Зевсовых молний клевать его печень². Та любопыт-

¹ Срьдьце, среде, середина.

² Шварц (*Sonne, Mond u. Sterne*, 14—22), объясняя эти предания, принимает «сердце» за поэтическое обозначение солнца, закрытого тучами, так как у древних писателей оно называлось «сердцем Вселенной». Что ведьмам приписывалось пожирание солнца — об этом сказано выше. Здесь прибавим, что ребенок, родившийся с зубами, признается у венгров существом чародейным (по мнению чехов, это — мора); когда он умирает, то ему в рот кладут камень; в противном же слу-

ная черта, что ведьма, пожирая сердце, заменяет его обрубок дерева или пучком соломы, может быть легко объяснена поэтическим уподоблением грозowego пламени, во-первых, живому огню, добываемому из дерева, и, во-вторых, костру горящей соломы; самая молния, как известно, представлялась волшебным прутом, веткою и стеблем разрыв-травы.

Мазовецкое предание рассказывает о рыцаре, который долгое время славился своим мужеством и отвагою; но вот однажды, пользуясь его сном, явилась ведьма, ударила его в грудь осиновой веткою и, когда грудь раскрылась, вынула из нее трепещущее сердце, а на место похищенного положила другое, заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся боязливым трусом и оставался таким до самой смерти. В Польше ходил рассказ о ведьме, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему в грудь петуха; с тех пор несчастный постоянно кричал петухом. Основа этих преданий — чисто мифическая,

чае он проглотит и солнце, и месяц. Точно так же славяне кладут камень в рот вампира, дабы он не мог высосать кровь. — Zeitsch. für D. M., IV, 273. Слово «упырь» перешло от русских к татарам и чувашам; у первых убьир — колдунья, ведьма, у последних вабур — чародей, поедающий луну. — Сбоева, Исследов. об инородц Казан, губ, 115. В ярких красках зори и в преломленных лучах солнца предки наши видели потоки крови, а солнечные затмения приписывали демону, который в образе волка грызет дневное светило и точит из него горячую кровь.

ибо и заяц, и петух принимались символами огня и сверкающих молний.

Позднее, перерабатывая старинные мифы, фантазия налагает на них печать нравственных воззрений и пользуется для этого всяким готовым намеком; так как заяц возбуждает представление трусости, то отсюда в рассказе о рыцаре с заячьим сердцем главный интерес сосредоточился на тех душевных страданиях, какие должен испытывать воин с утратою мужества и доброй славы. С похищением сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрению, чувство любви охватывает человека как внутреннее пламя, возжигаемое в его сердце стрелою громовника и раздуваемое буйными вихрями. Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимают из груди юноши или девицы сердце, жарят его и наговаривают любовную тоску. По справедливому замечанию Я. Гримма, в связи с этим поверьем должны быть поставлены и следующие доселе употребительные выражения: «она похитила мое сердце» — заставила полюбить себя, «он отдал ей сердце», «он очарован, обворочен ею»¹.

Мы знаем, что ведуны и ведьмы, выдавая облачных коров, производят засухи, неурожаи, голод и моровую язву; те же губительные последствия соеди-

¹ Пов. и пред., 29—33, 172—3; D. Myth, 1035.

няет народ и с высасыванием крови вампирами. Злому влиянию упырей и ведьм приписываются как зимнее оцепенение дождевых туч, так и летний, все пожирающий зной. Русские поселяне убеждены, что упыри и вовкулаки могут творить бездождие, насылать бури, неурожай, скотские падежи и различные болезни; там, где они бродят, одна беда следует за другою¹. По сербскому поверью, вукодлак преимущественно показывается зимою и в голодные годы: «У врщ'еме глади често га привит! ау око воденица², око амбара житнщех и око чардака и кошева кукурузнщех», где и поедает приготовленный хлеб и кукурузу³. В таких общественных бедствиях исстари и доньне обвиняются блуждающие мертвецы.

Еще в XIII веке Серапион обращался с укором к современникам, которые воспрещали погребать тела удушенных и утопленников и вырывали их из могил как виновников засухи и неурожая. Обычай этот в XVI веке настолько был силен, что Максим Грек признал необходимым вооружиться против него особым посланием: «Кий ответ сотворим (говорит он) в день судный, телеса утопленных или убитых и поверженных не сподобляюще я погребанию, но на поле извлеките их, отыняем колием»

¹ Иллюстр., 1846, 134.

² Водяная мельница.

³ Сrp. p^ечник, 79; Иличь, 295.

еже беззаконнейше и богомерско есть, яко аще случится в весне студеным ветром веяти и сими садимая и сеемая нами не преспевают на лучшее, оставивше молиться содетелю и строителю всех... аще увемы некоего утопленного или убитого неиздавна погребена., раскопаем окаянного и извержем его негде дале и непогребена покинем., по нашему по премному безумию виновно стужи мняще быти погребение его»¹.

Димитрия Самозванца народная молва обвиняла в чародействе²; когда он погиб насильственной смертью, труп его был выставлен на Красной площади и в продолжение трех дней лежал на столе с дудкой, волынкою и маскою, атрибутами окрутников и скоморохов, а затем погребен в убогом доме за Серпуховскими воротами. Это было в половине мая 1606 года; как нарочно, настали тогда сильные морозы, вредные для полей, садов и огородов. Столь поздние холода москвичи приписали самозванцу; они вырыли его труп, сожгли на Котлах и, смешавши пепел с порохом, выстрелили им из пушки³.

¹ Изв. Акад. наук, III, 95; Котляревский. О погребальн. обычаях, 34—35.

² В современных грамотах говорится, что Отрепьев — еретик, впал в чернокнижие и обольстил народ бесовскими мечтами — Ак. Арх. эксп. II, 28; Доп. к Ак. ист., 1, 151.

³ Ист. Росс Соловьева, VIII, 154.

Запрещение хоронить утопленников, удушения, ков, чародеев существовало и у других славянских племен; самоубийцы и донны лишаются христианского погребения. Всякое физическое бедствие (бездождие, буря, град, чрезмерный зной или стужа) приписывается народом влиянию мертвецов, погибших насильственным образом: их стихийные души блуждают в воздушных сферах, носятся буйными вихрями и грозой и, нарушая порядки природы, как бы мстят людям за свою неестественную разлуку с жизнью. Предубеждение против таких мертвецов до сих пор не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцев.

Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгих засух по общему мирскому приговору выкапывали из могилы труп опойцы и топили его в ближайшем болоте или озере, твердо веруя, что после того непременно пойдет дождь¹. Засуха нынешнего лета и опасение неурожая заставили крестьян Тихого Хутора (в Таращанском уезде) прибегнуть к следующему средству: они разрыли могилу скончавшегося в декабре прошлого года и похороненного на сельском кладбище раскольника, приподняли его из гроба, и между тем как один из них бил мертвеца по черепу, приговаривая: «Давай дождя!», — другие лили на усопшего воду сквозь решето, затем

¹ Иличь, 312; Дух христианина 1861—2, XII, 271; СПб. Ведом., 1865, 47, 129.

снова уложили его в гроб и закопали на прежнем месте.

В некоторых деревнях, с целью вызвать дождь, в могилу заподозренного мертвеца лили воду целыми бочками. Эти представления о вампирах, сосущих кровь, то есть скрадывающих дожди и насылающих неурожай, заставили фантазию сроднить их с богиней смерти, во-первых, потому, что вслед за неурожаями начинаются поварные болезни, а во-вторых, потому, что самая Смерть, нападая на людей и животных, высасывает из них кровь и оставляет одни холодные и безжизненные трупы. Обитатели загробного царства, вампиры, являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отошедшая из сего мира душа рассматривалась как бы увлеченная ими в свое сообщество.

Поселяне наши убеждены, что Коровья Смерть (чума рогатого скота) есть оборотень, который принимает на себя образ черной коровы, гуляет вместе с деревенскими стадами и напускает на них порчу. Всюду в славянских землях гибельное действие моровой язвы объясняется злобою вампиров, и не только предания, но и положительные свидетельства памятников утверждают, что для отвращения повальной смертности народ прибегал к разрытию могил, извлечению трупов и различным над ними истязан

¹ Рус Ведомости, 1868, 139; Москва, 1867, 98.

На Руси главнейшим средством против смертоносной силы упырей считается заостренный осиновый кол, который вбивают в грудь или в спину мертвеца, между лопаток, а иногда в могильную насыпь. В Киевской губернии рассказывают, что в могилах колдунов и ведьм всегда есть отверстие, в которое вылезают они ночью в виде мышей и ящериц; отверстие это советуют затыкать осиновым колом, а самые гроба, в которых покоятся их трупы, заколачивать осиновыми гвоздями. Если и затем мертвец продолжает тревожить население, то необходимо предать его сожжению. «Привезли (говорит сказка) осиновые дрова на кладбище, свалили в кучу, выгнали колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил — все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают», чтобы и в червяке не мог ускользнуть волшебник от заслуженной им кары.

² Киевлян., 1865, 52, 71; Н. Р. Ск., V. 30 Ь. d; Тамбов. Г. В, 1857, 4.

Сверх того, упырям подрезывають пятки, связывають лыками руки, а на грудь кладут осиновые крес-ты². Те же средства употребляются против вампи-ров и прочими славянами. По свидетельству Карад-жича, «како почну луди много умирати по селу, онда (сербы) почну говорити да је вукодлак у гроблуу, и стану погапати ко се повампирио. Кашто узму вра-на ждрщепца без бил еге, па га одведу на гробл е и преводе преко гробова, у копима се боје да нице ву-кодлак: јер кажу да такови ждр^ебац не ће, нити СМН^ије прщепи прско вукодлзка. Ако се о ком уејере и догоди се да га НСКонаВају, онда се скупе сви сел^а-ци с глогов^ем кол^ем, на раси^онају гроб, и ако у не-

¹ Н. Р. СК, I, 14; VII, 9; VIII, б и с. 402—3; Могилев. Г. В, 1831.19.

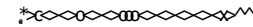
² Часопись чеш. муз, 1840, III, ст. Вагилевича, 236.

му набу чов^ека да се ни)е распао, а они га избоду опишем кол ем, па га баце на ватру те изгори»¹. «Кад умре 40Bjei<, за Koјera се мисли да је јеAoroH а, ударе му глогово трн>е под нокте и ножем Hcnpеснјеiiају жиле испод колена, да не би могао излазити из гроба, као вампир»².

Болгары, как скоро заподозрят усопшего вампиром, немедленно готовят заостренные терновые или глоговые колья, идут с ними на кладбище, разрывают могилу и, скипятивши несколько ведер виноградного вина, пробивают мертвеца кольями и обливают его кипящим вином, думая, что таким образом они истребляют вселившегося в труп злого де-

¹ Срп. р^чник, 79; см. также Путешествие в Черногор* А. Попова. 221; Иличь, 294; Вест. Евр, 1829, XXIV, 254—5. Перевод «Когда начнет на селе умирать много людей, то станут говорить, будто на кладбище есть вукодлак, и примутся гадать, кто это повампирился. Для этого берут вороного жеребца без отметин, ведут на кладбище и переводят через те могилы, в которых можно опасаться присутствия вукодлака. Говорят, что такой жеребец не захочет и не посмеет переступить через вукодлака. Когда убедятся в вампирстве покойника и вздумают выкопать его, то все поселяне собираются вместе, разрывают могилу и, если найдут в ней неистлевший труп, прободают его глоговым колом (глог — weissdom, Crataegus Linn., боярышник), а потом бросают в огонь и предают сожжению».

² Срп. р^чник, 251; Вест. Евр, 1823, XXIII—IV, 200. Перевод: «Когда умрет человек, о котором думают, что он — ведогоня, то забивают ему под ногти глоговые иглы и подрезывают ножом жилы под коленками, чтобы он не мог выходить из гроба, как вампир».

мона¹. В Червонной Руси во время засух и холеры жгли упырей и ведьм на терновом огне². Маннгардт собрал много интересных указаний на подобные расправы с мертвецами, засвидетельствованные памятниками различных народов.

В одной чешской деревне в 1337 году умер пастух и стал являться вампиром; когда его откопали и вонзили ему кол в тело, то из него брызнула кровь, а сам он промолвил: «С этою палкою мне еще лучше будет от собак отбиваться!» После того он был предан сожжению и, сгорая, ревел как бык или осел. В 1345 году скончалась женщина, ославленная промеж чехов ведьмою, и была погребена на перекрестке; выходя из могилы, она оборачивалась зверем и пожирала попадавшие ей жертвы. Дубовый кол, которым ее пронзили, она извлекла вон и стала еще больше умерщвлять народу, чем прежде. Напуганные жители сожгли ее труп, а оставшийся пепел зарыли в могилу; замечательно, что на месте, где совершилась эта посмертная казнь, несколько дней кряду кружился сильный вихрь. В 1567 голу в Trutnau (в Богемии) отрубили вампиру голову.

Несколько позже (в 1572 г.), когда появилась в Польше чума, обвинение в этом бедствии пало на умершую бабу, которую народ признавал за ведьму.

¹ Ж.М.Н.П, 1846, XI, 207.

² Пантеон, 1855, V, 48.

В могиле она покоилась совершенно голая, потому что пожрала все свои одежды; решено было отрубить ей голову могильным заступом и потом снова закопать в землю; когда это сделали — чума тотчас же прекратила свой губительный набег. Венды считают необходимым ударять вампира заступом по затылку и уверяют, будто при этом ударе он визжит как поросенок. В 1672 году недалеко от Лайбаха умер человек по прозвищу Giure Grando; по смерти своей он показывался ночью, стучался в двери домов и целые семьи увлекал за собою на тот свет. Староста Miho Radetich приказал разрыть его могилу; колдун (strigon) лежал нетленный, с багровым, усмевающимся лицом и открытою пастью. Ударили его в живот терновым колом (hagedom) — он выдернул кол обратно; отрубили ему голову киркою — он вскрикнул, словно живой, а могильная яма наполнилась свежеею кровью.

По мнению кашубов, чуму и другие повальные болезни производят «вещие»; первый, кто падает жертвою холеры, вслед за которым начинают умирать и другие, признается вампиром. Разрывая могилу «вещего», кашубы отсекают ему голову железным заступом и промеж ею и туловищем насыпают несколько земли или кладут отрубленную голову к ногам мертвеца; иногда же влагают ему в рот камень, набивают ему глотку землею, поворачивают труп лицом книзу, бросают в гроб что-нибудь спле-

тенное или связанное (напр, чулок), обсыпают могилу маком и думают, что пока мертвец не распутает всех петель и не сочтет всех маковых зерен, до тех пор он не может удалиться с кладбища. В Южной России есть поверье, что путь, которым приходит мертвец к живым людям, должно посыпать маком: тогда он не прежде может повторить свое посещение, как подобравши все до единого разбросанные зерна

Волохи вбивают в сердце упыря деревянный кол, вгоняют ему в череп гвоздь, кладут возле него лозу шиповника, иглы которого, цепляясь за саван, должны задержать мертвеца в могиле, или, наконец, сожигают его. В Силезии в 1592 году разнеслась молва об одном умершем сапожнике, что он является по ночам и давит сонных людей, и с такою силою, что оставляет на их теле синие пятна; мертвеца вынули из Могилы, отсекали ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли на позорном месте. В Гессене еще в недавнее время, как только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы и если находили неислеввшие трупы, то отсекали у них головы.

У скандинавов был обычай — тела заподозренных мертвецов сжигать на костре, а пепел бросать в море¹. Все исчисленные нами обряды имеют це-

¹ Zeitsch. für D. Myth, IV, 260—282; Часопись чеш. муз. 1863, I, 13—15; Громанн, 191; Этногр. сб, V, ст. Гильфердинга, 69—70; Шотт, 297—8.

а) против ног, с помощью которых вампир посещает людские жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрезывают подколенные жилы и пятки;

с) против поедучей пасти мертвеца: ему стараются забить плотку, зажать рот камнем или землею; пока он не разжует этого камня, не съест этой земли, до тех пор уста его и зубы не свободны и не в состоянии ни сосать, ни грызть живого человека;

е) словацкая сказка повествует о вовкулаке, у которого было девять дочерей; восемь старших он умертвил, а когда погнался за девятой — догадливая девица сбросила с себя платок и сказала: «Не догнать тебе, пока не изорвешь этого платка в лоскутья, пока не расщиплешь его на тонкие нити и потом не выпрядешь и не соткнешь снова!» Вовкулак исполнил эту трудную задачу и погнался за девицей; с теми же словами она сбрасывает с себя платье, оплечье, кофту, рубашку и голая спасается от страшной смерти¹.

¹ Zeitsch. für D. M., IV, 224–8.

ф) вернейшим же средством против блуждающих мертвецов признается совершенное уничтожение их трупов.

По древнему воззрению, душа усопшего только тогда делается вполне свободною, когда оставленное ею тело рассыпается прахом, и наоборот, пока оно не истлеет, между ним и душою не перестает существовать таинственная связь. Замечая, что некоторые трупы долгое время остаются нетленными, что у покойников даже отрастают волосы и ногти, предки наши видели в этом несомненные признаки продолжающейся жизни и верили, что душа не вдруг покидает брентную оболочку, что и по смерти она сохраняет к своему телу прежнюю привязанность, прилетает к нему в могилу, входит в него как в знакомое ей обиталище и таким образом временно оживляет мертвеца и подымает его из гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь ду-

$$C^{\wedge} O O O \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle O \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle O C \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle \langle X \rangle$$

ном обряде ему соответствует молот Индры или Тора, которым издревле освящали покойника и приуготовленный для него костер. То же значение соединялось и с колючей лозой терна, боярышника или шиповника; сербы называют терновый куст «вукодржица» (державший волка — вовкулака)¹. Острый гвоздь и могильный заступ суть позднейшие замены этих древнейших символов. Огонь, на котором сожигают вампиров, стараются добывать из дерева посредством трения, так как именно этот огонь и признавался равносильным «живому» пламени грозы; в других же местностях их сжигают на терновом костре. Пепел, остающийся после сожжения вампира, бросают в воду; самый труп его окачивают вскипяченным вином или обливают сквозь решето водою, что символически означает омовение усопшего в дождевом ливне, погружение его души в небесный поток, переплывая который можно достигнуть царства блаженных (вино — метафора дождя).

¹ Knjizevnik, год 3, III—IV, 450; Срп. р'ечник, 79.

² Часопись чеш. муз. 1840, III, ст. Вагилевича, 236—7. Так как вампиры умерщвляют людей через высасывание из них крови, то, наоборот, умерщвленные вампирами тотчас же оживают, как скоро будет возвращена им высосанная кровь (Н. Р. Ск, V, 30 d); кто заболевает вследствие укушения мертвеца, тому советуют давать хлеб или питье с примесью крови, добытой из вампира, или тою же кровью предлагают ему натирать недужное тело. — Zeitsch. fur D. M., IV, 261; Пузин, 128.

В народной памяти уцелели суеверные представления, что пронзенный колом и поджигаемый пламенем вампир ревет как раненый зверь (завывание грозовой бури) и истекает кровью (дождем); из его тела выползают гады (змеи-молнии), а вокруг пылающего костра поднимаются вихри.

Как производители неурожаев, голода и повальных болезней, упыри и ведьмы отождествлялись с поедучею Смертью и наравне с этою злобною богиней и другими демоническими существами (великанами, змеями и чертями) являются в народных сказаниях пожирающими человеческое мясо. Когда человек умирает, душа его увлекается в сообщество загробных духов, а тело делается снедью червей, тлеет и разрушается; отсюда родилось убеждение, что духи эти, призывая к себе смертных (отымая у них жизнь), питаются их мясом *Manducus* — оборотень, чудовище с большою пастью — Я. Гримм производит от *mandere, manducare* — есть, жевать; а *masca* (*larva*, привидение, оборотень, личина), итал *maschera*, сближает с словами *macher, mascher* и *masticare* (значение то же, что и глагола *mandere*). Ведьмам нередко давались названия *larve* — *maske*, и, начиная с индусов, у всех племен арийского происхождения они представляются жадными на человеческое мясо¹.

На Украине уверяют, будто упыри гоняются по ночам за путниками с громким возгласом: «Ой, мяс

¹ D. Myth, 1036.

хочу, ой, мяса хочу!»¹. По свидетельству народных преданий, колдуны являются по смерти в ночное время, бродят по деревне, морят и поедают живых людей². В одной сказке³ повествуется о мертвеце, который пришел на свадьбу, умертвил жениха и невесту, пожрал все приготовленные яства, вместе с посудой, ложками и ножами; а затем закричал «Есть хочу! голоден!» — и бросился было на солдата, но тот отделался от него, благодаря осиновому полену и раздавшемуся крику петуха

Существует любопытное предание о человеке, ищущем бессмертия; оно известно в двух вариантах, и та роль, которую в одном варианте исполняет Смерть, в другом приписывается ведьме: эта последняя пожирает людей и точит на них свои страшные зубы. И славяне, и немцы наделяют ведьм огромными зубами⁴.

По народным рассказам, когда умирает ведьма или «заклятая» царевна (та, которую овладел нечистый дух), тело усопшей заключают в гроб, окованный железными обручами, выносят в церковь и заставляют кого-нибудь «отчитывать» ее⁵; ночью, ров-

¹ LudUkrain, II, 56-57.

² НР.СЮ, VI, 65 а, е, 66; сб. Валявца, 237—9; Slov. pohad, 29.

³ H.P.CK,V,30e.

⁴ D. Myth, 247.

⁵ Отчитывание, т. е. чтение вслух Священного Писания над «заключенными» и усопшими, — вернейшее средство для избавления их от демонской власти.

но в двенадцать часов, вдруг подымается сильный вихрь, железные обручи лопаются с оглушительным треском, гробовая крышка спадает долой, и вслед за тем ведьма или заклятая царевна встает из гроба, летит по воздуху, бросается на испуганного чтеца и пожирает его, так что к утру остаются от него одни голые кости¹.

Только тот может избежать опасности, кто очертится круговою чертою и станет держать перед собой молот, это священное орудие бога-громовника. Рассказывают еще, что некогда, в старые годы, умер отчаянный безбояояик; тело его вынесли в церковь и приказали дьячку читать над ним псалтырь. Этот догадался захватить с собой петуха В полночь, когда мертвец встал из гроба, разинул пасть и устремился на свою жертву, дьячок стиснул петуха; петух издал обычный крик — и в ту же минуту мертвец повалился навзничь оцепенелым и неподвижным трупом (Харьковская губерния).

Как глубоко запала в наших предков суеверная боязнь мертвецов, лучше всего свидетельствует любопытное послание царя Алексея Михайловича к знаменитому Никону о кончине патриарха Иосифа: «Ввечеру, — пишет царь, — пошел я в соборную

¹ И. Р. Ос, VII, 35, 36 Ъ, с; Н. Р. Лег, 143-5; Пермск. сб., II, 173—4; Худяк., 11; Штир, 10; Вольф, 258—262 («Die Leichenfresserin»).

² Ак. Арх. эксп, IV, 57.

церковь проститься с покойником, а над ним один священник говорит псалтырь, и тот... во всю голову кричит, а двери все отворил; и я почал ему говорить: для чего ты не по подобию говоришь? „Прости-де, государь, страх нашел великой, а во утробе-де, государь, у него святителя безмерно шумело... Часы-де в отдачу вдруг взнесло живот у него государя (усопшего патриарха), и лицо в ту ж пору почало пухнуть: то-то-де меня и страх взял! я-де чаял — ожил, для того-де я и двери отворил, хотел бежать". И меня прости, владыко святыи! от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; за се и при мне грыжа-то ходит прытко добре в животе, как есть у живого, да и мне прииде помышление такое от врага побегу де ты вон, тотчас-де тебя вскоча удавит... да поостоялся, так мне полегчело от страху».

Так как души представлялись малютками — эльфами, марами, то отсюда родилось поверье, что упыри и ведьмы крадут и поедают младенцев, то есть, по первоначальному смыслу, исторгают у людей души, уничтожают их жизненные силы. Стриги и ламии классических народов и немецкие *hexen*, являясь в дома похищают из колыбелей младенцев, терзают их и жарят на огне; на своих нечестивых сборищах ведьмы убивают детей, добытую из них кровь смешивают с мукою и пеплом а жир употребляют на изготовление волшебной мази¹.

¹ D. Myth., 1012, 1018, 1027, 1035.

Памятники XV – XVII столетий сохранили нам свидетельства о тех несчастных жертвах народного суеверия, которых обвиняли, будто они превращаются в волков, пьют младенческую кровь, пожирают детей, и вследствие этих обвинений подвергали суду и предавали сожжению. По словам барона Гакстгаузена¹, в Армении рассказывают, что когда волчий оборотень приблизится к людскому жилищу — окна и двери сами собой отворяются, вовкулак входит внутрь дома, бросается на детей и утоляет свой голод их кровью и мясом. В некоторых местностях России поселяне убеждены, что вещицы выкрадывают из утробы спящей матери ребенка, разводят на шестке огонь, жарят и съедают его, а взамен похищенного дитяти кладут ей в утробу голик, головню или краюшку хлеба — поверье, напоминающее вышеприведенные рассказы о похищении ведьмою сердца, на место которого она влагает обрубок дерева или связку соломы. Поэтому беременные женщины, в отсутствие мужей своих, не иначе ложатся спать, как надевая на себя что-нибудь из мужниной одежды или по крайней мере опоясываясь мужниным поясом; эта одежда служит знаменем, что они продолжают состоять под покровом (защитою) главы семейства, а пояс преграждает (завязывает) к ним доступ злой чародейке².

¹ Закавказ. край, II, 61.

² Этногр. сб., VI, 147-8; Совр., 1856, XII, 196; U d Polski Golebiowskiego, 155.

В народных сказках ведьмы уносят тайком или заманивают к себе маленьких детей, жарят их в печи и, пресытившись этим яством, катаются по земле и причитывают: «Покачуся, повалюся, Ивашкина мяса наевшись!»¹. Белорусы уверяют, что Смерть передаст усопших Бабе-яге, вместе с которою разъезжает она по белому свету, и что Баба-яга и подвластные ей ведьмы питаются душами покойников и оттого делаются столь же легкими, как самые души², — предание в высшей степени знаменательное!

Рассказывают также, что Баба-яга крадет детей, подымает их на воздух и бросает оттуда мертвыми на кровлю дома³. У валахов, когда в семье народится младенец, один из присутствующих при этом перекидывает через себя камень; а прочие восклицают: «Вот тебе, стрига, в глотку!»⁴. Во Франции существует поверье, что в глухую полночь ведьмы собираются возле источников и занимаются стиркою, но вместо

¹ В образе эльфа (как указано выше) представление души сочеталось с представлением грозного гения, и потому сказка о ведьме и хитром мальчике, которого она хочет пожрать, живописует, во-первых, черную тучу, поглощающую молнии, и, во-вторых, Смерть (Моровую деву), похитительницу душ человеческих.

² Приб. к Ж. М. Н. П., 1846, 19 — 20, 110.

³ Гануш: Дед и Баба, 61.

⁴ Шотт, 297. По греческому сказанию, новорожденный Зевс обязан своим спасением камню, который дали проглотить Кроносу.

Бабе-яге принадлежит весьма важная и много-
знаменательная роль в народном эпосе и преданиях
славянского племени. В разных отделах настоящего
сочинения мы не раз останавливались на этих пре-
даниях и, объясняя их первоначальный смысл, ука-
зывали на сродство Бабы-яги с вещими облачными
женами. Она живет у дремучего леса в избушке на
курьих ножках, которая поворачивается к лесу за-
дом, а к прищельцу передом, летает по воздуху и ез-
дит на шабашах ведьм в железной ступе, погоняя
толкачом или клюкою и заматавая след помелом

Белорусы утверждают, что Баба-яга ездит по небесью в огненной ступе и погоняет огненную метлою, что во время ее поезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья. Как эта ступа, так и подвижная избушка (домашний очаг) — метафоры грозовой тучи, а толкач или клюка — Перунова палица. Сверх того, Баба-яга обладает волшебными огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковром-самолетом, гусями-самогудами и мечом-самосеком³, то есть в ее власти состоят и бысролет-

² Терещ., VII, 162; Иллюстр., 1845, 298; Ч. О. И. и Л. д 3, III, ст. Макаров, 106; Пов. и пред, 185; Абеv, 324—5; Рус едания, I, 60—63; II, 17—25; Н. Р. Ск, I, 3 а; IV, 44; VII, 30; II, 8; Глинск, II, 23.

ные облака, и бурные напевы грозы, и разящая молния. Преследуя сказочных героев, убегающих от ее злобы и мщения, она гонится за ними черною тучею¹.

У чехов и доньне дождевые облака называются бабами. Что же касается слова «яга» (era, польск. jedza, jedzi-baba, словац. jenzi, jezi-baba, чеш. jezinka, галиц. язя), то оно соответствует санскритскому aBī — змей (корень ah и с носовым пазвуком anh)². Там, где в славянских сказках действующим лицом является Баба-яга, параллельные места новогреческих и албанских сказок выставляют ламию и дракониду; лат. lamia — колдунья, ведьма и болт, ламья, ламя — баснословная змея. Скажем более, у самых славян Баба-яга и мифическая змеиха выступают в преданиях как личности тождественные; что в одном варианте приписывается змее, то нередко в другом исполняется ягою, и наоборот; на Украине по-

² Звук *h*, сохранный в русском, в других славянских наречиях, смягчается в жд=зд (пол dz), ж и з. Чепек, *jeđu-baba*, по мнению г. Лавровского (Ч. О. И. и Д., 1866, II, 24—25), образовалось из «яждати, ездити, еда». Согласно с сварливым, неугомонным характером Бабы-яги, областные русские «ягать», «яжить» стали употребляться в значении кричать, шуметь («что ты яжишь, как Баба-яга?»), яган — буян, грубиян. — Обл сл, 273; Доп. обл. сл, 313.

³ Ган, I, с 40; Ц, 178-182 и Н. Р. Ск, VII, 30.

едучую ведьму обыкновенно называют змеею¹. Замечательно, что те же эпические выражения, какими обрисовывается избушка Бабы-яги, прилагаются и к змеиному дворцу.

Словацкая сказка изображает сыновей Ежи-бабы лютыми змеями². Очевидно, что под этим именем, смысл которого давным-давно утрачен народною памятью, предки наши разумели мать змея Вритры, демона, похищающего дожди и солнечный свет. Подобно змею, Баба-яга любит сосать белые груди красавиц, то есть извлекать молоко (дождь) из груди облачных нимф; подобно змею, она ревниво сторожит источники живой воды и заботливо прячет в своих кладовых медь, серебро и золото, то есть сокровища солнечных лучей³.

Так, по свидетельству одной сказки, жили-были два богатыря, взяли к себе названую сестру, и повадилась к ней ходить и сосать груди Баба-яга⁴. Богатыри заметили, что сестра их стала хиреть и сохнуть; подстерегли ягу, изловили и заставили указать себе источник с живою водою. Приводит их яга в лесную тропку, указывает на колодец и говорит: «Вот целующая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катом, сломил с дерева зеленую ветку и бро-

¹ ХуАЯк., 46; Н.Р.Ск., 1-И, 36; У1, 283.

² Slov. pohad, 338 и дал.

³ Гануш: Дед и Баба. 63.

⁴ По другому варианту это делает змей.

сил в колодец; не успела ветка до воды долететь, как вся огнем вспыхнула. Разгневались добрые молодцы, вздумали за такой обман бросить Бабу-ягу в огненный колодец (метафора грозовой тучи), но она упростила-умолила пощадить ее и привела к другому колодцу. Катом отломил от дерева сухой прутик и только что кинул в воду — как он тотчас же пустил ростки, зазеленел и расцвел.

Словаки верят, что Баба-яга может по собственному произволу насыпать ненастье и ясную погоду⁵. Так как наводимый тучами мрак уподоблялся ночи, а следующее за грозой прояснение солнца напоминало утренний рассвет, то русская сказка⁶ отдает во власть яги трех таинственных всадников — белого, красного и черного, олицетворяющих собою день, солнце и ночь. Наконец, подобно змею, Баба-яга пожирает человеческое мясо. Вокруг избы, в которой живет она, тянется забор из человеческих костей или высокий тын с вогнутыми на нем черепами; из тех же костей устроены и ворота верями служат ноги, засовом — рука а замком — челюсть с острыми зубами⁷.

⁵ Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23; Lud Ubain, I, 325. Наравне с драконами ведуну и ведьмы тотчас же разрывают наложенные на них оковы и пропадают из темницы, как скоро добудут воды и утолят свою жажду.

⁶ Поа и пред, 124—5; Nar. zpiewanky Колляра, 1, 420—1.

⁷ Н. Р. Ск., IV, 44.

⁸ Ibidem; Маяк, XV, смесь, 21—22.

Баба-яга и ведьмы чуют присутствие скрытого человека и при всякой встрече с странствующими героями восклицают: «Фу-фу! доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а ныне русской дух в очью проявляется!» или «Что это русским духом пахнет!» Те же слова произносят при встрече с людьми и все другие мифические лица, которым приписывается пожирание человеческого мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. В немецких сказках означенные восклицания заменяются выражением «У-у-у! я чую — здесь пахнет человеческим мясом!»

Наряду с ведьмами Баба-яга ворует детей, жарит и поедает их; наряду с ведьмами она питается душами усопших¹. Как олицетворение черной тучи, как существо, равносильное змею, производителю засух, бесплодия и морового поветрия, Баба-яга в среде вещей облачных жен является с значением третьей парки и роднится с богиней смерти². Народная фан-

¹ Н. Р. Ск, I, 3,4,13; Пов. и пред., 181; сказки Гримм, 1,180; Norweg. Volksmarch, I, 5,24, 27; II, 6. У финнов Бабе-яге соответствует Оеэтср = пожируха (Зап. Акад. наук 1862,1, Шифнера, 136); в чувашской сказке старая ведьма как только вошла в избу, так и закричала: «Что это человеческим духом пахнет?» «Матушка, — возразила ей дочь, — да разве ты не каждый день употребляешь в пищу человеческое мясо; так какому же запаху быть в нашей избушке!» (Чуваш, разговоры и сказки, 36—37.)

² Желая навести дождь, яга выставляет на двор мертвую голову (Морану — черную тучу).

тазия представляет ее злою, безобразною, с длинным носом, растрепанными волосами, огромного роста старухой.

Именем «яга», точно так же как именем «ведьма», поселяне называют в брань старых, сварливых и некрасивых женщин. Следуя эпическому описанию сказок, Баба-яга — костяная нога, голова пес- том лежит в своей избушке из утла в угол, нос в по- толок врос, груди через грядку повисли. Замечатель- но, что лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется в наших сказаниях бабой-великанкою, жадно пожи- рающей людей; по выражению южнорусского ва- рианта, лихо покоится на ложе из человеческих кос- тей, голова его лежит на покути, а ноги упираются в печку.

Бабу-ягу называют на Руси:

а) ярою, бурою, дикою¹, что указывает на связь ее с бурными, грозowymi тучами и с неистовой породою великанов;

б) железною. Малороссияне, не позволяя детям щипать горох, говорят: «Нейди в горох, ботам зализна баба сидить!» Тою же угрозою останавливают они ребятишек, чтобы не бегали в леса и сады². В Пошехонском уезде крестьяне с целью удержать детей от своевольного беганья по огородам и нивам запугива-

¹ Украински приказки, 70,285: «чорт ярый баби!» «чорт бурый (или дикой) баби!». — Н. Р. Ск, II (изд. 3), 34, Б: яга-бура

² Номис, 274.

ют их полевым дедом или Бабой-ягою — костяной ногою, с большими грудями и сопливым носом. В других славянских землях уверяют детей, что в колосистом хлебе сидит babajexlza, zitnamatka, sserpashija, ловит шалунов и давит их своими железными грудями.

По мнению чехов, житная баба является на полях и нивах по преимуществу в то время, когда хлеб начинает цвести и наливаться. Сербь пугают шаловливых девочек и мальчиков гвоздензубою — бабою с железными зубами¹. Те же самые поверья и эпитеты немцы соединяют с Бертою — Гольдою. Светлая богиня рая, кроткая владычица эльфов (блаженных душ), она, в силу присвоенных ей обязанностей неумолимой Смерти, получает демонический характер и преобразуется в дикую или железную Берту (wilde Bertha, Eisenbertha), отличительными признаками которой считаются: страшное лицо, включенные волосы, длинный нос, веник в руках и коровья шкура, наброшенная вместо верхней одежды. Гольда (Hulda, Huldra) представляется то молодою красавицей, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, с большими зубами².

У кого вихряются волосы, о том принято выражаться: «Er ist mit der Holle gefahren!» Страшная

¹ Гануш, 160; Срп. рјечник, 84; Громани, 15.

² По свидетельству некоторых саг, она прекрасна спереди и безобразна сзади.

капризных детей, говорят: «Schweig! die eiserne Bertha (или: Perchr mit der eisernen nas) kommt». В Альтмарке и Бранденбурге плачущего ребенка заставляют умолкать следующими словами: «Halls maul! sonst kommt roggenmohme (kornweib)¹ mit schwarzen langen (или: mit eisernen) zitzen und schleppt dich hinweg!» Эта roggenmohme представляется женщиной огромного роста; ее считают матерью блуждающих по нивам волчьих оборотней (roggenwolffen).

Чтобы дети не трогали снопов, их пугают вовкулаком «Der verwolf sitzt im korn!» «der wolf ist im korne; wenn er euch frisst, müssen eure seelen von baum zu baum fliegen, bis das korn eingefahren ist*». Kornmutter имеет огненные пальцы и с горячими железными сосками груди, которые заставляет сосать заблудившихся детей; груди ее так длинны, что она может закидывать их за плечи. Когда ветер волнуется ниву — это она гоняется за малютками и пойманных толчет в железной маслобойне или, подобно Берте, отнимает у них зрение.

Во время жатвы немцы, славяне и литовцы последний связанный снопок посвящают «житной бабе»; его наряжают в женское платье, украшают цветами и зеленью и торжественно, с песнями, несут в деревню; снопок этот называют бабою, kornpurpe,

¹ Mohme = muhme, mutter.

Острые железные зубы Бабы-яги (первоначально — метафора разящих молний) отождествляют ее с поедучею Смертию; длинные железные груди, которыми она удушает детей, указывают на ее сродство с дивоженами; у последних груди так велики, что они употребляют их вместо вальков. Эти груди — дождевые облака, а смертельные удары, наносимые ими, знаменуют гром. Замечательно, что Бабе-яге приписывается обладание волшебным прутом², которым стоит только махнуть, как тотчас же все живое превращается в камень; это — тот молниеносный жезл, прикосновением которого Гермес (проводник усопших в загробное царство) погрякал людей в непробудный, вечный сон.

¹ Beiträge zur D. Myth., II, 422; D. Mylh., 247—9, 255—6; Die Gotterwelt, 293—5; Roggenwolf und roggenhund, 26, 29—32; Korndamonen 20; Гануша: Дед и Баба, 9.

² Lud Ukrain, I, 321—4; сб. Валявца, 120—7; Срп. припов, 29.

Белорусы рассказывают, что во время жатвы ходит по нивам Белун, заставляет встречных утирать себе нос и за эту услугу рассыпает перед ними деньги, то есть золото солнечных лучей. Тожество Бабы-яги с Бертою и Гольдою подтверждается еще тем, что все они равно представляются пряжами. По указанию народных преданий, Баба-яга прядет ку-

¹ H.P.CK.,VI,50.

дель, ткет холсты и гоняется за своими жертвами с железным гребнем в руках; сербская гвоздензуба носит в горшке горячие уголья и, встречая нерадивых прях, жжет им пальцы. Из понятия смерти возникла мысль о могучей судьбе, представительницами которой явились три мойры, норны или моровые девы. Согласно с этим, сказки нередко упоминают о трех вещих сестрах — Бабах-ягах, изображая их хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: они предвещают страннику, что ожидает его впереди, помогают ему мудрыми советами, дают ему богатырского коня, клубок, указывающий дорогу в неведомые страны, ковер-самолет и другие диковинки. Из святочных игр² можно заключать, что Баба-яга — мастерица загадывать загадки и разрешать их таинственный смысл.

Процессы о колдунах и ведьмах

¹ Н. Р. Ос, 1,3; Глинск, 1,88; Slov. pohad, 250.

² Терещ, VII, 162.

В предыдущей главе указано нами, что обвинения волхвов и жен-чародеек в сношениях с нечистыми духами, в похищении дождей и земного плодородия, в наслании болезней, голода и моровой язвы возникли из древнейших основ языческого мирозерцания. Подобные обвинения всякий раз, как только страну постигало общественное бедствие, возбуждали против них народную месть и вызывали суровые казни сожжения, потопления и зарывания в землю. Впоследствии, когда водворилось христианство, высшие духовные власти редко и безусловно возвышали свой голос против несправедливости и жестокости таких казней. Мы знаем только протест епископа Серапиона (XIII в.), который, впрочем, не отвергает возможности колдовства, а осуждает произвол народной мести и требует для обвиняемых правильного суда.

По необходимому закону всякого исторического развития новая религия должна была стать во враждебные отношения к старым народным верованиям и главным образом противодействие свое направить на лиц, которые были представителями и хранителями языческого культа, умели гадать, предвещать, целить недуги, обладали тайной молитвенных заклинаний и священных обрядов. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены вешие.

Христианская иерархия не могла относиться к ним индифферентно; по ее выражению, это были

При самом введении христианства святым Владимиром дело не обошлось без борьбы. Иоакимовская летопись сохранила нам свидетельство о восстании новгородцев, которые, не желая изменять веру и отказываясь креститься, взяли за оружие; по словам этой летописи, «Богомил, вышший над жрецы словян, вельми претя люду покоритися»¹. Федор и Илларион, первые епископы Ростова, принуждены были бежать от озлобления тамошних язычников, а святой Леонтий пострадал от них смертию; в послании Симона о нем сказано: «...первый ростовский Леонтий священномученник... его же невернии, много мучивше, убиша; и се третий гражданин небесный бысть руськаго мира с онема варягома (убитыми при великом князе Владимире), венчався от Христа». Событие это исследователи относят ко времени около 1070 года. Такая же мученическая кончина постигла и преподобного Кукушу, который в половине XII века проповедовал вятичам

¹ Рос ист. Татищева, 1,39.

По сведениям, занесенным в «Повесть временных лет», в XI столетии волхвы громко, всенародно хулили христианство и, пользуясь своим влиянием на массу населения, старались возбуждать ее к открытому сопротивлению. Так, в 1071 году в Киеве явился волхв, который предсказывал, что через пять лет Днепр потечет назад, земля греческая станет на месте русской, а русская на месте греческой; тогда же переставятся и прочие земли. В народе нашлись невегласи, которые охотно слушали волхва и верили его предсказаниям; но «верные» посмеялись ему, говоря: «Бес тобою играет на пагубу тебе», — и действительно, волхв пропал в одну ночь без вести. Переяславский летописец дополняет, что, по словам волхва, ему предстали пять богов и велели поведать людям о будущих изменениях стран и что сам он погиб, вринутый в ров («и вринуша его беси в ров»). Также и волхв, явившийся в Ростове в 1091 году, погиб вскоре. Можно догадываться, что волхвы гибли не без участия ревностных приверженцев христианской стороны. На это имеется и несколько положительных указаний.

¹ Ист. рус церкви Филарета, еписк. Рижского, изд. 1848 г, I, 30—34.

Посланный на Белоозеро для сбора княжеской дани Ян, вместе с священником и двенадцатью вооруженными отроками, выходил на волхвов, которых не хотели выдать ему местные жители. Волхвов было двое, но у них были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, один из них уже замахнулся на него топором, но, по старинному выражению, огрешился, не попал; тогда Ян, оборотя топор, ударил своего противника тульем, а остальных приказал рубить отрокам. Мятежная толпа не устояла и побежала в лес. В этой схватке убит и священник. Наконец настояния и угрозы Яна заставили белозерцев схватить и выдать ему волхвов. Начался допрос. Волхвы требовали поставить их перед князем Святославом. «Сам ты ничего не можешь нам сделать, — говорили они Яну, — так поведают наши боги!» «Лгут ваши боги!» — возразил Ян и велел их бить и рвать за бороды; потом связал их, посадил в ладью и вместе с ними поплыл по Шексне. Остановясь на устье этой реки, он спросил: «Что вам поведают боги?» «Боги поведают, — отвечали волхвы, — что не быть нам в живых». — «Правду говорят!» — «Но если отпустишь нас — много будет тебе добра; а погубишь — многую печаль и зло примешь». Ян не поверил предсказанию; оба волхва были убиты и повешены на дуб; трупы их достались в пищу лесным зверям. Более значительное восстание волхвов было в Новгороде при князе Глебе, о чем летопись

повествует так: «...встал волхв... творяся акы Бог, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все ведаю, и хуля веру хрестыанскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхову пред всеми. И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру и хотяху погубити епископа; епископ же взял крест и облекся в ризы, ста рек: иже хоцеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть. И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва, и бысть мятежь велик межи ими». Тогда князь, скрывши под верхнюю одежду топор, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что будет утром и что будет к вечеру?» «Все знаю!» — отвечал волхв. «Знаешь ли, что теперь должно совершиться?» — «Я сотворю великие чудеса!» При этих словах князь выхватил топор и ударил волхва с такою силою, что он тотчас же пал мертвый; смерть его поразила народное воображение, толпа разуверилась в его пророческом призвании и тихо разошлась по домам¹.

Хотя народ и принял христианство, но уставы и предания предков не вдруг утратили для него свою обаятельную силу; тайно еще продолжали жить старые верования и соблюдаться старые обряды. «Невегласи» (а такими следует признать целые массы

¹ П. С. Р. А, 1,75 — 78,92; Летоп. Переяслав, 47.

Заветы древней религии и культа сохранялись в семьях, передавались по наследству от отцов к детям и потому легко укрывались от постороннего вмешательства и преследований. Сверх того, при всеобщей грубости нравов и отсутствии образовательных начал предки наши и не в состоянии были возвыситься до восприятия христианства во всей его чистоте; мысль их, опутанная сетью мифических представлений, на всякое новое приобретение налагала свои обманчивые краски и во всяком новом образе силилась угадывать уже знакомые ей черты. Результатом этого было странное, исполненное противоречий смешение естественной религии с откровенною: предания и мифы о древних богах переносятся на Спасителя, Богородицу и святых угодников; суеверные обряды и чары обставляются предметами, освященными в церкви, каковы: ладон, пепел кадила, святая вода, свечи страстная, богоявленская, сретенская и венчальная, верба, сбереженная от недели Ваий, соль четверговая¹, которую, по свидетельству Стоглава, клали под престол, и проч.; заговоры сливаются с христианскими мо-

¹ Пережженная на Чистый четверг.

Духовенство в высших своих представителях со- знавало вред и незаконность такого положения дел и в поучениях своих постоянно возвышало голос как против басен и обрядов, наследованных от язычес- кой старины, так и против народного доверия к вол- хвам, ведунам и ведуньям Кирилл Туровский вос- ставляет на скоморошество, игры, волхование, потво- ры и запрещает искать и посещать волхвов.

В правилах митрополита Иоанна (XII в.) предписывается: кто будет творить волхование и чары, тому не давать святого причастия¹. В Кормчей книге, по списку 1282 года, велено всех, «иже вследоуе(ю)ть поганым обычае(я)м и к волхвом или обавником ходять или в дом свой призывают, хотя те увидети

¹ Памят. XII в, 90,121; Рус Достоп, 191.

от них некая неизреченная», отлучать на шесть лет от церкви¹. Подобные же запреты встречаем в грамотах игумена Памфила (1505 г.), митрополитов Фотия и Даниила, в Домострое, Стоглаве и других памятниках, направленных против народного суеверия.

В поучении священнослужителям 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношений от волхва, потворника, играца (скомороха); а в дополнительном указе (1552 г.) к Судебнику повелено было кликать по торгам, чтобы к волхвам, чародеям и звездочетцам не ходили, под опасением опалы и духовного запрещения². В патриаршей грамоте на основание Львовского братства 1586 года читаем «~а если бы в котором месте или селе будет чаровница или ворояска — сосуды диавольские, или волшебница... да истребится от церкви, и тех, которые диаволом прельстившись до чаровниц и до ворожок ходить, отлучайтесь»³.

В одном из рукописных сборников XVI века⁴ мы нашли следующее правило: «...грех есть стрячи (встречи) веровавши — опитемьи 6 недель, поклонов по 100 на день; грех есть в чох верова(ти) или в

полаз — опитемьи 15 дней, по 100 поклонов на день... грех есть к волхвам ходити, вопрошать или в дом приводит^{TM}, или чары деявшие — опитемьи 40 дней, поклонов по 100 на день; грех есть пивши зелие молока деля или детей деля — опитемьи 3 недели, поклонов по 60... грех есть деявшие чары како-вы-либо в питьи — опитемьи 5 лет, поклонов по 100 надень; грех есть носивше наузы какие-либо — опитемьи 40 дней, поклонов по 60 на день» и т. д.

К волхвам и чаровницам чаще всего обращались с просьбами об исцелении недугов. Духовенство старалось искоренить этот обычай: оно убеждало, что чародеи слркат Сатане и врачуют его силою, а потому если и спасают тело, то губят душу. Из вопросов Кирика и ответов Нифонта узнаем, что всякий, кто приходил к волхвам лечиться или приносил к ним детей для навязки предохранительных науз, подлежал эпитемье¹. В «Слове о злых дусех», приписанном святому Кириллу², высказаны сильные упреки тем, которые в случае болезни обращались к женам-чародейкам: «...о горе нам прельщенным бесом и скверными бабами... идем во дно адово с проклятыми бабами!»

Проповедник советует недужным приглашать попов, «да творять молитвы врачевныя, Бога призывающе». Митрополит Фотий в послании своем нов-

¹ Ист. хрестом. Буслаева, 381—2.

² Доп. к Ак. Ист., 1. 22; Пам. стар. рус. лит-ры, IV, 202; Ак. Ист., 1,109,154.

³ Памяти, изд. Врем Киев, ком, III, 18.

⁴ Рукопись, принадлеж. купцу Болотову.

¹ Памят.ХНв,202.

² Мос.:в, 1844,1,243—5.

улицах и на полях богомерзких их и скверных песней и всяких бесовских игр слушают... да в городах же и в уездах от прелестников и от малоумных людей делается бесовское сонмище, сходятся многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи чародействуют.» и чинят бесчинное скакание и плясание», поют песни, играют во всякие бесовские игры и накладывают на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это под страхом наказания батогами и ссылкой, грамота предписывает: скоморохов никуда не принимать, «а буде где объявятся домры, сурны, волынки, гудки, гусли и хари — таковые немедленно отбирать, ломать и огнем жечь»¹.

С особенною ревностью были преследуемы так называемые отреченные, или отметные, книги, принесенные к нам вместе с грамотностию из Византии и отчасти с Запада; к ним причислялись и те листы и тетрадки, в которых записывались народные заговоры, приметы и суеверные наставления. Следуя церковному индексу, запретными книгами признавались следующие.

а) Остролог (другие названия: Мартолой, Острономия, Звездочетец и Зодий). В статье о ложных книгах сказано: «Звездочетец — 12 звезд»; другой Звездочетец, ему же имя Шестодневец «...в них же безумнии людие верующе волхвуют, ищуще дний

¹ Ак. Ист., IV, 35.

рождения своего, санов получения и урока житию». Это — сборник астрологических замечаний о вступлении солнца в различные знаки зодиака, о влиянии планет на счастье новорожденных младенцев (то же, что Рожденик, Родословие), а также на судьбы целых народов и общественное благоденствие; отсюда почерпались предсказания о грядущих событиях, будет ли мир или война, урожай или голод, повсеместное здравие или моровая язва

б) Рафли (греч. рацяХюи) — астрологическая книга, разделенная на двенадцать схем (охлиата), в которой трактуется о влиянии звезд на ход человеческой жизни². Стоглав³ замечает, что таясущиися, как скоро доходило до судебного поединка, призывали на помощь волхвов — «и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы быют, и в Аристотелевы Врата и в Рафли смотрят, и по планетам глядают и смотрят дней и часов^{TM} и на те чарования надеясь, поклепча и ябедник не мирятся и крест целуют и на поли быютца, и поклепав побивают». Вследствие этого современный Стоглаву указ требует, под опасением опалы и духовного запрещения, чтобы к чародеям и звездочетцам не ходили и у поля бы чародеи не были³. Одна из грамот 1628 года называет Рафли «га-

¹ Правосл. собесед., 1860, XI, 250.

² Глава 40, вопр 17.

³ Ак. Ист., I, 154.

дальними тетрадами». Кроме того, о Рафлях упоминает еще Домострой; но в статье о ложных книгах, тщательно перечислившей запретные тетрадки, этого имени не встречаем — вероятно, потому, что в сущности оно обозначало то же самое, что Остролог, или Зодий¹.

с) Аристотелевы Врата — перевод средневекового сочинения «*Secreta secrelorum*», составление которого приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверх нравственных наставлений, содержит сведения по астрологии, медицине и физиогномике; она состоит из нескольких отделов, называемых вратами.

д) Громник, или Громовник, = греч. Вроитолбую: в рукописи Императорской Венской библиотеки означен «творением премудрого Ираклия, царя Перского». Книга эта известна по спискам XV — XVI столетий сербского письма и заключает в себе различные, расположенные по месяцам предзнаменования (о состоянии погоды, о будущих урожаях,

¹ Словом *raffa* на Западе обозначалось метание жребия, азартная игра в кости. Поэтому г. Пыпин приписывает Рафлям западное происхождение и думает, что гадательными тетрадами названы они в смысле известной книжки Соломона, которая и поныне с успехом расходуется в народе чрез посредство дешевых (лубочных) изданий. В этой книжке изображен круг с цифрами и напечатаны разные краткие изречения, должствующие служить ответами на вопросы гадающих; на какой цифре остановится брошенный шарик или зерно (зернь), та цифра и указывает гадающему номер ответа.

болезнях, ратях и проч.), соединяемые с громом и землетрясением; к этому присоединяются иногда и заметки «о состоянии луны право или полого», с указанием на значение таких признаков в разные времена года¹.

е) Молник (Молнияник), сохранившийся в сербской рукописи XV столетия: здесь собраны сведения, в какие дни месяцев что предвещает удар молнии.

ф) Коле(я)дник = хаХаибоХбую содержит в себе приметы, определяемые по дням, на какие приходится Рождество Христово (праздник Коляды); например: «аще будет Рождество Христово в среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, гапеници помалу, вина много, женам мор, старым пагуба» (по списку XV столетия).

г) Записка о днях и часах добрых и злых.

h') Мысленник — вероятно, то же самое, что Разумник, содержащий апокрифические сказания о создании мира и человека

i) Волховник — сборник суеверных примет, «еже есть се: храм трещит, ухозвон, воронограй, куролик, окомиг, огонь бучит, пес выет», и проч. Некоторые статьи Волховника переписывались отдельно и занесены в индекс под своими частными названиями,

¹ В числе отмеченных книг упоминаются также: «месяц окружится» и «стенем (лунным и солнечным затмениям) знамянь».

к) Сносудец (Сновидец, Сонник).

т) Зелейник — описание волшебных и целебных трав (зелий), с указанием на заговоры и другие суеверные средства, употребительные в народной медицине; подобные тетрадки и доныне обращаются между простолюдинами под названием травников, цветников и лечебников.

о) Метание (Метаньеимец или Розгомечец) – книга гаданий посредством жребия.

У г. Пышина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлого века, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желаящие допросить Судьбу метали жребий, то есть прутики (розги) с на-

Такие изречения в «Давидовой книге» скрепляются ссылкой на псалмы и другие отделы Священного Писания; например: «что во уме держишь и желаешь, возрадуешься и сердце весело будет; о том царь Давид рече: изми мя. Господи, от человека лукава, и от мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болезни, и та болезнь минется; аще о дому, в доме твоём здраво, и путь тебе доброй, и пропажа твоя сыщется». При некоторых ответах добавлено: «эта меть добрая» или «берегися — меть злая!».

Наконец, р) альманахи. Максим Грек, который не раз-протестовал против заблуждений современников, в одном обличительном слове коснулся и альманахов, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаниями. К нам они занесены с Запада¹.

¹ Стоглав, гл 40, вопр. 22; Летопись занят. Археогр. ком, I, 29—32, 42—49, 53; Времен, I, 38 («Домострой»); Иоанн, экзарх Болг, 211—2; Архив ист.-юр. свед, II, предислов. с XXII, XXV; статьи г. Пыпина — в Архиве ист. и практ. свед. 1860—1861 г, I, 8-12; II, 15-27; Рус. Сл. 1862, I, 94, 100; О. 3, 1857, XI, 344-6; Археолог. Вестник 1867, III, 113—8; Памят. отречен, рус лит-ры, II, 361—444.

Таким образом, календарные прогаостики, напечатанные в 1710 и последующих годах¹, уже имели своих предшественников в рукописных сборниках допетровского времени. Отреченные книги ясно свидетельствуют, что научные познания о природе были смешиваемы с языческими верованиями и волшебством. Духовная власть устанавливает бегать этих книг, аки Содома и Гоморры, и если они попадутся в руки, то немедленно истреблять их огнем: «.. аще кто заповедь Божию преступит, а имеет еретическая писания у себя держати, еже есть враг Божий, и волхованию их веровати имеет кто, с теми со

¹ Магазин землевед, и путешеств. Фролова, стат. Перевощикова, 507—604; Сев. Архив, 1828, XI, 132.

² Олеарий говорит, что русские признавали астрономию и астрологию за науки волшебные, что умение вычислять и предсказывать солнечные и лунные затмения казалось для них сверхъестественным даром. Когда в Москве сделалось известным, что царь желает принять Олеария на службу в звании придворного астронома, то в народе пошла молва, что в скором времени должен явиться волшебник. Эта молва и была причиною, почему ученый иностранец отказался от сделанного ему царем предложения. — Архив ист. и практ. свед 1859, кн. III, 25—26. В начале XVIII в. известный Брюс, составитель календаря, дополненного астрологическими предсказаниями, считался в народе колдуном и чернокнижником. По рассказам простолудинов, волшебники обладают черною книгою и с ее помощью вызывают чертей, узнают тайное и творят злые чары. Кто случайно найдет такую книгу и станет читать ее, к тому немедленно явятся черты и потребуют от него работы. — Иллюстр., 1845, 183-4; Абев., 73.

всеми еретики да будет проклят. Аще который отец духовный, ведая у себе такового в сынех, а ведая т.с. имеет ему в том потаковы (потачку) деяти, и приемля его на частое покаяние без опитемий и без отлучения церковного, или имеет (и) сам то же творити... да извержется сана своего по правилу св. отец, и с прежеречеными еретики с теми со всеми да будет проклят, и написанная та на теле его да сожгутся».

Осуждения, высказанные статьею о ложных книгах и другими памятниками (Стоглавом, Домостроем), были для своего времени как бы официальной цензурой. Предостерегая паству от чтения запретных сочинений, духовенство называло их «болгарскими баснями»: знак, что сочинения эти явились к ним чрез посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала их из Византии; уцелевшие донные списки особенностями языка и правописания прямо обнаруживают свое болгарско-сербское происхождение. Большая часть отреченных книг проникла в Россию именно этим путем, и только некоторые должны считать занесенными с Запада¹. Несмотря на то, народ принимал их с постоянно возбужденным любопытством и доверием, потому что основы сообщаемых ими сведений были те же самые, на каких держались и националь-

¹ Кроме альманахов и книги «Аристотелевы Врата», можно указать еще на «Луцидариус», напечатанный в 1-й кн. Летописей г. Тихонравова, и отчасти на «планидники».

ные, наследованные от предков поверья. Книги эти были в уровень с умственным развитием общества; они не противоречили его заветным убеждениям и обращали его к тем же вопросам, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христианские пастыри не ограничились только поучениями и запретами; они требовали преданий, обличаемых строгому суду и казням. Тотчас после крещения Русской земли дела о волшебстве уже подлежали рассмотрению духовной власти. В Церковном уставе святого Владимира к ведомству духовного суда отнесены «ветьство, зелейничество, нотворы, чародеяния, волхования»¹. Обычную карою за эти преступления было сожжение; как сожигались музыкальные инструменты и волшебные книги, так подобную же участь испытывали и колдуны, и ведьмы.

В 1227 году, по сказанию летописца, в Новгороде «изжгоша волхвов четьре, творяхуть я потворы деюща, а Бог весть, и сожгоша на Ярославле дворе». По свидетельству Никоновской летописи, волхвы были приведены сперва на архиепископский двор, а потом уже преданы сожжению на Ярославовом дворе, несмотря на заступничество бояр»².

¹ Доп. к Ак. Ист., 1, 1.

² П. С. Р. Л., III, 42; IV, 29; Никон, лет, II, 357: «_явишася в Новеграде волхвы, ведуны, потворницы, и многая волхования и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворя-

В начале XV столетия (в 1411 г.) псковичи сожгли двенадцать вещей женок³; заметим, что около этого времени действовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводом к их обвинению. О князе Иване Андреевиче Можайском сохранилось известие, что он сжег за волшебство мать Григория Мамона⁴. Повесть о волхвовании, написанная для Ивана Грозного, доказывает необходимость строгих наказаний для чародеев и в пример выставляет царя, который вместе с епископом «написать книги повеле и утверди, и проклят чародеяние, и в весех заповеда таких огнем пожечи»⁵.

Котошихин говорит, что в его время мужчин за богохульство, церковную татьбу, волховство, черно-книжничество и ереси сожигали живых, а женщинам за те же преступления отсекали головы⁶. Из следственных же дел XVII столетия видно, что за ворожбу и чародейство большею частию наказывали

ху, многих прельщающее И собравшееся новгородцы изыма-ша их, и ведоша их на архиепископов двор. И се мужи княже(и) Ярославли вступившася о них; новгородцы же ведоша Волхов на Ярославль двор, и складше огонь велий на дворе Ярославли, и срезавшее Волхов всех и винуша во огонь, и ту згореша вси».

³ П. С. Р. А, V, 22.

⁴ Летописец русский Н. Львова, III, 167; И. Г. Рос, V, 356 (изд. Оленина).

⁵ Москв., 1844, 1, 246 — 9.

⁶ По первому изд, с 91 — 92.

ссылкою в дальние места и заключением в монастырь; следовательно, кроме сожжения употреблялись и другие, более легкие наказания. Вероятно, при назначении меры взыскания принимались в расчет как замыслы обвиняемых лиц, так и степень причиненного ими вреда.

В грамоте, данной царем Федором Алексеевичем на учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии, сказано: «...а от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учить и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся, и оны со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся». Блюстителю и учителям академии предписывалось иметь тщательное наблюдение, чтобы никто из духовных и мирских людей не держал у себя «волшебных, чародейных, гадательных и всяких от церкви возбраняемых книг и писаний, и по оным не действовал, и иных тому не учил». У кого же объявятся такие богопротивные книги, тот вместе с ними «без всякого милосердия да сожжется»¹. Колдовство поставлялось наряду с богохульством, безбожием и ересями и подлежало тому же возмездию, как и эти последние². Сожжение чародеев на кострах согласовалось с общим народным убежде-

¹ Др. Рос Вивлиоф., изд. 2, VI, 408, 415 — 6.

² Так были преданы сожжению жидовствующие, обвиняемые между прочим и в занятиях астрологию; так в 1689 го-

нием, которое, обвиняя колдунов и ведьм в засухах, неурожаях и повальных болезнях, почитало такую казнь за единственное средство против постигших бедствий.

Выше были указаны любопытные примеры народного самоуправства с этими мнимыми виновниками неурожая и моровой язвы; очень может быть, что и засвидетельствованное летописцами сожжение волхвов и вещих женок в Новгороде и Пскове было совершено вольницею этих городов. По словам песни, девица-чародейка напекла змей, сварила зелье и приготовила снадобье на гибель родного брата, но брат сметал ее злой умысел.

*Снимал он с сестры буйку голову...
И он брал со костра дрова,
Он клал дрова среди двора;
Как сжег ее тело белое,
Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить, плакать.*

Тому же наказанию подвергаются колдуны и ведьмы и по свидетельству народных сказок³. Христианские пастыри не только скрепили своим авторитетом старинное мнение о связи чародейства с ду сожжен за ересь иноземец Кульман. — Собр. Гос. Гр. и Дог, IV, 204.

¹ Тереш, 1, 107; Сахаров, 1, 202.

² Н. Р. Ск, II, 29; VII, 27; сказки Гримм, 11, 60 и др.

Вера в колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, в допетровское время была общим достоянием всех классов общества. По незначительной степени доступного тогда образования высшие сословные разряды в умственном и нравственном отношении почти не разнились от низших — черта, существенно отличающая древнюю нашу историю от новейшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворце, и в боярских палатах, и в избе крестьянина, на что указывает весь строй домашнего быта и в особенности свадебный обряд; дух суеверия одинаково властвовал над всеми, начиная от поселян и до царя.

³ Бережно, остерегаясь. — Ibid., 279.

но — окончилось заключением в темницу этого несчастного царевича. София победила, но за нею осталось название «чародейки греческой»: так обзывает ее Курбский в истории Ивана Грозного¹.

Великая княгиня Соломония, супруга Василия Ивановича, верная воззрениям своего века, прибежала к чарам и ворожбе, чтобы излечиться от неплодия. Из розыскного дела узнаем, что она разведывала о колдуньях и приказывала приводить их к себе Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, — говорила ему великая княгиня, — на Москве женка, Стефанидою зовут, рязанка, и ты ее добудь и ко мне пришли».

Сабуров исполнил просьбу и с помощью своей жены привел Стефаниду к великой княгине; ворожея смотрела ей брюхо и сказывала, что детей у нее не будет; потом наговаривала в рукомойнике воду и советовала великой княгине тою водою умываться, чтобы любил ее муж, а когда понесут к великому князю сорочку, чехол или порты, и в то время она бы, омочив свои пальцы в рукомойнике, охватывала ими белье. Соломония последовала наставлению и действительно смачивала наговорной водою мужнино белье и платье.

В другой раз она говорила Сабурову: «Сказали мне черницу, что она дети знает (то есть может от-

¹ Сказания кн. Курбского, изд. 2, 128.

вращать неплодие), а сама безноса, и ты ту черницу добудь». Черница была найдена, приведена к Сабурову на подворье, и там наговаривала не то масло, не то мед пресный и «посылала к великой княгине с Настею (женою Сабунова), а велела ей тем тертиса от того ж, чтоб ее князь великий любил, да и детей деля»¹ — и великая княгиня тем снадобьем терлась. В заключение своих показаний Сабунов добавил: «А что ми говорити? того мне не испамятовати, сколько ко мне о тех делах женок и мужиков прихаживало!»².

Но все было напрасно: чары не помогали, Соломония не рождала детей, а без них исчезала и любовь великого князя, который страстно желал иметь наследника и однажды, по словам летописца, увидя на дереве птичье гнездо, зарыдал и в этих поэтических выражениях жаловался на свою судьбу: «Люте мне! кому уподоблюся аз? не уподобихся ни птицам небесным, яко птицы небеснии плодовицы суть, ни зверем земным, яко звери земнии плодовицы же

¹ В старые годы чары на любовь мужей были в большом ходу. Когда князь Курбский женился в Литве на Марье Юрьевне Козинской, довольно пожилой вдове, то она подобными же средствами хотела упрочить расположение своего мужа. При обыске в сундуке ее найден был мешочек с песком, волосами и другими снадобьями, которые, по свидетельству служанки, дала княгине одна старуха — для того, чтобы ее любил князь. — Жизнь кн. Курбского, 1, 98.

² Ак. Ист, 1, 130.

суть; не уподобихся аз никому же — ни водам, яко воды сия плодовита суть, волны бо их утешающе и рыбы их глумящися! ни земли сей, яко и земля приносит плоды своя на всяко время!» Бояре отвечали ему: «Государь! неплодную смоковницу посекают и измежут из вертограда». И великий князь, после двадцати лет супружества с Соломонией, повелел постричь ее в монахини; несчастную княгиню вывели из дворца, насильно постригли и заключили в женской обители в Суздали.

Князь Курбский обвиняет и самого Василия в такой же заботливости помочь себе чарами: женившись снова на молодой жене, «сам стар будучи, он искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему к плодотворению. О чаровниках оных так печашеся, посылающе по ним тамо и овамо, аж до Корелы, и отгулу провожаху их к нему советников сатанинских, и за помощию их от прескверных семен, по произволению презлому, а не по естеству от Бога вложенному, уродишся ему два сына един таковой прелютый и кровопийца, а друтай был без ума и без памяти и бессловесен. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христианские родове! яже дерзают непреподобне приводита себе на помощь и к деткам своим мужей презлых чаровников и баб, смывателей и шептуней, и иными различными чарами чарую-

¹ П. С. Р. Л., IV, 295—6; Карамзин И. Г. Р., изд. 2, VII, 137.

щих, общующе со диаволом и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь от того имеете!»¹

В 1547 году Москву постигла страшная кара великий пожар испепелил все здания, ни огороды, ни сады не уцелели, около 2000 народу сделалось добычею пламени; народная молва приписала это бедствие чародейству и обвинила в нем Глинских, родственников молодого царя по матери; были они, говорит летописец, у государя в приближении и жаловании, допускали грабеж и насильство и чрез то возбудили против себя общую ненависть черных людей. Царский духовник благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский да Иван Федоров довели о том до сведения государя, и он приказал разыскать боярам. Бояре приехали в Кремль на площадь, к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать: кто зажигал Москву?

Толпа закричала «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и с людьми волховала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду да тою водою, ездячи по Москве, кропила — и оттого Москва выгорела!» На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя государя, но, слыша такое ужасное обвинение, поспешил укрыться в Успенском соборе. Озлобленная

¹ Сказания кн. Курб., изд. 2, 101—2.

чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни; побили и многих людей его, а имущество разграбили.

На третий день после этого толпа приходила к царю в село Воробьево и требовала выдачи Анны Глинской и князя Михаила Глинского, и только строгие меры, принятые Иваном IV, заставили ее разбежаться¹. Как в смерти Марии Тверской подозревали участие волшебства, так к тому же обычному обвинению прибегли и противники Адашева и Сильвестра при кончине царицы Анастасии (1560 г.); по свидетельству Курбского², они говорили, «аки бы чаровали ее оные мужи»³, и советовали царю не допускать их перед свое лицо: «...аще припустишь их к себе на очи, очаруют тебя и детей твоих... обяжут тя паки и покорят аки в неволю себе»; и до сих пор держали тебя, великого государя, словно в оковах, «а то творили они своими чаровствами, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрети, хотяще сами царствовать и над всем владети».

¹ Царствен, книга (СПб., 1769), 137—143.

² Сказан, кн. Курб, 76.

³ Испрашивая церковного разрешения на четвертый брак, Иван IV говорил, что первая жена его изведена «вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами». — Ар Рос Вивлиоф, XIII, 104.

Внушения эти должны были производить сильное влияние на восприимчивую и подозрительную душу Ивана Грозного, который относительно веры в колдовство стоял не выше своих современников. Так, знаменитый воевода князь Михаил Воротынский, обвиненный в тайных сношениях с ведьмами, был предан им жесточайшим пыткам. Связанного князя привели и поставили перед царем, который сказал ему: «Се на тя свидетельствует слуга твой, иже мя еси хотел счаровати и добывал еси на меня баб шепчущих». Воротынский отвечал: «Не научихся, о царю! и не навыхох от прародителей своих чаровать и в бесовство верити, но Бога единого хвалити... А сей клеветник мой есть раб и утече от меня, окравши мя: не подобает ти сему верити и ни свидетельства от такового примати, яко от злодея и от предателя моего, лжеклевещущаго на мя!»

По царскому повелению, Воротынского положили на бревно между двух огней и начали медленно поджаривать, причем сам Грозный жезлом своим подгребал к его обнаженному телу горячие уголья. После пытки еле живого князя повезли в ссылку на Белоозеро, но на дороге туда он скончался¹. Если верить Горсею, Иван IV в последние годы жизни вполне отдался предрассудкам своего века

¹ Сказ, кн Курб, 99—100.

Зимой 1584 года явилась комета; больной царь вышел на Красное крыльцо, долго смотрел на нее и потом, изменившись в лице, сказал окружающим: «Вот знамение моей смерти!» Встревоженный этой мыслью, он решился прибегнуть к волшебству: по его указу, на севере России было собрано до шестидесяти чародеек; привезенные в Москву, они содержались здесь под стражею, и царский любимец Богдан Вельский ежедневно посещал их, выслушивал и передавал царю их предвещения. Колдуньи утверждали, что светила небесные враждебны для государя и что он умрет 18 марта. Царь пришел в бешенство и высказал желание, чтобы в этот самый день лживые колдуньи были преданы сожжению. Утром 18 марта он почувствовал себя лучше и послал Вельского объявить чародейкам, какая ожидает их казнь за ложное предсказание. «Не гневайся, боярин, — отвечали они, — день начался с восходом солнца, а кончится только с его закатом».

Между тем царь собирался играть в шахматы, начал было расставлять шашки, но вдруг упал в обморок и вскоре затем испустил последнее дыхание². Под 1570 годом Псковской летописи находим интересное свидетельство, что Иван Грозный, по возвращении из Ливонского похода, приблизил к себе

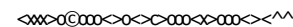
¹ Между Холмогорами и Лапландией.

² О. 3, 1859, IX, 113-5; Библ для Чтен, 1865, V, 63-65; Карабин. И. Г. Р., IX, 433.

«немчина лютото волхва, нарицаемого Елисея, и бысть ему любим». Это был медик Бомелий, родом голландец. Он навел на царя «страхование» (боязливое недоверие к своим), «на русских людей царю возложи свирепство, а к немцам на любовь приложи». Это влияние иноземца летописец объясняет так: узнали безбожные немцы посредством гаданий, что быть им от русского государя разоренным до конца, и того ради прислали к нему такого злого еретика, «понеже русские люди прелестни и падки на волхование»¹.

Из крестоцеловальных записей на верность царям Борису Годунову, Василию Шуйскому и Михаилу Федоровичу видно, до какой степени сильна была в ту эпоху вера в возможность и могущество волшебных чар; по всем городам и селениям подданные обязаны были клясться: «а лиха мне государю, царице и их детям не хотети, не мыслити и не делати никоторою хитростию — ни в естве, ни в питье, ни в платье, ни в ином чем никакого лиха не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не испортити; да и людей своих с ведовством да со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати, а ведунов и ведуней не добывати на государево лихо, и их, государей, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати

¹ П. С. Р. Л., IV, 318.

и следу не выгмати». Всякий, кто узнает о подобных злых умыслах другого человека, должен схватить его или сделать на него извет¹.

0 Борисе Годунове, еще правителе при царе Федоре Ивановиче, рассказывается в одной современной повести, что он по разным городам собирал волхвов и кудесников и их «волшебством и прелестию сотвори,¹ яко и сам царь Федор Иванович вельми любляше его». В Морозовскую летопись занесено любопытное известие, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствование его будет недолгое: «...призвав к себе волхвов и волшебниц, и вопросы их: возможно ли вам сие дело усмотрети... буду ли я царем? Врагоугодницы же ему сказали: истинно тебе возвещаем, что получивши желание свое — будеши на царствии московском; только на нас не прогневайся... недолго твоего царствия будет, только семь лет. Он же рече им с радостию великою и лобызав их: хотя бы семь дней, только бы имя царское положить и желание свое совершити!»²

В старину ни одно важное дело не обходилось без обвинений в чародействе, и вот когда началось следствие об убиении царевича Димитрия, то в числе показаний, отобранных от различных лиц, встречаем и

такие: была у Михаила Битяговского юродивая женочка и хаживала к царице Марье¹ «для потехи», и как царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту женку отыскать и убить — за то, что она царевича портила; а Михайло Нагой велел убить Битяговского, который с ним почасту бранивался и уличал, будто он добывает на государя и государыню ведунов и хочет их портить. Между этими ведунками назван был Андрюшка Мочалов, которого предписано было сыскать и в оковах (по рукам и ногам) привезти в Москву с великим береженьем; что было потом с Мочаловым — неизвестно².

Ко времени царя Федора Ивановича относится розыск над ведунками, которые сгубили в Астрахани крымского царевича Мурат-Гирея. В 1591 году, рассказывает летопись, басурмане прислали из Крыму ведунов, и те испортили царевича Воеводы, видя его болезнь, привели к нему лекаря-арапа Лекарь отозвался, что «его излечить не можно, покаместа сыщут ведунов, кои его портили; и взя с собою людей русских и пошел в юрты, и в юртах переимал ведунов, и приведе к нему и муча их... Ведуны ему рекоша: буде де кровь их не замерзла³ ин де можно пособить. Тот же арап, многий знатец, повеле им веду-

¹ Ак. Арх. эксп., II, 10, 44; Доп. к Ак. Ист., II, I; Юрид. ак., 333.

² Карамзин. И. Г. Р, X. примеч. 221.

¹ Мать Димитрия.

² Собр. Гос. Грам и Дог, II, с 107, 118, 123.

³ То есть не стусилась. У Карамзина (И. Г. Р, X, примеч. 254) вместо этого слова стоит «не умерла».

нам из себя метати кровь в лохань. Они же из себя выметали всю кровь, кои татарове и татарки перепорчены с царевичем». Лекарь спросил «Коево чья кровь?» «И они начата сказывати все по ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажут которого татарина или татарку, и он жив станет; царевича же кровь и царицына все замерзли, и они сказали, что им живым не быть». Воеводы дали знать о том в Москву; царь Федор послал в Астрахань Астафья Пушкина и велел ему учинить розыск и «тех ведунов пытать накрепко, по чьему умыслению царевича и царицу и татар испортили. И пытав их, государь велел пережечь».

По приезде в Астрахань Пушкин принялся за пытки, но ничего не мог доискаться. Тогда пришел арап и посоветовал вложить колдунам в зубы конские удила, повесить их за руки и бить не по телу, а по стене против них, «и они все почали сказывати. Воеводы же, пытав их, велели жечь; а жег тот же арап своим мастерством А как стали их жечь, и туто слетелися сорок и ворон многое множество... и как их пережгли — и они (птицы) все исчезли. А на пытках те ведуны сказывали, что портили царевича и царицу и татар — пили из них из сонных кровь»¹. Вероятно, смерть татарского царевича, его жен и людей произошла от тайной отравы, но была приписана

¹ Летоп. о многих мятежах, 15—16.

ведунам, на которых (как мы знаем) нередко падало обвинение в том, что они высасывают человеческую кровь. Летописец передает это событие по тем слухам, какие ходили о нем в народе, и потому обставил свой рассказ суеверными подробностями, очевидно заимствованными из народных преданий о колдунах и вампирах.

Приведенные на пытку, ведуны «морочили» своих палачей, отводили им глаза и до тех пор оставались нечувствительными к мукам, пока хитрый лекарь не научил ударять по стене. По воцарении Бориса Годунова он подозрительно смотрел на окружающих его бояр, из которых многие вели свой род от Рюрика, а другие были в свойстве с вымершим царским домом. Опасаясь крамол, он охотно выслушивал доносчиков, награждал их поместьями и деньгами и тем самым поощрял боярских холопей к шпионству и ложным изветам на своих господ.

Наиболее легкий способ обнести кого бы то ни было в государственной измене и заставить верить своему доносу — было обвинение в чарах против государева здоровья. Таков извет сделан был на Романовых. Летописец рассказывает об этом так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил ему: «...что ми царь повелит сделать над государи моими, то и со-

творяю!» Дворецкий обрадовался и возвестил царю Борису; а «Борис велел ему сказать многое свое жалование. Семен же умысли со вторым и наклаша всякого коренья в мешки, и повелел ему положи^{TM} в казну Александра Никитача Той же Второй, сотворя тако, прииде доводить на государя своего». Последовал обыск, коренья были вынуты, привели Романовых Федора Никитача с братьями, отдали их под стражу, пытали и потом сослали в отдаленные места¹.

0 Василии Шуйском в хронографе Кубасова сказано, что он «к волхвованию прилежаше»; а по свидетельству Петрея², он, желая поддержать себя на престоле, собирал отовсюду колдунов и колдуний и для их ведовских дел приказывал вынимать из живых коней сердца и вырезывать плод из беременных женщин: когда колдуны чаровали и творили заклятия, царские войска одерживали верх над неприятелем, а когда чары прекращались — в то время одолевали поляки.

При царе Михаиле Федоровиче, в 1632 году, была отправлена во Псков грамота с запрещением, под

¹ Лет. о мнет, мятеж, 56—60. Федор Никитич был пострижен и сослан в Антониев Сийский монастырь, а Александр Никитич — в Усолье-Луду к Белому морю. Есть еще известие, что Михайло Молчанов «за воровство (в древнем значении этого слова) и чернокнижество был на пытке кнутом бит». — Карамзин И. Г. Р, XII, примеч. 49.

² Рус Дост, 1,175.

³ Ч. О. И. и Д 1866,11,627.

смертную казнию, покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города с целью навести чрез то на Русь моровое поветрие¹.

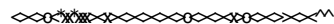
В то же царствование 1625 года велено было выслать в Москву из Верхотурья протопопа Якова, вместе с «воровским кореньем», так как во время обыска у него найдены были в коробье трава багрова три коренья да «коммок перхчеват бел», а в допросе он сам показал, что снадобья эти дал ему казак Степанко Козьи Но^{TM2}. Подобный же случай известен нам от XIV столетия, когда на берегах Вожи схвачен был поп, пробиравшийся из орды с мешком «злых и лютых зелий»; «истязавше много», отправили его в заточение на Лачь-озеро³.

В 1628 году, по доносу архимандрита нижегородского Печерского монастыря и по указу патриаршему, был розыск над дьячком Семейкою, который держал у себя «недобрые ересные» тетради да приговору несколько строк. Семейко показал, что тетради он поднял в одной каменной башне, а за-

¹ Ак. Арх. эксп, III, 197. Патриарх Константинопольский извещал однажды Михаила, чтобы он остерегал свое здоровье от грамот турецкого царя и его подарков, потому что султан имеет на него досаду за мир с Польшею: так не было бы какого «насылочного дурна». — Истор. Рос. Соловьева, IX, 449.

² Ак. Ист, III, 137.

³ П. С. Р. Л, VIII, 33.

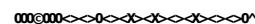
говор дал ему стрелец и писан он «к борьбе» (то есть на охрану в бою). По осмотру тетради оказались гадательные, называемые Рафли, по которым (как известно) ворожили во время судебных поединков («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячок сослан в монастырь, где велено было сковать его по ногам в железа и приставить к черным работам, а причастия не давать ему впредь до патриаршего разрешения, исключая только смертного часу¹.

В 1660 году подана была челобитная на другого дьячка Ивана Харитонова в том, что он травы рвет и коренья копает по лугам, и свадьбы отпускает, и жены с младенцами к нему часто приходят. При челобитной приложены в улику два заговора, писанные Харитоновым: один на заживление ран, а другой на умиление «сердца сердитых людей»².

Из этих данных следует заключить, что до начала XVIII столетия белое духовенство немного чем превосходило в умственном развитии другие классы общества и разделяло с ними одинаковые предрассудки. Статья о ложных книгах говорит: «Суть же между Божественными писан(ь)ми ложная писания — насажено от еретик на пакость невежам попом и диаконом лстивые зборники сельские и худые маноканонцы (номоканонцы) по молитвенни-

¹ АсАрх. эксп, III, 176.

² Волог.Г.В., 1843, 23.

ком — у сельских, у нерассудных попов, лживые молитвы, врачевал(ь)иые, о трясовицах и о нежитех и о недужех, и грамоты трясовская пишут на просфирах¹ и на яблоцех, болезни ради; все убо то невежди деют и держат у себя от отец и прадед, и в том безумии гинут»².

В грамоте на основание Львовского братства (1586 г.) сказано: «..а если бы был который поп чаровник или ворожбит книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держал, или в месте, или в селе, или бы сам до ворожек ходил или кого посылал, оповедати его епископу, да приметь суд по правилом св. отец»³. Здесь, конечно, указаны случаи не только возможные, но и бывавшие в жизни. Процессы о вынутых травах, кореньях, заговорных письмах и других волшебных снадобьях составляли в XVII веке весьма обыкновенное явление.

В 1666 году послан был в Кирилло-Белозерский монастырь, на исправление, посадский человек Аничка Громников за то, что учился «заговорным словам» — с целию отомстить недружбу; велено было везти его скованным и бережно, а в монастыре держать под началом до государева указу⁴. В тревож-

¹ О том же упоминает и грамота 1551 года. — Ак. Арх. эксп, 1, 232.

² Летопись занятий Археогр. ком, 141.

³ Памяти, изд. Киев. Врем ком, III, 17—18.

⁴ Доп. к Ак. Ист, У, 12.

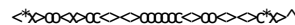

В 1674 году в Тотьме сожжена в срубе, при многочисленном стечении народа, женка Федосья, ого-

² Ак. Ист., IV, 202, LXXV.

В разрядной книге 1675 года записаны два кратких известия: одно — о Григории Косагове, на которого духовник его подал извет, будто он держит у себя еретические книги, и по тому извету царь приказал Косагова наслать к патриарху для исследования и очной ставки с обвинителем; другое — о боярине князе Федоре Куракине, которому велено было не съезжать со своего двора до государева указа, —

² Ibid, X, 164.

за то, что он держал у себя в доме «ведомую вориху девку Феньку, слепую и ворожею»; самую Феньку вместе с дворовыми людьми Куракина велено было пытаться жестокою пыткой комнатным боярам да дьяку тайных дел, и которых людей станет она оговаривать — тем давать с нею очные ставки и пытаться их накрепко¹.

В 1677 году приведен был в съезжую избу бобыль Олонецкого уезда Калинка Ортемьев и вынуты у него из узлов: травы, коренья, табак, кость, жженая с воском, змея и летучие мыши; а в расспросе и с пытки показал, что все эти снадобья дал ему коновал Симон-немчин. Велено было пытать его вторично и допрашивать с великим пристрастием и что он покажет — о том донести государю. Чем кончилось это дело — неизвестно². Другой подобный же процесс, вызванный волшебными «узлами» (наузами), был в 1680 году. Иноземец Зинка Ларионов сделал донос на нескольких крестьян в лихих кореньях и подал в приказную избу полицного «крест медный да корешок невелик, да травки немного — завязано в узлишки у креста». Из числа обвиняемых Игнашка Васильев признал крест своим и на расспросе показывал: корень тот «девесилной, а травка-де растет в огородах, а как зовут ее — того он не ведает; а держит он тот корешек и травку от лихорадки, а ли-

хих де трав и коренья он не знает и за дурном не ходит».

По осмотру посадского человека Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины — от сердечные скорби держат, а травишко держат от гнетенишные скорби (лихорадки), а лихаго-де в том ничего нет». Другой подсудимый объявил, что ему положили в зеп¹ травы в то время, как он был на кружечном дворе пьяный, в беспамятстве. Крестьян, оговоренных иноземцем Зинкою, пытали, а потом били батогами, чтоб вперед неповадно было напиваться до беспамятства и носить при себе коренья².

Обвинения в чародействе нередко возникали из чувства личного недоброжелательства, ненависти и

¹ Карман.

² Ак. Юрид, 30; см также в Летоп. занятий Археогр. ком, I, 17 — указание на оговор одной черемиски в порчах отравным зельем. Замечательно, что рядом с этими преследованиями за держание при себе трав и корений сам благочестивый царь Алексей Михайлович приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в купальскую ночь для сбора серебрянного цветку, интериновой и мятной трав и дягильного корня, а сибирским воеводам предписывал разведывать про лекарственные травы и присылать их в Москву. — Доп. к Ак. Ист, III, 71; VI, 127. Такое противоречие легко уживалось, потому что зелья бывают разные: и лихие, и добрые, — а недостаток научных сведений и дух взаимного недоверия заставляли всякой раз, когда находили у кого-нибудь неведомый корень или траву, подозревать злой умысел.

¹ Дворц. Разряды, III, 1288, 1428.

² Доп. к Ак. Ист, VIII, 29.

В 1636 году в ошмянскую городскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: был Юрко у него в доме,пил горелку со своими знакомыми и задумал сделать ему зло — «здоровья позбавити». Как только вошел Гошко в светлицу, то Юрко «с чародейскою приправою» подал ему из своих рук стакан водки, молвя: «Привитайте!» Жид взялся за стакан, но с великого страху руки у него затряслись, и он пролил горелку. Тогда Юрко погрозил ему пальцем и сказал «Это тебе не пройдет даром!», а Гошко, припомнив, что на него Войтюлевича «от многих людей поголос-

438 #

б) Яско Павлович доносил: поссорился он с Брыкуном, и тот молвил ему в очи: «Ты, Яско, сти-

нешь с маетностью своею, также и дом твой; будешь волочиться — где день, где ночь!» И что же? — слова эти сбылись в течение одного года

с) Иван Бык подал заявление, что Брыкун похвалялся перед ним, его женою и детьми: «Будете один от другого, увадзевшись з' собою, бегать з' дому своего!», — и вслед за тем двое сыновей его ушли неведомо куда, да и с женой та же беда «...бежит на лес, детей своих не любит!» Как-то Бык стал усовещевать Брыкуна «Незбожный человек! покуль я того маю терпеть от тебе, што мои дети и жена будут бегать?», а случилось то у ворот, где были складены дрова «Не только жена и дети, — отвечал Брыкун, — но если скажу на тые дрова, которые склад ты под моею стеною, заразом и з'грунту выверну их вон!» — и в ту же минуту дрова действительно полетели сажени на три от земли.

д) Исаку Кондратовичу молвил однажды Брыкун: «Ты конечно за два годы усе твое добро з'дому як метлою выметешь, и сам вязенья натерпишься!» Так и случилось: в тот же день вечером издохла у него корова, а в продолжение года погибло до тридцати лошадей, коров и свиней, и сам он попал в тюрьму. А лиходеи еще насмехаются: «Знай, говорит, Брыкуна! не сварься со мною; ото ж тебе за мое!»

е) Мещане слободы Белчицкой Хома Гуца и Петр Демидович заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворал целый год, а умирая, говорил: «Ни

от кого иду на тот свет в той моей хворобе, только от Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то он «вита́л Демидовича пивом по полудню, а до вечера трохе не разорвало его, аж мусили люди Брыкуну кланяться, абы одходил».

Обвинители подтвердили свои изветы присягою. Выставленные ими свидетели показали:

а) Павел Иванович — что восемь лет тому назад умер у него отец и при последнем своем издыхании нарекал на Брыкуна пил он с Брыкуном горелку, и с того приключилась ему болезнь, а когда скончался — тело его распухло;

б) Игнат Семенович: «...готовили у нас на дому пиво; на ту пору пришел Брыкун — и пиво испортилось (sie. zepsowało, że przez piqć dni jak braha chodzilo); вылили его свиньям, но и свиньи подошли! Стал я на Брыкуна сердиться, а он пригрозил мне: ты и сам высохнешь!»;

с) Василий Харакович: «...позвали меня в гости на мед; был там и Брыкун с женою; я обнял его жену, а он закричал облап ты лучше печку! — и в ту же минуту (сам не ведаю для чего) полез я в печь, прямо в дымовую трубу, и пробыл там часа три».

Из прочих свидетелей одни показали, что во время попоек от «привитанья» Брыкуна бросало их оземь; другие — что действием его чар они заблудились в лесу и едва не погубили своих коней; наконец, третьи — что хотя лично они не видали от Брыкуна

ничего злого, но слышали от людей, будто он — чаровник и *wiedźma*.

Пан Саковский прислал письменное удостоверение (аттестацию), что Брыкун просил у него займы денег и, получивши отказ, молвил ему «Раздашь свои деньги людям, да назад не сыщешь!» Так и сделалось: с той самой поры ни один должник ему не платит! Адвокат со стороны обвиняемого произнес в его защиту речь, в которой, между прочим, высказал следующие возражения: «Говорят, что Брыкун — чаровник, что молва об этом существует уже десятки лет; но почему же никто не доносил на него прежде? Почему в тот самый год, как умерла жена Якова Толстого, не было сделано никакого протеста? Муж ее не жаловался.

То же следует сказать и относительно Кожемяки; когда он скончался, ни жена, ни дети его не протестовали. Яско Павлович считает Брыкуна виновником своей бедности, но спросите его: когда он был богат? Лет пять как появился он в Полоцке, а до того возил дрова на продажу — тем только и кормился, и с каким состоянием пришел сюда, с таким и остался. Да и мало ли на свете людей обедняло и за долги сидят в тюрьмах? Что же, во всем этом виноват Брыкун? Вот и Кондратович позабирал денег в долг, растратил их и за неплатеж попал в тюрьму; так неркели ж Брыкун этому причиною? Иван Бык жалуется, что у него в доме несогласие и ссоры; и не

диво: сам он человек упрямый, а жена его и дети — тоже! Что же касается рассказа о дровах, то это — просто вымысел».

Показание Хараковича защитник объяснил опьянением, а не чарами: «Мало ли чего пьяным не грезится!» Так же критически отнесся он и к прочим пунктам обвинения. При обыске найдены были у Брыкуна узелки с песком и перцем, и когда их представили на суд, то несчастный побледнел и затрясся от страха. Его пытали огнем и встряскою (*ciagnieniem na drabine*), но он ни в чем не сознался. Суд приговорил Брыкуна к сожжению, вместе с найденными у него волшебными наузами, и назначил день казни. Брыкун не дожил до этого дня: он перерезал себе ножом горло. Труп его вывезли в поле и сожгли рукою палача¹.

В 1606 году поданы были в Перми две любопытные жалобы; оба челобитчика сделали извет: один — на крестьянина Тренку Талева, что тот напустил икоту на его жену, а другой — на посадского Семей-

¹ Археограф, сб. документов, относящ. к ист. Северо-Западной Руси, I, 295—7, 338—346. Здесь же напечатаны: а) заявление полоцкого мещанина Василия Паука (1638 г.) об очаровании его дома: ктско, явившись ночью, облил у него неведомо чем ворота и стены, в чем Паук усматривает чару на свое собственное здоровье и на здоровье своей жены и детей; б) протест пана Лисовского (1640 г.) на мещанина Старымовича, который напустил «своей радюю и намовою» в его дом тараканов (*ibid.*, 307, 323).

¹ В другой челобитной сказано: «_а после того Оринка в порче кличет на Федькину жону на Онтонидку, Фадееву дочь, будто Онтонидка ее Оринку портила после мужа своего Федьки Якимова».

¹ Опис гор. Шуи Борисова, 338—340, 345, 456; Старин, акты, служащ. дополнением к Описанию гор. Шуи, 193—5, 199.

че спустя несколько дней после драки стала выкрикивать дома и в церкви, раза по два и по три в неделю, как бы в совершенном беспамятье¹.

В 1770 году в Яре иском уезде Вологодской губернии несколько баб и девок притворились кликушами и по злобе на разных лиц стали оговаривать их в порче. Оговоренные были схвачены, привезены в город и там под плетями вынуждены были признать себя чародеями и чародейками. Одна из этих мнимых преступниц (по ее собственному сознанию) напускала порчу по ветру посредством червей, полученных ею от дьявола; она доставила судьям и самих червей, а те препроводили их в сенат; оказалось, что это — личинки обыкновенных мух. Сенат отрешил за такое невежество городские власти от мест, а кликуш за их ложные обвинения присудил к наказанию плетями; да и впредь подобных кликальщиц предписал наказывать и оговорам их не верить².

Влиянием колдовства объяснялись не только болезни, но и всякие житейские неудачи. В 1660 году заявил в съезжей избе на Тюмени кречатий помощник Дмитрий Головин: «„в прошлом-де году он, Митька, не добыл кречета, потому что-де на него хвалили кречатьи помощники Федька Онохин с братом с Ивашком с Меншим и говорили ему, что-де тебе не добыть кречета, и над ним-де Митькою

¹ Поли. собр. зак., У, 2906.

² Библ. для Чт., 1859, VIII, 9–10.

Федька с братью ведовал; да кто подле них и рыбу ловит, ино-де ничего не добудут... Да пашенной же крестьянин Ивашко Букин сказывал ему Митьке: за то-де над тобою Ивашко Онохин и похимостил (поколдовал¹), что-де ты его бранил; а он-де, Митька, его, Ивашка, не бранивал»².

Царские свадьбы в старину так же редко обходились без подозрений в злом чародействе, как теперь не обходятся без них свадьбы поселян. Великий князь Симеон Гордый по кончине первой жены своей в 1345 году сочетался браком с Евпраксией, дочерью одного из князей Смоленских, но через несколько месяцев отослал ее к отцу — для того, что «великую княгиню на свадьбе испортили: ляжет с великим князем и она ему покажется мертвец»³.

Третья жена Ивана Грозного, Марфа Васильевна Собакина, дочь новгородского купца, занемогла еще невестою, стала сохнуть и через две недели после брака скончалась, что также приписано порче алых людей⁴. И первые заботы о семейном счастье царя Михаила Федоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марье Ивановне Хлоповой⁵,

¹ Обл сл., 174,247.

² Архив ист.-юр. свед, II, отдел, 6,57.

³ Родословн. книга, II, 207.

⁴ Карамзин. И. Г. Р., IX, 187 (изд. 2-е).

⁵ По мысли царя, взята была ко двору «в верх» девица Марья Ивановна Хлопова и объявлена царскою невестою; вскоре она заболела, обкушавшись сладостями, Михайло Салтыков до-

нес государю, что болезнь у Хлоповой великая и нельзя чаять долгого живота ей, вследствие чего она была сослана вместе со своими родичами в Тобольск, откуда после переведена в Нижний. В 1623 г. дело поднято снова, так как до царя дошли слухи, что невеста его со времени отсылки ее находится в вожделенном здравии. Врачи, лечившие невесту, сказали, что болезнь ее была ничтожная и легкоизлечимая; а Хлоповы обвиняли во всем окольничих Михаилу да Бориса Салтыковых. Дядя невесты, Гаврило Хлопов, показал; «ходил государь в Орркейную палату и смотрел оружейный казны, и поднесли-де к государю турецкую саблю и почали хвалить, и Михайло де Салтыков учал говорить, что и на Москве государевы мастера такую саблю сделают. И государь-де пожаловал, тое саблю дал в руки ему, Гавриле, и говорил ему: чает ли он, что такую саблю сделают на Москве? И он-де говорил, что сделают, только, чаю, не такову, какова та. И Михайло-де тое саблю у него из рук вырвал и молвил, что он говорит не знаючи. И он-де за то с Михаилом поборанился и поговорил с Салтыковыми гораздо в разговор, и с тех де мест Борис да Михайло Салтыковы любити их не учили. А после того, недели с две спустя, учала Марья Иванова дочь Хлопова изнемогати и почала блевати часто, и чает-де от сладких ядей, потому что едала сласти». Марья Хлопова показала, что рвало и ломало ее, и опухоль была, а думает, что то учинилось от супостат ее. Результатом следствия была ссылка Салты-

ковых с их женами в Галич и Вологду, так как они для своей недружбы с Хлоновым «любити их не почали — для того, чтобы одним быть при государе, и ихнею смутою почала быти Марья Хлопова больна». Больной невесте (как видно из следственного дела) давали пить святую воду с мощей да камень безуй. — Собр. гос. гр. и дог, III, 63—65, 98. В 1655 г. доставлены были в Аптекарский приказ три рога инроговые, и доктор Граман, осмотря их, сказал, что те роги — прямые (настоящие) и помогают в лихорадке, огневой (горячке), от морового поветрия, в черной немочи и когда укусит змея, «а принимать того рога против двенадцати зерен с камнем безуем — с теплым ренским или в романей»; роги оценены: два больших в 5000 руб., а меньший около 1000 руб. — Доп. к Ак. Ист, IV, 9. Встречается еще упоминание о камне безвар: в 1587 г. эрцгерцог Австрийский Максимилиан прислал в дар Федору Ивановичу этот камень, «взяв из казны отца своего, а имеет силу и лечбу великую от порчи». — Памяти, дипломат, снош, I, 972, 980.

¹ Никон, лет, VII, 247-8.

² Котоших, 5; Ч. О. И. и Д, год 1-й, I (Коллинс), 4—5; Сев. Архив 1822, II, 182—3 (письмо швед, поверенного в делах при русском дворе 1647 года); Ак Арх. эксп, IV, 18; Ак. Ист, IV, 59; Собр. Гос. Гр. и Дог, III, 155.

¹ Такова была вверена в силу «приворотных кореньев». Из розыскных дел видно, что и любовь Петра Великого к Екатерине, и расположение его к Меншикову объяснялись в народе тем, будто бы она и Меншиков обвели государя кореньями. — *Время*, 1862, IV, стат. Семеваского «Семейство Монсов», 316.

которую она сослалась, пытали и потом отправили в ссылку в дальние города

Другое подобное дело было в 1638 году; оно возникло вследствие ссоры нескольких мастериц из-за какой-то пропажи. Под влиянием личного озлобления сделан был извет на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошок на след государыни царицы и говорила «Только б мне умилишь царское и царицыно сердце, а другие мне дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она к бабе-ворожейке, что людей привораживает и у мужей к женам сердце и ревность отымают; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу в «естве», а мылом умываться самой и уверяла что после того муж станет молчать, что б она ни делала, хотя б воровала (любилась) с другими.

Наговоры были следующие: «Как де соль в естве любят, так (бы) муж жену любил!», «Сколь-де мыло борзо смоеся, столь бы (скоро) муж полюбил; а какова рубашка на теле бела, столь бы мрк был светел!» И другой мастерице та же колдунья давала наговоренную соль — для того, чтобы муж ее был добр до детей. Кроме того, дознались, что Дарья Ламанова приносила к бабе-ворожейке оторванный ворот от своей рубашки; ворожея сожгла ворот на шестке и, спросив, прямое ли имя Авдотья¹, наговорила и

¹ Царицу звали Евдокией Лукьяновной; это была вторая жена Михаила Федоровича

велела тот пепел сыпать на государский след, чтобы царь, царица и их ближние люди были милостивы к Дарье и ко всем ее челобитьям

Привлеченная к делу колдунья объявила, что зовут ее Настасьицею, родом черниговка, замужем за литвином Янкою, а учила ее ведовству другая баба Привели эту последнюю, и на допросе она показала, что умывает малых детей, уговаривает болезнь жабу и наметывает на живот горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляет таким ремеслом, есть на Москве многие ворожейки — Ульяна Слепая и другие, к которым ходят всякие люди.

Собрали и остальных ворожеек, допрашивали, грозили, пытали огнем, и вот все, что узнали из их показаний: если кто страдает лихорадкою или сердечной тоскою, тому они наговаривают на вино, чеснок -и уксус; от грыжи наговаривают на громовую стрелку и медвежий ноготь и с той стрелки и ногтя заставляют больных пить воду, причитывая следующие слова «Как де старой женке детей не раживать, так бы у раба Божия (имярек) грыжи не было!» Если у кого пропадет что-нибудь, тому ворожейки гадают по сердцу, как оно трепещет; у которых торговых людей залежится товар, тем приказывают умываться наговорным мелом, а на мед они наговаривают: «Как-де пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к торговым людям покупатели сходились!»

нечистой силою»; местным властям наказывали содержать подобных преступников как можно строже, сажать их в тюремные каюты отдельно, приковывать к стене на цепь и отнюдь не допускать к ним никого постороннего.

Встречается еще любопытное известие, что чародеев истомляли жаждою; так, в одной грамоте предписано было не давать воды Максиму-мельнику, посланному в Сибирь за волшебство, потому что «он, Максим, многожды уходил в воду»¹. Знаменитый Никон, низверженный с патриаршего престола и заточенный в белозерском Ферапонтовом монастыре, задумал отомстить своим врагам, возбудив в Алексее Михайловиче опасение волшебных чар и недоверие к ближним боярам

В октябре 1668 года явился от него в Москву монах Флавиан и подал письмо, в котором говорилось: отпущен-де Флавиан к государю объявить про великое дело, что на Москве изменники царские хотят очаровать его государя. Бояре, в присутствии самого Алексея Михайловича, спрашивали старца Флавиана, в чем состоит великое дело. Тот отвечал: на Петров пост пришел в Ферапонтову обитель Воскресенского монастыря чернец Палладий и объявил Никону, что был он в Москве на Кирилловском подворье и сказывал ему черный поп Иоиль про окольного

¹ Рус сл., 1861, VIII, ст. И. Сельского («Ссылка в Вост. Сибирь замечат. лиц»), 6.

Федора Ртищева; просил-де его Ртищев: «Сделай то, чтоб мне великого государя быть первым боярином». Иоиль возразил: «Мне этого сделать нельзя, а есть у тебя во дворе женка-цыганка, которая умеет эти дела делать лучше меня!» «Женке говорить про то нельзя, — сказал Ртищев, — потому что она хочет за меня замуж». Вслед за тем Никон прислал письмо, в котором излагал речи Палладия, но вместо Ртищева и цыганки указывал на боярина Богдана Матвеевича Хитрово и женку-литовку. По свидетельству этого письма, Иоиль говорил Палладию: «Никон меня не любит, называет колдуном и чернокнижником, а за мною ничего нет, только я умею звездочетие — то у меня гораздо твердо учено! Меня и в верх государь брал, как болела царица Анна, и я сказал, что ей не встать, что и сбылось; и мне государь указал жить в Чудове, чтоб (быть) поближе. Мне и Богдан Хитрой — друг и говорил мне, чтоб я государя очаровал, чтоб государь больше всех его, Богдана, любил и жаловал, и я, помня государеву милость к себе, ему отказал; и он мне сказал нишкни же! И я ему молвил: да у тебя литовка-то умеет; здесь на Москве нет ее сильнее. И Богдан говорил это так, да лихо запросы велики — хочет, чтоб я на ней женился; и я бы взял ее, да государь не велит».

. Призваны были к допросу Иоиль и Палладий; первый объявил, что приходил к Палладию лечить его и, кроме болезни, ни о чем другом с ним не раз-

говаривал, а у Хитрова никогда и на дворе не бывал; Палладий подтвердил то же и добавил, что приписанных ему речей Никону вовсе не сказывал: «Вольно старцу Никону меня поклепать, он затевать умеет!» Иоилия подвергли обыску и нашли у него книгу «счета звездарского», напечатанную в 1586 году в Вильне, книгу письменную лунам и дням, планетам и рождениям человеческим, тетрадку о пускании крови жильной и рожечной и записку, кого Иоиль вылечил Разноречие между показанием Флавиана и письмом Никона и разные обвинения, которые в то же время пали на бывшего патриарха, заставили извет его оставить без внимания¹.

В царствование Федора Алексеевича замечательно дело о заточении ближнего боярина Артамона Сергеича Матвеева, любимца покойного государя. Враги не могли придумать лучшего средства для отдаления Матвеева от двора и правительства, как обвинив его в чародействе. Это тем легче было исполнить, что боярин Артамон Сергеич любил сближаться с иноземцами и ценил научные знания; десятилетний сын его, Андрей, учился языкам греческому и латинскому под руководством переводчика Посольского приказа Спафари; а в тот век достаточно было иметь при себе какую-нибудь иностранную книгу и медицинские пособия, чтобы возбудить подозрение в волшебстве.

¹ История Рос Соловьева, XI, 379—383.

По свидетельству Олеария, во время пожара, бывшего в Москве при царе Михаиле Федоровиче, у одного немца-живописца нашли череп и только поэтому хотели сжечь его как волшебника; при стрелецких смутах доктор фон Гаден заплатил жизнью за то, что у него в доме нашлись сушеные змеи. Вследствие подговора Давыдко Берлов, лекарь, и Карло Захарка, проживавший в доме Матвеева, донесли на него, будто бы он вместе с доктором Стефаном и переводчиком Спафари, запершись в палате, читали черную книгу, и в то время явилось к ним множество нечистых духов. По этому доносу Матвеев был сослан на заточение в Пустозерский острог, боярство у него отнято, а имения отобраны в казну.

Матвеев несколько раз писал в Москву к государю, патриарху и боярам, стараясь оправдаться во взведенном на него преступлении, но попытки эти не имели успеха. В одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны следующие строки, из которых видно, что подобные доносы в старой, допетровской, Руси были самым обыкновенным явлением, характеристической чертой тогдашнего быта: «При великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, говорит Матвеев, такожде ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославского (будущего тестя царя Алексея), будто он имеет у себя перстень волшебный думного дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму не-

много не пришел в конечное разорение: был за при-
ставом многое время, животы пересмотриваны и
запечатаны были, и ничего не найдено... и за свою не-
винность освобожден... А при великом государе царе
и великом князе Алексее Михайловиче також-де за-
вистию и ненавистию извет был составной же и на-
ученой о волшебстве на боярина С. Л. Стрешнева, и
за тот извет страдал невинне, честь (то есть бояр-
ство) была отнята и сослан был на Вологду, а животы
и поместья и отчины и дворы не отняты. Да и на
многих, великий государь, таких воровских писем
было, а на иных и в смертном страхе были... А и я,
холоп твой, от ненавидящих и завидящих при отце
же твоём государеве великом государе немного не
пострадал: також-де воры, составя письмо воровское
подметное, кинули в грановитых сенех и в проход-
ных и хотели учинить Божией воле и отца твоего го-
сударева намерению и к супружеству — второму
браку препону, а написали в письме коренья»¹.

Князь М Щербатов заметил, что «наипросвещен-
нейший муж в России, князь Василий Васильевич
Голицын (известный наперсник царевны Софии), га-
дателей призывал и на месяц смотрел о познании
судьбы своей»². Отзыв этот подтверждается офици-
альными документами. Во время крымского похода

¹ История о невинном заточении ближн. боярина А. С. Мат-
веева (1785 г.), И, 161-3.

² 0.3, 1858, III, 240.

князь Голицын, извещая Шакловитого о безымянном
письме, в котором писано было к малорусам, чтоб
пребывали с крымцами в миру: «Москва-де вам не ве-
рит, и большого вашего хотят убить», — прибавляет:
«...и то, чаю, ведали они по чарованью некоему».

В 1689 году, по его челобитью, пытан был в Зем-
ском приказе Иван Бунаков за то, что вынимал кня-
жий след. Из деловых бумаг розыскного приказа уз-
наем, что князь Голицын совещался с колдунами и,
опасаясь, чтобы не остыла к нему любовь Софии,
прибегал к чарам какой-то знахарь давал ему травы,
и князь сыпал их для «прилюбления» в яства, подно-
симые царевне, а потом того знахаря велел сжечь в
бане, дабы не было от него проносу. Такое показан-
ие дал Сильвестр Медведев, а ему про то сказывал
иконник Васька Владимиров. Ваську взяли к допро-
су, пытали, и он повторил те же самые речи.

Обращалась к колдунам и прорицателям и царев-
на София; для предварительного испытания она
обыкновенно посылала их к Медведеву, который и
сам занимался астрологией, гадал по звездам и пред-
сказывал будущее. Между волхвами особенным до-
верием ее пользовался Димитрий Силин, вызванный
царевною из Польши лечить болезненные очи царю
Ивану Алексеевичу; года с три жил он в келье Медве-
дева, уверял, что умеет глядеть в солнце и угадывать,
что кому будет, знал заговаривать грыжу, пособлять
жене и мужу и вылечивать от болезней живота

Когда Петр начал торжествовать над своею сестрою, Медведев бежал в монастырское селцо Миккулино с тремя стрельцами; там они виделись с волхвом Васьюкою Иконником и советовались, что делать. Волхв уверял их, что он владеет Сатаною и если царевна даст ему 5000 рублей, то все останется по-прежнему; но ему уже не поверили. В тайных сношениях с Шакловитым и в волшебных чарах на царское здоровье был обвинен и стольник Андрей Безобразов. Уже в преклонных летах был он отправлен (в 1689 г.) воеводою в крепость Терки; месяца полтора плыл он реками Москвой и Окою до Нижнего Новгорода, где, застигнутый морозами,

остановился и послал челобитную к государям и письма к разным влиятельным лицам, умоляя освободить его от такой дальней службы и воротить в столицу. Из Нижнего бежали от него крепостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семенов, обокравши наперед своего господина, как это видно из поданных им явочных прошений. Они явились в Москве в Розыскной приказ и сделали на Безобразова извет, что он сносился с Шакловитым и на пути к Нижнему посылал по городам и селам людей своих отыскивать ворожей и волхвов — верста двадцать и далее; посланные приводили к нему разных колдунов: в Москве — мельника Сеньку Антонова, в Коломне — волхва Ганьку, в Касимове — женку-татарку и бабу Аксютку, в Нижнем — коновала Дорошку Кабанова, портного Ивашка Матвеева и дворника Оську Охапкина, и те колдуны и колдуньи ворожили на костях, деньгах и на воде о здравии царя Петра Алексеевича и матери его Натальи Кирилловны, умышляючи злое дело, и о бунте и победе на бояр. Волхв Дорошка «накупился у Безобразова напустить по ветру тоску на царя и царицу, чтобы они сделались к нему добры и поворотили бы его к Москве»; для этого, снабдив Дорошку запасом и вином, Безобразов отправил его к Москве с человеком своим Ивашком Шербачовым и велел этому последнему указать ему государя Петра Алексеевича и царицу мать его. А жена Безобразова

заставляла писать царские имена, Петр и Наталия, на семи старых полотняных лоскутках и, вставив лоскутки в восковые свечи, на место фитилей, посылала те свечи по церквам и приказывала, затепля, ставить их перед иконами да смотреть, пока они догорят¹.

По этому извету послали за обвиняемым в Нижний Новгород; жену его призвали к допросу, коновал Дорошка был взят на ее дворе, где укрывался он от розыска, а Щербачов пойман в подмосковной деревне Безобразова; захвачены были и другие оговоренные лица. Жена Безобразова сначала записалась и отвергала все обвинения, но потом на очных ставках вынуждена была сознаться, что получила от мужа письма к Шакловитому и что ведала, с какою именно целью прислан был на Москву коновал Дорошка. Кабанов объявил, что он заговаривает руду и лечит всякие болезни тайными заговорными словами — шептали, что учился этому мастерству у другого нижегородского коновала Федора Бобыля; что привез с собою бобы для ворожбы, росный ладон для охраны новобрачных от ведунов, богородицкую траву от сердечной болезни и коричную — для леченья лошадей; что в Москву приехал он вследствие данного Безобразову обещания — сделать царя Петра добрым к нему и милос-

¹ О значении этой чары см. выше, с 103.

тивным. В то время, как шли великие государи из саввинского походу, Щербачов возил его в село Хорошево, и он, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускал по ветру; да и в село Преображенское для того же вражеского дела они ходили, но не дошед того села — воротились назад. То же подтвердил и Щербачов. Мельник Семен Антонов, сысканный в Московском уезде, повинился в ворожбе у Безобразова только после двоекратной пытки.

Наконец привезли самого Безобразова с тремя колдунами: коновалом Бобылем, дворником Охапкиным и портным Матвеевым. Очные ставки с пыткой вынудили у него признание в справедливости всех сделанных изветов; вместе с ним пытаны Кабанов (дано 17 ударов), Бобыль (35 ударов), Охапкин (10 ударов); прочие ведуны подыманы только для страха. При этом некоторые из них объявили и свои шепты (заговоры), а другие показывали, что никакой ворожбы не знают, а ворожили «издеваясь».

Очевидно, все преступление состояло в суеверных попытках помощью чар и заговоров призвать царскую милость на опального боярина Бояре приговорили: Безобразову отсечь голову, жену его сослать в Тихвинский Введенский монастырь, а двор их, поместья и вотчины отобрать бесповоротно; коновалов Дорофея Кабанова и Федора Бобыля сжечь в срубе;

остальных колдунов и Щербачова бить нещадно кнутом на козле и сослать в Сибирь вместе с их женами и детьми. Казнь совершилась 8 января 1690 года. Доносчики были награждены: им выдано из описной казны Безобразова по сто рублей на человека, оба они освобождены от крепостной зависимости и взяты в задворные конюхи.

Но дело этим не кончилось; оно тянулось еще около двух лет; розыски производились воеводами в Коломне, Касимове, Переяславле Рязанском и Нижнем Новгороде. Один ведун оговаривал другого, другой — третьего и так далее. Воеводские розыски были ужасны: привлеченных к делу ворожей и колдунов пытали по нескольку раз со встряскою. Некоторые из них винулись в ворожбе на бобах, воде и деньгах; другие же, несмотря на истязания, ни в чем не сознавались и умирали под пыtkою или в тюрьме до окончания следствия¹.

Реформа Петра Великого не могла поколебать векового предубеждения против колдунов и ведьм. В ту эпоху, когда она совершалась, во всей Западной Европе, служившей для нас образцом и примером, вера в колдовство составляла общее достояние умов и подчиняла своим темным внушениям не только простолюдинов, но и духовенство, ученых и самые правительства. Между тем как у славян, со-

¹ История Петра. В, соч. Устрялова, II, 347—350; Записки Желябужского, 23.

$$\text{O} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{O} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{C} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{O} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{O} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{O} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{X} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{C} \begin{array}{c} \diagup \diagdown \\ \diagdown \diagup \end{array} \text{X}$$

ответственно простоте их быта, далекого от строгих юридических определений, книжной учености и богословской схоластики, предания о волшебстве удерживались в устных, отрывочных и безыскусственных рассказах, на Западе мы встречаем целый ряд ученых богословских трактатов о духах злобы и их связях с людьми, трактатов, обработанных систематически и доведенных до изумительного анализа всех мелочных подробностей. Эта средневековая литература дополняла и формулировала народное суеверие, скрепляла его своим авторитетом и имела огромное влияние на общественные нравы, судебные процессы и законодательные установления.

Уполномоченные от высших правительственных властей, инквизиторы ездили по различным областям Италии, Франции, Германии и других земель, где только проносилась молва о чародействе; следственные комиссии приступали к делу со всеми ужасами пыток и вынуждали самые чудовищные признания. Число жертв, погибавших от руки палача, превосходит всякое вероятие.

От издания буллы Иннокентия VIII (1484 г.), направленной против колдунов и ведьм, до окончания казней за волшебство в одной Германии насчитывают более ста тысяч человек, осужденных на смерть, в Англии за все время, пока продолжались там подобные преследования, погибло более 30 000 чело-

век¹. Не подлежит сомнению, что не одни пытки заставляли признаваться в небывалых сношениях с чертями; что бывали и добровольные самообвинения, исходившие из того болезненно суеверного настроения, отдаваясь которому человек всякое непонятное ему действие и всякую тревожившую его мечту готов был приписать сверхъестественным, демоническим силам. С особенною наглядностью раскрывается это в тех процессах, где были замешаны дети.

Под обаянием предрассудков, всосанных с молоком матери, впечатлительная фантазия детей принимала сновидения, горячечный бред и мечты напуганного воображения за живую действительность. В знаменитом процессе 1669 года в шведской деревне Мора малолетние дети смело и настойчиво утверждали, что они околдованы и были в сношениях с дьяволом. Такое губительное заблуждение действо-

¹ В продолжение 1485 г. Кумон, в графстве Вурлиа, он сжег за колдовство 41 женщину; в следующем году он продолжал действовать с тою же ревностно, так что большая часть народа разбежалась. Алциаст говорит, что в это же время инквизитор сжег в Пиемонте 100 колдунов и своими преследованиями вывел наконец из терпения жителей. В 1515 г. в Женеве казнено 500 человек под именем протестанских колдунов; в Равенсбурге в четыре года было сожжено 48 человек по решению Менго, автора известного сочинения *Malleus maleficarum*; ученый инквизитор Реми хвалился, что он в продолжение 15 лет казнил 900 человек.

вало нередко как нравственная зараза и, зародившись в умах некоторых мальчиков или девочек, немедленно сообщалось от них всему детскому населению.

Во Франции в одном благотворительном заведении в продолжение полугода почти все воспитанницы объявили себя ведьмами, рассказывали о сообщении своем с чертями, о своих полуночных собраниях, пирах и плясках. Несчастных детей так же безжалостно пытали, как и взрослых. Сожжение и казни ведьм продолжались почти до конца XVIII столетия. В истории Англии известен процесс 1716 года, когда Гике и его девятилетняя дочь были повешены за то, что предались дьяволу и производили бури; в 1728 году в венгерском городе Сигедине сожгли тринадцать колдуний; в 1749 г. в Вирцбурге сожжена как волшебница Мария Рената; в католическом кантоне Гларусе подобная же казнь совершена над ведьмою в 1786 году¹.

Ясно, что при Петре Великом влияние Западной Европы не могло подействовать смягчительно на дух нашего законодательства. В артикулах Воинского устава 1716 года предписывается: если кто из воинов будет чернокнижник, ружья заговорщик и богохульный чародей, такого наказывать шпицрутенном и за-

¹ Моск. Телеграф, 1830, XIX—XXI, статья по поводу издания Горста: «Zauber-Bibliothek»; Моек Наблюдат, 1837, XI, 117—139 («Суд над ведьмами»).

ключением в оковы или сожжением. В толковании к этой статье прибавлено, что сожжение определяется чернокнижникам, входящим в обязательство с дьяволом¹. Лиц, пойманных с волшебными заговорами и гадательными тетрадками или уличенных в их переписке, продолжали подвергать телесным испытаниям; самые заговоры и тетрадки (на основании указа царя Федора Алексеевича) посылались на просмотр к ректору Славяно-греко-латинской академии.

В 1726 году были представлены к ректору Гедео-ну для увещания и вразумления иеродиакон Прилуцкого монастыря Аверкий, у которого найдены волшебные письма, и дворовый человек Василий Данилов, обвиненный в сношениях с дьяволом, по наущению которого похищена им золотая риза с образа Богородицы.

По образцу западных теорий в курс богословия внесено было объяснение различных видов волшебства; так, в лекциях, читанных в академии в 1706 году, встречаем целый отдел *de contractibus diabolicis*. «*Contractus diabolicus* (сказано в этих лекциях) *est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magiam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et maleficium*»; колдуны, по словам ученого профессора, могут с корнем вырывать креп-

¹ П. С. Зак, V, 3006, гл I, артик 1 и 2.

чайшие деревья, переставлять засеянные поля с одного места на другое, делаться невидимками, превращаться в различные образы и совершать многие другие чары.

Судные дела XVIII столетия до сих пор остаются неизданными и малодоступными для исследователя; но даже из тех немногих материалов, на которые можно сослаться в настоящее время, нетрудно убедиться, как сильно живучи народные суеверия и как долго еще после реформы Петра Великого продолжались преследования мнимого чародейства.

В 1750 году возникло, например, дело о сержанте Тулубьеве, который обвинялся в совершении любовных чар. Обстоятельства этого дела так изложены в промемории тобольской консистории: ширванского пехотного полка сержант Василий Тулубьев, квартируя в городе Тюмени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступил в блудную связь с ее дочерью Ириною; а потом ее, Ирину, насильно обвенчал со своим дворовым человеком Родионом Дунаевым, но жить с ним не позволил. Чтобы закрепить любовь и верность Ирины, он на третий день после венца брал ее с собой в баню и творил над нею разные чары: взяв два ломтя печеного хлеба, Тулубьев обтирал ими с себя

¹ История Моск. славяно-греко-лат. академии, соч. Смирнова, 129—130, 135, 150.

и со своей любовницы пот; затем хлеб этот смешал с воском, печиною, солью и волосами, сделал два колобка и шептал над ними неведомо какие слова, смотря в волшебную книгу. Он же, Тулубьев, срезывал с хоромных углов стрррки, собирал грязь с тележного колеса, клал те стружки и грязь в теплую банную воду и приготовленным настоем поил Ирину; поил ее и вином, смешанным с порохом и росным ладаном; наговаривал еще на воск и серу и те снадобья заставлял ее носить, прилепив к шейному кресту, а сам он постоянно носил при себе ее волосы, над которыми также нашептывал. Подобными чарами Тулубьев так приворожил Ирину, что она без него жить не могла и, когда ему случалось уходить со двора, бегала за ним следом, тосковала и драла на себе платье и волосы.

Консистория определила: лишить Тулубьева сержантского звания и сослать его на покаяние в Енисейский монастырь, а брак Ирины с Дунаевым расторгнуть; как блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключению, «но понеже она извращена к тому по злодеянию того Тулубьева, чародейством его и присушкою, а не по свободной воле, — для таких резонов от посылки в монастырь ее освободить»¹.

¹ Этногр. сб., VI, 141—3; см. также Памят. книжку Арханг. губ. 1864 г., 79—90 (судные дела 1729 и 1785 годов, возникшие по обвинению в напушении икоты).

Но рано или поздно дух суеверия должен был уступить перед успехами ума и общественного просвещения. Философское движение второй половины XVIII века вызвало более светлые взгляды на природу и человека, потрясло вековые предрассудки, заставило сознаться в бесполезной жестокости пыток и утвердило великую идею веротерпимости; вместе с этим оно погасило костры инквизиции и остановило преследования мнимых колдунов и ведьм во всей Европе. У нас, на Руси, это благотворное влияние европейской науки выразилось в законодательных памятниках Екатерины II.

*Практическое издание
Сокровенные знания славян*

Содержание

Введение.	3
Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков.	5
Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни.	159
Процессы о колдунах и ведьмах.	391

Афанасьев Александр Николаевич

Славянские колдуны и их свита

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор-составитель: *Ю. Тимошенко*

Контрольный редактор *А. Мухина*

Художественное оформление: *В. Шумилов*

Компьютерная верстка *А. Аятлов*

Корректор *Т. Антонова*

Изготовление макета ООО «Прогресс РК»

Подписано в печать 21.05.2009 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура Lazurski. Печ. л 15,0

Тираж 5 000 экз.

Заказ № 301

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

109147, г. Москва ул Большая Андроньевская, д 23

Отпечатано в типографии ООО «КубаньПечать»

350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2